

Рудольф Штейнер

Связь между живыми и умершими

GA 168

bdn-steiner.ru

8 докладов, прочитанных в разных городах

с 16 февраля по 3 декабря 1916 г.

Перевод с немецкого Гуменник С. А.

К публикациям лекционных работ

Рудольфа Штейнера

Полное собрание сочинений Рудольфа Штейнера (1861-1925) делится на три больших отдела: литературное наследие - лекции - художественные произведения.

Рудольф Штейнер первоначально не хотел, чтобы многочисленные лекции и курсы, прочитанные в 1900-1924 годах как публично, так и для членов Теософского, позже Антропософского общества, были записаны в письменной форме, поскольку они задумывались им как «устные, не предназначенные для печати сообщения». Но поскольку слушателями составлялось и распространялось всё больше неполных и ошибочных рукописных записей, он увидел, что необходимо контролировать записи. Эту задачу он доверил Марии Штейнер-фон Сиверс. Она отвечала за назначение стенографистов, управление записями и просмотр текстов необходимых для выпуска. Так как Рудольф Штейнер из-за нехватки времени только в очень немногих случаях мог сам исправлять записанное, то по отношению ко всем изданиям лекций должно быть учтено его пояснение: «должно быть принято к сведению, что в непрочитанных мною документах могут быть обнаружены ошибки».

Об отношении лекций для членов Общества, которые сначала были доступны только как напечатанные рукописи для внутреннего пользования, к его собственным официальным книгам Рудольф Штейнер высказывается в своей автобиографии «Мой жизненный путь» (35-я глава).

После смерти Марии Штейнер (1867-1948), в соответствии с её указаниями, был начат выпуск собрания сочинений Рудольфа Штейнера. Данный том является составной частью этого общего издания.

СОДЕРЖАНИЕ

Лекция первая

Жизнь между смертью и новым рождением

Гамбург, 16 февраля 1916 г.

Лекция вторая

Члены существа человека в жизни между смертью и новым рождением

Кассель, 18 февраля 1916 г.

Лекция третья

О событии смерти и фактах посмертного времени

Лейпциг, 22 февраля 1916 г.

Лекция четвёртая

Как можно преодолеть душевную нужду настоящего времени?

Цюрих, 10 октября 1916 г.

Лекция пятая

Действия кармы

Цюрих, 24 октября 1916 г.

Лекция шестая

Жизненная ложь современного культурного человечества

Санкт-Галлен, 26 октября 1916 г.

Лекция седьмая

Связь между живыми и умершими

Берн, 9 ноября 1916 г.

Лекция восьмая

Связь человека с духовным миром

Цюрих, 3 декабря 1916 г.

На протяжении Первой мировой войны перед каждой лекцией, прочитанной Рудольфом Штайнером для Антропософского общества в страдающих от этой войны странах, он произносил следующие слова:

Мои дорогие друзья, мы памятуем об охраняющих духах тех, кто находится во внешнем мире на полях великих событий современности:

Духи ваших душ, деятельные стражи,
Просим донести на ваших крыльях
Любовь наших душ, направленную
Людям Земли, вверенным вашей защите,
Чтобы, соединённая с вашей властью,
Наша просьба светила как помощь
Тем душам, которых она с любовью ищет.

Мы обращаемся и к охраняющим духам тех, кто вследствие этих событий, исполненных страданий, уже прошёл через врата смерти:

Духи ваших душ, деятельные стражи,
Просим донести на ваших крыльях
Любовь наших душ, направленную
Людям сфер, вверенным вашей защите,
Чтобы, соединённая с вашей властью,
Наша просьба светила как помощь
Тем душам, которых она с любовью ищет.

И тот Дух, к которому в течение ряда лет мы стремимся приблизиться путём духовной науки, тот Дух, который ради спасения Земли, ради свободы и развития человечества прошёл через Мистерию Голгофы, да пребудет Он с Вами и Вашим тяжким долгом!

Лекция первая

Жизнь между смертью и новым рождением

Гамбург, 16 февраля 1916 г.

Нашим стремлением является по мере возможностей проникновение познавательным образом в те миры, которые закрыты для обычного чувственного, рассудочного познания, связанного с физическим планом. Конечно, в течение многих лет нас приучали думать, что человек в жизни, в которой он пребывает в своём физическом теле, находится в мире, являющемся лишь малой частью всего реального мира. Поскольку мы встречаемся так редко, мы не можем во время этих встреч объяснить непосредственно всё, что я хотел бы высказать исходя из основ. На наших прежних собраниях и из наших книг необходимо было понять, что вещи, высказывающиеся во время тех встреч, которые у нас могут изредка происходить, являются хорошо обоснованными. Так как именно на таких собраниях нашей потребностью становится обучение познанию важного и существенного о только что обозначенном, большем реальном мире, охватывающем физический мир и мир духовный.

С тех пор, как мы встречались здесь в последний раз, конечно, также многое произошло и в тех кругах, в которых занимаются нашей духовной наукой. Многие наши дорогие друзья прошли через врата смерти. Также с начала этого трудного военного периода прошли через врата смерти друзья, вынужденные принимать непосредственное участие в великих событиях. И значит также мы сами были затронуты великим духовным миром в пределах нашего круга, поскольку души, пребывавшие в наших рядах, вошли в этот духовный мир после того, как оставили свои земные тела. В образе мышления, проистекающем из нашей духовной науки, заложено то, что для нас души, которые таким образом покинули физический план и были приняты другим миром, остаются с нами связанными так же, как они были связаны с нами, пока они ещё смотрели на нас физическими глазами и могли говорить с нами посредством физического тела.

Именно когда приближаются к миру, принимающему наших умерших, тогда в такие моменты, когда подходят ближе к душам так называемых умерших, учатся узнавать самое ошеломляющее, что когда-либо должно обрушиться на нашу душу, если эта душа попытается переступить тот порог, который отделяет нас от духовного мира, и войти в мир, который можно увидеть только в состоянии души, лишённом

телесности. И Вы, возможно, поймёте, что многие слова, которые мы сегодня должны сказать друг другу, звучат из многих ощущений, прошедших через мою собственную душу именно на протяжении года с момента нашей встречи, что они звучат из подобных ощущений.

Именно в последние годы мне часто приходилось говорить нашим друзьям о том, что истинное доверие того, кто смотрит на условия существования, всё же на самом деле может только вырасти, если знают, что души, прошедшие врата смерти и верно выполнявшие здесь совместную работу, остаются такими же, так что мы, безусловно, не теряем для нашей деятельности такие души, которые обрели понимание нашего дела, так как они были связаны с нами здесь до того, как прошли через врата смерти. И среди таких душ есть настолько верные сотрудники, что мы можем сказать: хотя иногда враждебность и непонимание по отношению к нашему делу здесь, в физическом мире, настолько велики и, как мы можем заметить, увеличиваются всё больше и больше, то всё же мы должны верить, что наше дело волеётся в ход развития человечества, так как мы можем обрести эту веру благодаря связи с развоплощёнными душами, достигшими понимания всего значения, которое наше дело имеет для этого хода развития человечества.

Однако именно тогда, когда человек благодаря открытой душе приближается к миру, в котором находятся так называемые умершие — можно пока говорить так, хотя, естественно, также весь мир, в котором находятся умершие, является духовным —, именно когда человек может подойти, я хочу сказать, как посетитель, как попутчик умерших к духовному миру, то он всё больше и больше узнаёт то, что уже было подчёркнуто здесь: что на самом деле понятия, представления, идеи, которые мы себе формируем о мире, и которые мы себе формируем такими как раз потому, что мы находимся в физическом теле, что эти представления и идеи необходимо во многом преобразовать, необходимо сделать гибкими, чтобы они смогли также охватить тайны духовного существования. Современный человек в большей мере приспособлен лишь к материальному видению своего окружения, и так же поэтому он сформировал себе представления только в соответствии с этим материальным видением. И прежде всего, поэтому ему трудно проникнуть в духовные миры даже с помощью представлений. Многие вообще считают, что нельзя обрести понимание духовных миров, если ещё не можешь заглянуть в них. Но они верят в это только по той причине, что сделали свои идеи жёсткими и мёртвыми из-за того, что слишком привыкли думать только о физическом мире.

Учитывая вышеизложенное, я как раз хочу рассказать Вам кое-что из того, что связано с жизнью так называемых умерших. Мы знаем, что, если мы хотим внимательно взглянуть на жизнь между смертью и новым рождением, следует рассматривать и учитывать, что человек состоит из четырёх членов, которые мы, конечно, хорошо знаем: из физического, эфирного, астрального тел и «Я». Если мы

сначала обратим внимание на самый внешний, видимый ещё с физического плана факт смерти, то он состоит в том, что человек слагает своё физическое тело. Нам нет необходимости вникать в различные способы, которыми теперь это физическое тело, будь то сожжение или разложение - и то и другое в основном отличается только временем, в течение которого это происходит, – объединится с земным бытием. Но если мы тот факт, что физическое тело отпадает от всего существа человека в момент смерти и, как говорится, объединяется с Землей, - если мы просто рассмотрим этот факт в его значении для физического плана, то его по сути совершенно не учитывают правильным образом. Часто даже со стороны духовно-научных направлений, которые до некоторой степени заглядывают в духовные области, его совершенно не учитывают правильным образом. Они ещё остаются опутанными всевозможными моральными представлениями, которые, однако, во многих отношениях просто не подходят для правильного понимания проникновения духовного в физический мир.

Все физические события также имеют своё духовное значение. Не существует никакого физического события, не имевшего бы также духовного значения. Итак, физическое событие состоит в том, что наше физическое тело отпадает от нас, так сказать, расщепляется на свои части, на свои молекулы, на свои атомы и передаётся Земле. Собственно говоря, большим предрассудком современного материалистического мировоззрения, которое, однако, в сущности, уже давно в большей или меньшей степени господствует над человечеством, является то, что человеческое тело, каким мы несём его от рождения до смерти или, скажем, от зачатия до смерти, что это человеческое тело просто распадается на мельчайшие части, на атомы, и что эти атомы затем присоединяются к Земле или присоединяются к области Земли, а затем остаются атомами и, в качестве атомов, затем переходят в другие существа. К этому предрассудку легко приходят благодаря сегодняшнему материалистическому способу воззрения. Но этот способ представления уже на самом деле, в сущности, для духовной науки является ничем иным, как глупостью. Потому что атомов в том смысле, как их воспринимает химик, в действительности не существует. Возникшее из мельчайших частей нашего тела, независимо от того, как мы объединяемся с Землёй в качестве тела, в конце концов, становится теплом. По сути, весь наш физический организм неважно каким образом за более короткое или более длительное время превращается в тепло.

Поэтому, как известно, мы также говорим в духовной науке о тепле как о четвёртом агрегатном состоянии, тогда как физика не признаёт тепло в качестве четвёртого агрегатного состояния, а рассматривает его только как свойство тел. И именно это тепло в первую очередь действительно отдаётся Земле. Оно передаётся Земле. Таким образом, мы отдаём тепло нашего физического тела нашей Земле. На самом деле тепло, присутствующее в Земле, тесно связано с тем, что люди оставляют после себя. Человек не превращается в воздух, в воду и так далее. Это всего лишь

переходные состояния, которые он переживает. То, что превращается из него в воздух и воду, в конце концов, становится теплом. В любом случае, даже если последние остатки материального переходят в тепло через века, по-моему мнению, даже если то, что является костной системой лишь спустя тысячелетия переходит в тепло, оно, в конце концов, преобразуется в тепло. И даже если Вы пойдёте в музеи, чтобы сегодня увидеть скелеты древних людей, оказавшихся в Земле в стародавние времена, то однажды также настанет время, когда то, что сегодня находится в скелетах, станет всего лишь теплом внутри тела Земли. Тот факт, что наше физическое тело остаётся на Земле, имеет огромное, немаловажное значение для того, кто прошёл через врата смерти. Он уходит в духовный мир. Он оставляет своё тело Земле. Это для так называемого умершего является переживанием, опытом. Он переживает следующее: твоё тело отделяется от тебя. – Нужно себе представить, что это является переживанием. Что же это за переживание? Собственно говоря, Вы можете составить себе понятие об этом, если возьмёте переживания на физическом плане. Это такое переживание, скажем мы, когда Вы переживаете какое-то новое чувство, которого у Вас раньше не было, и учитесь понимать его; тогда Вы передаёте своей душе то, чем она раньше не владела, некое новое понятие, некое новое представление. Но теперь представьте себе, что такое маленькое переживание переросло в большое. Человек переживает нечто бесконечно мощное, что вообще даёт ему возможность видеть, думать, постигать между смертью и рождением: он слагает с себя это тело, он передаёт его планете, которую покидает. Это великое, мощное переживание, которое не может сравниться ни с каким переживанием земного бытия. Ценность переживания заключается в том, что в душе мы несём нечто, что остаётся как следствие, как результат переживания. Таким образом, мы можем поставить вопрос: что же остаётся как результат, как следствие этого переживания отделения физического тела от всего нашего человеческого существа?

Если бы при прохождении через врата смерти мы не имели возможности испытать это переживание отделения нашего физического тела, в котором мы сознательно участвуем, то после смерти мы никогда не смогли бы развернуть Я-сознание! Я-сознание после смерти побуждается этим переживанием отделения физического тела. Для умершего это имеет исключительное значение: я вижу, как моё физическое тело отделяется от меня. - И ещё дополнительно: исходя из этого события, я вижу растущее во мне самом чувство: я есмь «Я». - Можно произнести парадоксальные слова: если бы мы не смогли переживать свою смерть с другой стороны, то мы не смогли бы после смерти обладать Я-сознанием. - Как истинно, что человеческая душа, когда она вступает в бытие через рождение или ещё даже через зачатие, постепенно приспособливается к использованию физического аппарата и благодаря этому обретает Я-сознание в теле, так же истинно, что человеческое существо приобретает Я-сознание после смерти с другой стороны бытия благодаря

тому, что переживает отделение физического тела от всего человека.

Только подумайте однажды, что это означает на самом деле. Когда мы смотрим на смерть с этой физической стороны бытия, она кажется нам концом этого бытия, тем, что для физического созерцания ничего не несёт за собой. Глядя с другой стороны, смерть как таковая является самым чудесным, что всегда может находиться перед душой человека. Так как это означает, что человек всегда может испытать ощущение победы духовного бытия над телесным. И в то время как здесь, в физической жизни, мы никогда не можем составить себе представление о своём рождении - ни один человек не имеет представления о своём рождении, ни один человек не может знать что-либо о своём рождении на основании физического опыта -, то есть, насколько мало мы можем наблюдать наше рождение здесь, в физической жизни, настолько достоверно всегда, когда мы становимся полностью сознательными после смерти, перед нами непосредственно предстаёт наше событие смерти. Однако в этом событии смерти нет ничего удручающего, там это событие смерти есть самое великое, самое чудесное, самое прекрасное событие, которое может предстать перед нашей душой. Потому что оно всегда показывает нам всё величие того факта, что из этого события смерти проистекает сознание, самосознание в духовном мире, что смерть является инициатором этого самосознания в духовном мире.

В качестве второго члена человеческого существа мы должны рассмотреть эфирное тело. Из элементарных представлений, которые мы все пережили в течение нашей жизни в ветвях (отделениях АО — прим. пер.), мы знаем, что это эфирное тело сохраняется у нас ещё относительно короткое время после смерти, но затем оно также слагается. Мы также знаем, что есть определённый смысл в том факте, что это эфирное тело, в таком виде каким мы им обладали, остаётся соединённым с нами в течение нескольких дней после смерти.

До тех пор, пока мы несём на себе это эфирное тело после того, как мы сложили физическое тело, мы всё ещё можем думать обо всём, о чём мы могли думать во время нашего физического существования. Поэтому мы можем обзреть все мысли, которые несём в себе, словно на огромной картине. Мы видим наши мысли, пережитые в течение жизни, на картине жизни, которую я Вам часто описывал. Вся наша жизнь предстаёт перед нами словно панорама в те дни, когда мы всё ещё несём на себе эфирное тело, и в то же время она предстаёт перед нами единовременно, это значит, что мы видим всё сразу. Потому что то, что мы называем памятью здесь, в физическом мире, хотя и возникает в эфирном теле, но оно связано с физическим телом. Это физическое тело мы сложили. Мы созерцаем мысли. Мы не поднимаем их из подоснов, имеющих какое-то отношение к физическому телу, мы взираем на них и, как на панораме, созерцаем пережитую нами жизнь.

Затем мы слагаем это эфирное тело. Но это эфирное тело, которое мы здесь слагаем, оно остаётся видимым для нас всю нашу дальнейшую жизнь после смерти.

Оно находится вовне, но оно остаётся видимым для нас. Оно соединяется со всей Вселенной, но то, что происходит там с ним, остаётся видимым для нас, мы это видим.

И это относится к тайнам смерти, что, пока мы несём на себе эфирное тело, мы созерцаем на панораме то, что несли в себе в мыслях во время жизни, что мы соединяем это вне себя с миром, в какой-то степени обозреваем вплетаемым в мир, чтобы оно принадлежало нашему миру, а не нашему «Я» после смерти. Это действительно является переживанием, как будто то, что в течение всей жизни в качестве эфирного тела ткёт и живёт в нас, просто вживается в эфирный мир снаружи.

Затем, как Вы знаете, наступает время, когда из того, что мы несём на себе здесь на физическом плане, остаётся только «Я» и астральное тело, и, естественно, мы созерцаем то, чем мы были. Там мы переживаем себя совершенно иным образом, чем здесь, в физическом теле, - при помощи более высокого сознания, порождённого в нас смертью. Но нам не следует представлять себе, что эта жизнь между смертью и новым рождением могла бы быть бессознательной для души. С этой жизнью связано более сильное, более интенсивное сознание, чем сознание здесь, в физическом теле, только это сознание образуется совершенно другим способом. И, конечно, человек приближается к тому, как нужно представлять себе умерших, только благодаря тому, что собирает вместе всё то, что может дать духовная наука, чтобы преобразовать те представления, которые здесь, на физическом плане, естественно приспособлены к чисто физическим предметам и событиям. Таким образом, мы живём в нашем «Я» и в нашем астральном теле. Наше эфирное тело мы сложили. Его связывают с объективным бытием.

Мои дорогие друзья, вероятно, это является потрясающим переживанием для того, кто вступает в духовный мир, чтобы посетить и сопровождать умерших, с которыми можно вступить в контакт, чтобы проследить теперь не только индивидуальную жизнь умершего между смертью и новым рождением, но также следовать за тем, на что смотрит умерший, что вpletено в качестве его эфирного тела в мир, который теперь для него является внешним миром, объективным миром, то есть наблюдать за тем, что умерший только что отдал эфирному миру. И уже происходит так, что умершего в определённой степени можно пережить неким двойственным образом. Можно переживать то, что он передал эфирному миру, и можно переживать то, в чём находится его сознание после смерти.

Я говорю, что потрясающим является даже первое соприкосновение с тем, что умерший оставил эфирному миру, потрясающим является само по себе тогда, когда могут вступить в связь не с тем существом, которое продолжает жить между смертью и новым рождением и несёт сознание и самосознание умершего, но с тем, что он оставил. В таком случае такого рода опыт сам несёт всё, что оказывает очень глубокое, имеющее в целом отношение к духовному миру воздействие на душу.

И к этому потрясению относится, прежде всего, реальный, живой опыт, что такое

духовное, как только что было описано, то есть такое духовное, являющееся эфирно духовным, оставшимся от умершего, что оно на самом деле постоянно находится вокруг нас. Как верно, что мы живём в окружающем нас повсюду воздухе, так же верно, что нас окружает мир, в котором остаётся то, что умерший оставляет как свой эфирный мир. В том мире, в котором мы пребываем также с нашими физическими телами, также находится то духовное, о котором я сейчас говорю. Как истинно, что вокруг нас находится воздух, так же истинно, что вокруг нас находится то, что оставляют умершие. Мы отделены от духовных миров только благодаря состоянию сознания; не в пространственном отношении мы разъединены, а благодаря состоянию сознания.

Рассмотрите однажды человека, который прилагает усилия для выполнения душевных упражнений. Я определённо подчёркиваю, такие душевные упражнения нужно выполнять со всем спокойствием души. Кто каким-либо образом возбуждается благодаря душевным упражнениям, тот вредит себе. Если душевные упражнения выполняются в том виде, как здесь о них говорится, и как о них говорится в нашей литературе, то они действительно являются душевными упражнениями, и телесное бытие в них не участвует, тогда они никогда ни в малейшей степени не смогут причинить человеку вреда, также не нанесут и душевного вреда. Но мы бы вообще не проникли в реальное духовное знание, если бы не могли время от времени намекать на такие вещи.

Предположим, что человек выполняет примерно следующее упражнение. Он говорит себе: «Я вижу своими глазами цвета: красный, синий и так далее». - И теперь он переходит к тому, чтобы пережить в определённом смысле нечто живое с красным, синим, зелёным цветами и так далее. Постепенно осознают, что в качестве человека в физическом мире, особенно в наше сегодняшнее материалистическое время, очень грубым способом находятся внутри него, что не углубляются в более тонкие вещи, которые можно пережить. Это более тонкое переживают, если обращают внимание на более душевное впечатление, на цвета, которые на нас воздействуют, но могут быть и другие чувственные впечатления. Конечно, каждый по большому счёту знает: если он позволяет воздействовать на себя синей поверхности, то она воздействует иначе, чем, если он позволяет воздействовать на себя красной поверхности. Для того, кто ощущает, не начиная нервничать, - я настоятельно подчёркиваю это, - красная поверхность несёт в себе нечто атакующее, нечто в некотором роде выходящее из его поверхности, наступающее на нас. Из красного цвета всегда нечто выступает нам навстречу. Синий цвет вызывает в нас противоположное ощущение. Он спокойно остаётся на своём месте. Ничто не выходит навстречу нам из синего. Напротив, у нас появляется ощущение, когда мы можем более тонко чувствовать цвета, что мы можем проникнуть в синий цвет нашими душевными силами, что мы можем пронизать его. Зелёный цвет в какой-то мере находится в состоянии ритмического равновесия.

Поэтому он действует так благотворно в качестве растительного покрова Земли. Зелёный действует на нас так, что мы частично проникаем в него, и что он также, со своей стороны, возвращает нам. Если мы видим широкое зелёное поле, то у нас возникает ощущение, что мы входим в нечто, - а затем оно снова идёт нам навстречу: внутрь — наружу. Благодаря этому ощущается та свежесть, которую даёт нам широкое, зелёное поле.

Вы можете также убедиться, что человек замечает нечто подобное, что он в какой-то мере может пережить с цветами, если у Гёте в учении о цвете – правда, сегодня немногие его понимают — Вы прочитаете главу о нравственном воздействии цветов, в которой Вы найдёте описание для всех цветов соответствующих ощущений, которые Вы можете пережить с ними. Таким образом, можно обходиться с цветами и другими чувственными ощущениями, но мы для примера хотим сейчас говорить о цветах. Человек может пережить с цветами то, что у него при созерцании синего в душе возникает нечто вроде силы, может быть подобной тоске, которая исходит из нашей души, но благодушно поглощается синим цветом. При созерцании красного всегда возникает нечто, что как бы противостоит нам, что не желает с нами считаться, что хочет напасть на нас определённым особым способом. Во время переживания цветов, человек может определённым образом испытать морально-душевное переживание. Конечно, не каждый человек в одном воплощении может выполнять такие упражнения; но я описываю такие упражнения, чтобы Вы увидели, как взаимосвязаны друг с другом отдельные миры. Поэтому, если бы человек выполнял такие упражнения, он жил бы намного правдивей в мире цветов. Если бы он выполнял такие упражнения для других ощущений, он жил бы более правдиво в мире других чувственных восприятий. Но затем вскоре выступило бы также нечто другое.

Предположим, что человек настолько живо переживал бы синий небесный свод. Тогда перед ним предстал бы не просто синий цвет - а к тому же синий цвет, который весьма субъективен, потому что на самом деле свода там нет -, но он переживал бы над собой подобие благотворной внутренней полусферы, которая повсюду поглощает его душевную жизнь, полусферы, за гранью которой можно найти душевное переживание. Поэтому люди, сопереживающие мир в более глубоком смысле, говорят так, как, например, Якоб Бёме, который не говорит: «Когда человек видит синий небесный свод ...», - но говорит: «Когда человек видит глубину». - В этом заключается всё сопереживание синего цвета: когда человек видит глубину.

Но возникает сопутствующее явление, когда таким образом вживаются в жизнь цветов, что душевное загорается в то же время, когда здесь находятся цвета. Оно основано на возможности использовать очень короткий промежуток времени, который человек обычно совершенно не может использовать. Когда Вы сталкиваетесь с внешним объектом в обычной физической жизни, то Вы видите его; то есть Вы видите определённый цвет. Однако тогда собственно начинается Ваше впечатление. Потом

Вы можете обдумать это и сформировать себе представление о цвете. Но вместе с созерцанием цвета начинается Ваша совместная жизнь с предметом. Но это не является началом того, что происходит. Сегодня психологу, занимающемуся внешними исследованиями в лаборатории, уже известно, что проходит определённое время между воздействием на наш глаз и вступлением представления о синем цвете. Таким образом, синий цвет в первую очередь воздействует на наши глаза. Тогда мы не сразу воспринимаем его, но проходит определённое время; только потом мы осознаём его.

Сегодня Вы можете прочитать в обычных книгах, как проводятся соответствующие эксперименты в лабораториях. Создают определённые аппараты и пытаются вызвать впечатление, а для этого существует подопытный кролик, студент. Теперь он должен отмечать посредством другого аппарата, когда он получает впечатление, так что могут определить маленький период времени, протекающий между, так сказать, прикосновением наших органов чувств и наступлением осознания. Поскольку проходит определённое время. Таким образом, в этот период времени мы ещё не переживаем синий цвет, если речь идёт о переживании синего, но в этот период мы уже переживаем нравственное впечатление цвета. Оно уже действует в нас. То есть, когда душа изливается в синий цвет, когда он благотворно воспринимается, он уже находится в нас. Душевный элемент цвета, он на самом деле действует раньше, только остаётся в бессознательном. Человек его не воспринимает. И человек начинает проявлять своё осознание только тогда, когда обнаруживает цвет. Он не обращает внимания на то, что предшествует ощущению цвета.

Теперь подумайте, если необходимо определённым образом обратить особое внимание на это нравственное впечатление цвета, на это душевное переживание цвета, тогда также возникает нечто особенное. Необходимо обращать внимание на это, если определённым образом нужно самому сначала добавить цвет на какую-либо поверхность, то есть, когда рисуют, или если вообще передают цвета, которые сперва должны появиться только исходя из мыслей. Если имеют дело с реальной живописью, тогда работают исходя из душевного переживания цвета. Здесь не поступают как художник, который просто подражает модели, но здесь знают, поскольку должны вызвать это душевное впечатление, то рисуют красный цвет. На другой поверхности рисуют синий цвет, потому что должны вызвать то или иное душевное переживание. Таким образом выполнена вся живопись в нашем дорнахском здании. Здесь цветовая гамма полностью проистекает из душевного, которое должно естественно проявляться через цвета. Но, следовательно, в самом фундаментальном смысле сначала необходимо было, чтобы здание несли в себе в качестве душевного существа. Здание будет выступать навстречу миру подобно тому, как оно в качестве здания выросло из душевного существа. Люди восприняли бы в дорнахском здании то, из чего оно выросло, если бы они могли использовать этот малый промежуток времени,

протекающий здесь между тем, когда здание воздействует на органы чувств и тем, когда к осознанию приходит переживание. Но тот, кто принимает участие в создании постройки, должен творить исходя именно из этого малого промежутка времени, он должен создавать всё, что присутствует в здании в формах и цветах исходя из этого малого промежутка времени.

Я подвёл Вас, хотелось бы сказать, неким научным способом к чему-то, что, вероятно, покажется Вам трудным. Но такие трудности нужно преодолевать. В нынешнее время ещё вполне может случиться так, что человек теперь может определённым образом запечатлеть это мгновение как дар — а нас постоянно определённым образом одаряют, когда мы находимся в мире. Он видит нечто и всё же иногда может получить впечатление, что на самом деле уже произошло взаимодействие между ним и тем, что он видит, когда он доводит его до сознания. Он видит нечто и говорит себе: «Мне кажется, будто я уже видел это раньше».

Возможно, Вы все знакомы с тем, что сталкиваясь в той или иной мере с существом или предметом, чувствуете следующее: оно впервые появляется здесь не тогда, когда производит впечатление на сознание, но оно приблизилось, оно подошло к нам ещё раньше. Можно сказать, подкралось и, иногда это можно заметить. Но для обычной жизни то, что происходит в этот небольшой промежуток времени, ещё полностью находится по ту сторону сознания, по ту сторону порога. В то мгновение, когда человек сумел осознать то, что находится прямо за порогом сознания, в это мгновение он делает важное духовное открытие. Я ещё раз хочу обратить внимание на конкретный случай. Некоторые из Вас уже слышали об этом, возможно, я также уже упоминал об этом здесь. В прошлом году недалеко от здания умер мальчик, погибший под мебельным фургоном. Эфирное тело этого мальчика соединилось с дорнахским зданием, образует ауру дорнахского здания, живёт в его ауре. И если человеку нужно творчески работать над дорнахским зданием, тогда приходят силы из этого эфирного тела, которое, конечно, тогда представляется увеличенным. Эти силы чувствуют внутри себя, когда здание переживают душевно. Почему же так происходит? Это происходит по той причине, что в мире, о котором я только что говорил, который всегда присутствует вокруг нас, который мы не воспринимаем только потому, что он остаётся незамеченным, пока впечатление не дойдёт до нас, то есть потому что в мире находятся эфирные тела умерших, на которые умершие взирают. Умершие наблюдают, умершие видят в нашем мире то, что находится в окружающем нас эфирном мире. И даже мы постоянно бы видели, если бы могли смотреть в определённой степени до того, как мы смотрим в физический мир, если бы мы могли лишь слегка переступить этот порог.

Но это не препятствует тому, чтобы умершие всегда были действенными в этом мире благодаря тому, что они оставили. Нас окружает мир, в котором живут эфирные тела умерших. Они некоторым образом связаны с ними. И только потому, что то, что

живёт в эфире, должно сперва подействовать на наше физическое тело и привести в движение аппарат физического тела, мы не воспринимаем это величественное вплетённое бытие из того, что остаётся эфирным от умерших в нашем мире. Но мы должны проникнуться чувством, что наш мир следует обогатить для наших представлений о том, что изначально присутствует во всём этом эфирном мире благодаря эфирным телам умерших.

Сами умершие изначально не находятся в этом мире, а только оставленные ими эфирные тела. Самих умерших мы не можем найти таким лёгким способом - хотя этот лёгкий способ тоже труден. Таким образом, сами умершие продолжают жить дальше после того, как они сложили своё эфирное тело, в своём астральном теле и в своём «Я». Вы можете увидеть, насколько нам следует преобразовать наши представления, если учесть, что от нас вместе с эфирным телом, которое переходит во внешний эфирный мир, отделяется всё мыслительное. Это мыслительное, что мы накопили здесь, в нашем физическом теле, не остаётся у нас после смерти. Мыслительное становится внешним миром. После смерти умерший смотрит на свои мысли не так, как он при жизни смотрел на мысли, сформированные им, и вспоминаемые, когда их извлекают из своих подоснов. Умерший смотрит на свои мысли, как на эфирную картину, и видит свои мысли вовне в мире. Мысли - это нечто внешнее для того, кто прошёл через врата смерти. Раскрывающееся нам здесь через чувство и волю, остаётся связанным с нашей индивидуальностью. Оно продолжает жить в нашем астральном теле и в нашем «Я». Наше «Я» воспламеняется к самосознанию через созерцание момента смерти. Наше астральное тело воспламеняется благодаря тому, что мысли на картине перед нами, проникают в наше астральное тело. Благодаря этому мы переживаем их в своём астральном теле. Здесь, в физическом теле, мы переживаем мысли так, что извлекаем их изнутри. После смерти мы переживаем мысли так, что смотрим на них, как на звезды, на миры или на горы, и они оказывают на нас впечатление. Мы получаем и переживаем это впечатление в нашем астральном теле и в нашем «Я». То есть происходит как раз обратное процессу в физической жизни. В то время как здесь мы называем мысли чем-то внутренним, после смерти мы должны называть их внешними. Мы живём, раскрывшись вовне в мир, изливаясь в него. Важно, чтобы мы понимали это, чтобы мы не предавались представлению, будто мир после смерти является просто чем-то вроде прекрасного, тонкого воспроизведения этого физического мира здесь, как это часто воспринимается в спиритических кругах. Он является чем-то совсем другим. Он является чем-то совсем другим уже потому, что наши мысли являются существами вне нас.

Именно, когда проводят такие представления перед душой, тогда понимают, что требуется не только, я хотел бы сказать, некоторое отсутствие предрассудков, чтобы высказать согласие с духовной наукой, но также следует иметь определённую возможность сделать понятия текучими, до некоторой степени изменить понятия,

потому что с имеющимися здесь понятиями нельзя претендовать на возможность представить себе также то, что находится в духовном мире. Поэтому для того, кто способен, скажем, посетить так называемого умершего, необходимо, чтобы он учился этому общению с умершими. В то время как здесь, когда мы встречаемся с человеком, мы тем самым, я хотел бы сказать, вступаем в отношения с его внутренним, чтобы он возможно выразил это внутреннее для нас через слова или выражение лица, или через жесты, то в случае умершего это происходит таким образом, что, когда мы вступаем с ним в отношения, он показывает нам в объективном мире то, что он хочет нам сказать. Мы видим, так сказать, в имагинациях, на которые он нам указывает, то, что он переживает, и что он должен сказать нам. Я хотел бы сказать, что умерший говорит, если его о чём-то спросить: «Посмотри туда, там ты найдёшь то, что я переживаю сейчас».

Но всё это - быстрый процесс. Таким образом, умерший обладает способностью сверхчувственно видеть мысли, которые мы здесь переживаем только внутренне, незримо. Только когда человек приобретёт способность видеть вместе с ним мысли, тогда он сможет переживать вместе с ним. Благодаря этому он также получает совершенно особую способность сопереживать наши мысли как и умерший, как так называемый умерший.

В частности это выступает в одном проявлении, которого я также хотел бы здесь коснуться. Если от нас ушёл кто-то, кого мы любили, то мы продолжаем нести мысли о нём в нашей душе. Мы думаем о том, что мы с ним вместе пережили, что мы с ним чувствовали и так далее. Умерший, как я сказал, видит мысли. Он также видит наши мысли и даже вскоре может отличать мысли, которыми он сам обладает как отпечатками духовного мира, означающими имагинации о том, что находится в духовном мире, и те мысли, которые человек думает в душе, находящейся в теле. Он может это различать. Он различает это благодаря своему внутреннему переживанию. Разница очень даже большая. Если умерший - у посвящённого происходит тоже самое - должен пережить мысль о чём-то, что существует только в духовном мире, то он должен активно переживать эту мысль. Вначале он должен, я хотел бы сказать, самостоятельно исследовать каждую часть той мысли, которую он переживает. Этот процесс, конечно, трудно объяснить. Предположим, здесь находилась бы некая картина, но Вы увидели бы эту картину только тогда, когда сами бы скопировали и воспроизвели все детали. На это способен умерший. Все мысли, которые он видит, он воспроизводит, он как бы воссоздает их и переживает это воссоздание. По существу, бóльшая часть жизни между смертью и новым рождением состоит в том, что воссоздаётся то, что присутствует в духовном мире в формировании мыслей. В таком случае человек знает, что имеет дело с формированием мыслей, которые принадлежат только духовному миру.

Когда из духовного мира смотрят на мысли, находящиеся у людей, оставленных в

физическом мире, то переживают это по-другому. Потому что это не похоже на воссоздание мыслей, но здесь мысли на самом деле выступают навстречу таким образом, что по отношению к ним можно вести себя пассивно. Например, мне не нужно сначала воспроизводить комнатное растение, но в данном случае впечатление формируется непосредственно, так происходит и с мыслями живых. Они действительно возникают аналогично тому, как здесь возникают впечатления физического мира. И это является тем, что возвышает, радует, согревает умерших в мыслях живых, которых они любили. Потому что это особая область для умерших - взирание в мысли любимых ими людей, оставшихся на Земле. Это особый мир для них. Конечно, здесь можно было бы переживать физический мир так, что существовало бы только то, что возникает в минеральном, животном, растительном и человеческом царствах. Тогда, например, не было бы искусства. Искусство создают помимо того, сверх того, что действительно необходимо. Но оно является тем, о чём человек, принимая душевно в целом во внимание развитие человечества, знает, что оно могло бы отсутствовать в мире, и всё же природа была бы такой же полной, как она есть, даже если бы не было искусства. В лучшем случае умерший мог бы жить так, как человек жил бы в безрадостном, мёртвом, голом мире природы, в мире без искусства, так мог бы жить умерший, если бы произошла такая странность, что близкие люди сразу после смерти забывали бы каждого умершего. Видимые вещи в мыслях, остающиеся в душах людей, любящих умерших, - конечно, они являются чем-то, что добавляется в мир, в котором непосредственно нуждаются умершие, но что возвышает и украшает существование умерших. Можно сравнить это с искусством в физическом мире, но сравнение будет неудачным, потому что для умерших это является возвышением и украшением в гораздо более высоком смысле, чем для нас украшение физического мира благодаря искусству.

Поэтому когда мы объединяем наши мысли с мыслями умерших, особенно в том смысле, о котором здесь часто говорилось, тогда для всего мирового бытия имеет глубокое значение, чтобы мы главным образом также передавали умершим такие мысли, выраженные на том языке, в тех понятиях речи, которые являются общими для живых и умерших: на языке, на котором мы говорим здесь в духовной науке. Так как то, что является содержанием духовной науки, умершие понимают так же хорошо, как живые. Оно также никогда не станет чуждым для них, для умерших.

Я полагаю, что именно посредством объединения друг с другом таких представлений, мы постепенно получаем объёмный образ духовного мира. Мы можем освоить то, что находится за порогом, и из чего, по сути, также вытекает всё, что присутствует для нас по эту сторону этого порога.

В отношении этих явлений нужно иметь в виду, что — конечно, правомерно, потому что это является частью мирового плана - нынешнее человечество в отношении видения мира является близоруким, но на самом деле ещё более

близоруким, чем должно было бы быть. Потому что когда весьма материалистически настроенный человек в нашем настоящем времени образует свои понятия, свои представления о мире, тогда он думает, что эти представления, эти понятия являются общечеловеческими. Вы ведь знаете, как трудно объяснить материалистически настроенному человеку, что также можно думать иначе, чем он. Материалист просто настаивает на том, что человек, который думает не так, как он, является глупцом. Не существует большей внутренней нетерпимости, чем у материалистически настроенного человека. Материалистически настроенный человек в основном всегда думает так: «Раньше люди думали, что везде присутствует духовное, они и шагу не ступали в жизни, не представляя или даже не видя повсюду духов. Но всё это было пустой фантазией. Теперь, наконец, мы, как человеческий род, продвинулись так далеко, что покончили с этими детскими вещами». - И всё же в действительности люди могли бы на каждом шагу заметить, насколько нелепым является такое представление.

Я хочу прояснить это Вам на примере, который кажется надуманным, и приходит с совсем иной стороны, чем то, что мы обсуждали сегодня. Давайте подумаем об образе, который мы часто рассматривали с разных сторон, о первой стадии становления Земли, о существовании человека в раю, как это описывается в Библии. Давайте подумаем об этом образе первых людей Адама и Евы в раю, о Еве, кусающей яблоко, дающей яблоко Адаму, о змее на дереве, соблазняющем Еву. Этот сюжет иногда всё ещё изображают, правда, в современном мире именно таким образом, что рисуют как можно более натуралистичную женщину и ещё более натуралистичного мужчину, потому что это современно. В любом случае, будь то импрессионизм или экспрессионизм, рисуют как можно более натуралистичную женщину и ещё более натуралистичного мужчину, натуралистичный ландшафт и натуралистичного змея, который показывает настоящие алчные зубы и так далее. Но так рисовали не всегда, потому что такая картина не показывала бы настоящей совокупности фактов, которую мы при этом должны увидеть. Мы ведь знаем, что в змее мы должны видеть символ настоящего искусителя, Люцифера. Но, как мы знаем, Люцифер - это существо, которое отстало во время Лунного бытия, то есть тогда, когда оно вступает в земное бытие, оно может явить в змее лишь свой символ, однако змей всё же не является Люцифером, но это можно каким-либо образом увидеть духовно. Это означает, что этого Люцифера можно увидеть также с помощью душевных сил. Этого Люцифера можно увидеть исходя из внутреннего, при помощи напряжения внутренних сил. Как же можно было бы его увидеть, мои дорогие друзья? В сущности, все мы несём в себе отпечатки Люцифера, так же как и Аримана. Я хочу изложить Вам по возможности кратко, не предоставляя доказательств и подробных пояснений, которые Вы сами можете найти в том, что уже описано в нашей литературе, как можно было бы получить представление о Люцифере.

Человек несёт в себе люциферические импульсы. Он несёт их в себе таким образом, что они находятся в его голове, и исходя из головы пронизывают астральное тело, во время формирования которого люциферическое развитие остановилось. Таким образом, ещё в то время когда Духи формы образовали голову человека, в неё проникают люциферические импульсы, а также в то, что формируется из астрального, в спинной мозг. Итак, если бы мы отобразили голову человека и её продолжение, спинной мозг, то мы получили бы змею, змеевидное образование с головой человека. Конечно, в таком случае нужно думать об этом астрально: голова всё ещё является неким воспроизведением человеческой головы, а позвоночник, соединённый с ней, извивается таким образом. Если подумать, отображая объективно, то это будет змей с человеческой головой. Это означает, что тот, кто видит Люцифера внешне образно, мог бы в сущности сказать: змей с человеческой головой. - Не змея со змеиной головой, потому что это уже будет не Люцифер, а земная змея, на которую Духи формы воздействовали уже как на земное существо. Итак, мы могли бы сказать: змей с человеческой головой. Это означает, что художник, пожелавший бы нарисовать Люцифера на дереве, должен был бы изобразить извивающуюся на дереве змею с человеческой головой сверху. Тогда бы он рисовал исходя из познания нашей духовной науки. То есть мы должны были бы представить себе Адама и Еву возле дерева и обвивающее дерево тело, подобное змеиному, прямо-таки ставший астральным спинной мозг, и то, что воспроизводит человеческую голову. Если женщина видит его первой, то он, конечно, воспроизводит женское лицо.

Пойдите здесь в музей, в художественную галерею и посмотрите на картину мастера Бертрама, и Вы увидите, что он нарисовал этого змея на дереве в середине Средневековья таким, как я Вам объяснил сейчас. Это поразительно! Это в высшей степени поразительно, потому что даёт нам доказательство того, что художник в Средневековье писал исходя из реальных, подлинных представлений о духовном мире. Это полноценное доказательство того, что нам вовсе не нужно возвращаться на много веков назад, чтобы ещё сегодня получить подтверждение того, что в то время ещё знали нечто, что человечество забыло сегодня в материалистическую эпоху.

Конечно, во внешней истории искусств такую вещь, которую я только что рассмотрел, никогда не будут затрагивать. Тем не менее, в наше материалистическое время каждый человек может убедиться в этом не только с помощью мышления, но и наглядным образом: видение духовного исчезло всего несколько веков назад. Человек, который идёт в художественную галерею и смотрит на эту картину рая мастера Бертрама, получает полноценное, приведенное на внешнем физическом плане доказательство того, что ещё не так давно люди могли заглянуть в духовный мир благодаря тому, что мы называем атавистическим ясновидением, и узнавали его тайны совсем иначе, чем их узнают в настоящее время. Подумайте только, насколько слепо люди проходят по миру, поскольку, если бы они только захотели, то сами смогли бы

убедиться внешне на физическом плане в том, что в человеческом роде происходит развитие.

Очень важно, что за последние три-четыре столетия существовавшее более атавистически бессознательное древнее ясновидение отступило. Потому что, конечно, мастер Бертрам не смог бы разработать духовную науку. Он просто смотрел, созерцал ещё в эфирном, что там действительно связано с Люцифером, и потом писал. Это было бессознательное, инстинктивное ясновидение.

Для того чтобы к человеку пришло зрительное восприятие внешнего окружения, это древнее видение духовного мира должно было отступить назад. Но оно должно быть снова достигнуто человеком. И постепенно должно прийти время, когда снова достигнут того, что было потеряно, но только в области сознания. Поэтому оно должно быть подготовлено течением духовной науки. Люди придут в духовный мир не иначе, как изучая духовную науку. Но эта духовная наука действительно должна принести возможность взирания в духовный мир.

Сегодня можно научно доказать, как далеко может зайти естествознание. Когда сегодня человек, мыслящий исключительно естественно-научно, говорит об этом вопросе, то на самом деле он говорит о душевном аппарате, о телесном орудии душевной жизни. Теперь проверьте однажды в представлениях, которые доступны сегодня - это называется психофизиологией, - которые исходят от наиболее важных научных мыслителей современности, то что они сумеют сказать о душевном, то есть в их понимании об аппарате души. Там Вы повсюду найдёте очень необычным образом, что эти люди говорят: если мы рассмотрим жизнь ощущений и представлений, то в них везде присутствует душевный аппарат, и теперь они описывают, что происходит в мозге, в нервной системе, когда человек ощущает и размышляет. Физический, материальный параллельный процесс можно найти повсюду. А когда эти исследователи подходят к чувству и воле, то они не находят ничего из телесного параллельного процесса.

То, что нечто подобное не обнаруживают, не обращают на это внимание, происходит только потому, что исследование природы и следующие за ним по пятам — последователями их назвать невозможно, потому что последователи необходимы, а монасты, следующие по пятам, совершенно излишни —, то есть потому, что монасты просто кричат о том, что для каждого процесса мышления и ощущения существует определённый физический процесс, и что мышление и ощущение связаны с мозгом. Но они не говорят о чувстве и воле. В лучшем случае они говорят об оттенках чувств, то есть о некоем окрашенном представлении. Но к чувству и воле они здесь не приходят. И честные естествоиспытатели говорят: наша наука не распространяется на чувства и волю. Вы можете прочесть в естественно-научной литературе то, о чём я сейчас говорю. Это можно доказать во всех подробностях. Например, у доктора Теодора Циена, очень известного психиатра и психофизиолога, Вы можете легко

найти подтверждение того, что я сейчас говорю. Он демонстрирует отдельные процессы, соответствующие мышлению и ощущению. Он подходит вплоть до оттенков чувств; но он не приходит к настоящему чувству и воле. Поэтому он отрицает чувство и волю. «Они вообще не существуют», - говорит он. Можно ли на самом деле с научной стороны более ясно доказать, что естественно-научное мышление распространяется только на временное, только на то, что мы слагаем со смертью, и что то, что находится свыше того, и что, как я указал, живёт именно в чувстве и воле, настолько мало относится к телу, что естествоиспытатель вообще не находит его, даже отвергает, отрицает! Поэтому люди кричат: чувство и воля не существуют потому, что их невозможно найти при помощи общепринятой науки; само естествознание сегодня доказывает нам, что чувства и воля как таковые не связаны с телом наподобие мыслей и ощущений!

Это связано с тем, что мысли отделяются от нас и после смерти предстают расстилающимися вовне. Чувство и воля остаются с нами. И из чувства и воли истекает сила для создания этой картины мыслей. Тот, кто сегодня пожелает, может посредством естествознания чётко показать, насколько чувство и воля не имеют ничего общего со всем, что является природой, но они, также как астральное тело и как «Я», выходят после смерти и остаются вместе с индивидуальностью человека, воспламеняющимися к новому сознанию таким способом, как я описал; по той причине, что всё расширяющееся является эфирным, отражающимся в астральном теле, а затем, когда также слагается астральное тело, отражающимся в «Я».

В принципе всё в полном порядке. И сегодняшняя наука не опровергает науку о духе, но в действительности доказывает её! Если бы только человек смог прийти к некоторому пониманию, то увидел бы, как благодаря правильному пониманию именно подлинное естествознание обнаруживает правомочность духовной науки даже в отношении её отдельных утверждений.

Как Вы видите, духовная наука является тем, что должно начать вступать в развитие человечества в наше время, тем, что должно начать охватывать человечество, потому что иначе человечество придёт к тому, чтобы постигать только временное и ничего не узнает о вечном, живущем в нас. Придёт время, когда люди сначала будут убеждаться в этом, а затем, в свою очередь, будут больше заниматься развитием своей волевой жизни, развитием своей жизни чувств. Потому что только через чувство и волю мы объединяемся с миром, который не является лишённым мыслей.

Тут, конечно, люди возразят: то есть, тогда это значит, что ты чувствуешь духовный мир, но ты совсем не проявляешь в нём волю! Нет, нас объединяют именно через чувство и волю с объективным миром мыслей, с мыслями, которые живут, которые мы не просто думаем. И как истинно, что человечество обладало видением духовного мира в прошлом, так же истинно, что человечество должно вновь достичь этого видения духовного мира в будущем. Тем не менее, оно сможет достичь этого

только тогда, когда сперва решится впустить мысли о духовном мире, которые отвергаются нашим временем.

Для этого следует исправить очень многие вещи, которые так и кружат вокруг понятий и представлений в нашем настоящем времени. Трудно поверить, как по сути бездумно люди сегодня - позвольте мне использовать парадокс - люди думают. Они дают определения, о которых твёрдо убеждены, что они верны, что их вообще нельзя оспаривать. Но перед духовным исследователем стоит задача сначала полностью проверить то, в чём люди категорично убеждены, потому что им кажется это абсолютно логичным, потому что они в этом убеждены. Если, например, кого-то спросить в современную материалистическую эпоху: «Что такое истинное понятие?» - то придут и скажут примерно следующее: «Понятие является истинным, когда я создаю себе внутренний образ некоего предмета, который действительно присутствует снаружи в мире». То есть любой человек сегодня даст определение: истина состоит в соответствии образа, созданного в своих мыслях, с бытием снаружи. Собственно говоря, изучая это понятие, можно очень легко доказать, что истинное понятие не имеет ничего общего с тем, что обычно им называют. Можно легко доказать, что бытие идёт совсем другими путями, чем тот образ, который создают себе в качестве понятия. Если понятие истинно только тогда, когда оно соответствует бытию, то оно, конечно, будет истинным только до тех пор, пока бытие подтверждает его правильность. Таким образом, можно было бы сравнить понятие с картиной, выполненной в виде портрета человека. Портрет правилен тогда, когда похож на человека. Но к бытию человека он не имеет никакого отношения. Соответствие портрета и личности совершенно не приближает к внутренней истинности картины. Потому что представьте себе, что Вы пишете портрет человека, и он сразу же умирает. Сначала картина соответствует тому, что существует, а потом - тому, что не существует. Бытие не имеет никакого отношения к тому, правдива ли картина или не имеет никакого отношения к реальности. Это вообще нечто совершенно нафантазированное для того, кто действительно рассматривает вещи логично. Суть в том, что вещи переживаются внутренне. И это внутреннее переживание человечество должно приобрести снова.

Но прежде всего - и к этому, в частности, нас может привести наше такое тяжёлое, скорбное время, - к этому относится то, что человечество снова обретает чувство реальной истины. Мы ведь в сущности из-за материализма постепенно полностью уходим от истины. Мы потеряли себя в материализме именно в отношении истинных понятий. Сравните сегодня там, где Вы можете проверить это, описание журналистом - а сколько людей сегодня не читают ничего, кроме газет, - любого события, которое Вы сами наблюдали при помощи своего собственного восприятия. Когда Вы прочтёте о нём в газетах, то обнаружите, что оно описано таким образом, которым по мнению данного журналиста оно сможет произвести впечатление на его

читателей. Но ощущение того, что всё должно соответствовать истине, становится всё меньше и меньше. Однако это принадлежит к вышесказанному. И пока это не распространится в человечестве, в душах не сможет пробудиться тот импульс, который ведёт из чувственного мира в духовный. Потому что при этом отсутствии истинных понятий, понятия таинственным образом становятся лживыми. Как часто мы переживаем, например, следующее: некий человек пишет о духовной науке, скажем о том, что я опубликовал о духовной науке. Теперь он пишет и, конечно, не может не сказать исходя из своих материалистических понятий, что всё выдуманно из фантазии, а так делать не следует: выдумывать из фантазии. А затем он переходит к изучению того, как всё же происходит, что человек может быть фантазёром.

Такая статья действительно опубликована совсем недавно! Он исследует, как всё же происходит, что человек может быть таким фантазёром. Там рассказывается, откуда родом этот человек - в данном случае речь идёт обо мне -, где он жил раньше, как путём расовой смеси можно прийти к таким фантазиям. В своём материализме он в итоге фантазирует о самом невероятном. И это то, о чём я говорю: человек просто занимается измышлениями, человек изнутри искажает правду.

Конечно, это нельзя непосредственно доказать. Но какая лживость заложена в том, что человек способен обвинить кого-то в фантазиях, а потом сам выдумывает фантазии о нём! Если Вы посмотрите внимательнее на нашу нынешнюю жизнь, то увидите, насколько невероятно распространено сегодня это отсутствие чувства ответственности за то, чтобы всё, что мы говорим, действительно соответствовало реальности. Не овладев этим чувством самым интенсивным образом, мы не сможем найти доступ к духовному миру. Мы не сможем понять, почему должно быть правдой то, что духовная наука извлекает из духовного мира как истину. Но мы слишком коротко мыслим, чтобы действительно рассматривать наше настоящее время таким образом, и мы слишком зависим от наших интересов в том или ином направлении, чтобы действительно увидеть во всех областях, как неправда переливается и расщепляется во все отдельно взятые процессы жизни.

К первичной подготовке в отношении духовной науки относятся истинное ощущение, истинное представление для того, чтобы по-настоящему размышлять об этом. И такое чувство должно находиться, я хочу сказать, в своего рода сознательном периоде подготовки к тому, чем действительно должно стать будущее человека; потому что только в воссоединении нашей души с духовным может заключаться будущее спасение рода человеческого. Духовная наука - это не то, что мы просто ищем, как любую другую сенсацию, но духовная наука должна быть чем-то, о чём мы знаем, что оно должно выступить в настоящее время, потому что человечество нуждается в этой духовной науке. И в определённой степени, насколько мы должны чувствовать себя признательными ей, когда взираем светло и ясно на ход развития человечества.

Но какое бесконечное обогащение мы получаем благодаря тому, что духовная наука может дать нам вследствие того, что мир постепенно расширяется, потому что к физически-реальному развитию человечества добавляется также духовно-реальное! В материалистическое время людей всё сильнее и сильнее отрезали от мира, в котором человек находится между смертью и новым рождением. В свою очередь, через духовную науку людям должна быть дана совместная жизнь полностью со всем человеком, также с тем, что остаётся от человека, когда он уже не несёт на себе физическое тело. Для упомянутого наш мир ничего не даёт.

Очень тяжело становится на душе, когда как раз в наше нынешнее тяжёлое время видят нечто вроде, например, книги, недавно изданной Эрнстом Геккелем. Он называет эту книгу «Ewigkeitsgedanken» («Мысли о вечности»). Сейчас Эрнст Геккель - один из самых титулованных умов нашего времени. Эти «Мысли о вечности» связаны именно с великой войной настоящего времени. Каково же её основное содержание? Основное содержание этой последней книги Геккеля состоит в том, что он спрашивает: что может показать нам эта война? Тысячи и тысячи людей умирают на ней от внешнего насилия без какой-либо необходимости. Разве никто не смог увидеть в этой войне необходимые доказательства того, - считает Геккель, - что все мысли о вечности и бесконечности абсурдны? Разве именно эта война не должна убедить нас в том, что жизнь человека губится внешними случайностями, пулями и так далее, разве эта война не должна показать нам, - так считает Эрнст Геккель, - что не существует ничего, выходящего за рамки обычной физической жизни?

Конечно, благодаря этим тяжёлым событиям другие люди настоящего времени придут как раз к иным мыслям о вечности, к противоположным мыслям о вечности, к мыслям о вечности, которые, по крайней мере, вызывают у них чувство, что те люди, которые проходят через врата смерти в такие времена, продолжают задачу человечества в других мирах, и что как раз то, что они приносят в качестве жертвы, в дальнейшей жизни станет отправной точкой для того, что они должны совершить тогда, когда они больше не несут на себе физическое тело.

С помощью существующих до нынешнего времени наук можно доказать и то и другое. Так же, как с помощью существующих до нынешнего времени наук можно создавать замечательные механизмы, возвышающие человеческое бытие, способствующие развитию человеческой культуры в мирном смысле, и ужаснейшие механизмы для разрушения, так с помощью одной и той же внешней науки можно создавать и одно и другое, и доказывать и одно и другое.

Духовная наука необходима для того, чтобы по-настоящему проникнуть в мир, в котором живёт вечное. И эта духовная наука, я даже уже говорил об этом здесь, по крайней мере некоторым из Вас, она также показывает нам, среди прочего, что те люди, которые покидают свои физические тела раньше, чем истекает общепринятый возраст оставления физического плана, передают свои эфирные тела эфирному миру и

продолжают жить в своей индивидуальности. Итак, весь дух и смысл духовной науки показывают, что такое эфирное тело, которое ещё долго могло бы питать физическое тело, если его теперь передают эфирному миру, несёт в себе жизненные силы, которые ещё в течение десятилетий могли бы питать физическое тело. Оно находится там, в эфирном мире, как я показывал Вам на примере.

В индивидуальности человека живёт далее то, что он приобретает своей жертвенной смертью. Это живёт в нём в такое время, как наше, когда мы можем разглядеть смысл того, что происходит, только если мы сможем посмотреть на него душевным взором духовной науки. А она обращает наше внимание на духовный противоположный тому, что происходит сейчас над землёй Европы потому, что на физическом плане Европы происходят ужасные и скорбные события. Так как всё физическое направляется из духовного мира то, духовный коррелят, духовный параллельный этому процесс должен влиться в физические процессы развития человечества в будущем. Но это сможет стать плодотворным только тогда, когда человеческие души здесь, на Земле, в своих физических телах будут нести сознание того, что они с помощью того, что продолжает жить в духовном мире после многочисленных, тысяч и тысяч жертвенных смертей, получают действенное и полезное, по отношению к которому они могут, так сказать, поставить себя для деятельности на самой Земле в будущем, объединившись с умершими через сознание, которое душа может обрести из реальности духовного мира.

Вышесказанное является тем, что духовная наука должна дать людям также для этого события. Тогда, в правильном смысле, они также смогут сделать плодотворной для будущего духовную сторону этого самого ужасного мирового события, и смогут думать и чувствовать и ощущать в правильном смысле следующие слова:

Из мужества бойцов,

Из крови сражений,

Из страданий покинутых,

Из жертвенных деяний народа

Вырастет духовный плод –

Если души, сознавая дух,

Направят свои помыслы в царство духов.

Лекция вторая

Члены существа человека в жизни между смертью и новым рождением

Кассель, 18 февраля 1916 г.

Время, в которое мы живём, конечно, может по-особенному показать нам, насколько безотлагательно в наше настоящее время людям необходимо исследовать смысл земной жизни. И смысл жизни на Земле никогда не сможет открыться для нас, если мы просто направляем взгляд на то, что происходит в чувственном мире. Потому что всё, что происходит в чувственном мире, обретает свой глубокий смысл только благодаря тому, что в этом чувственном выражается духовное. Наше время является временем трудных испытаний. И, в частности, те люди, которые хотят сохранить верность и преданность нашему делу, должны будут понять, насколько это наше время является тяжёлым временем испытаний, насколько оно свой смысл – опять же свой смысл! – может открыть в наших душах только тогда, когда мы восходим к тому, что проявляется духовно также в таких тяжёлых событиях, происходящих на физическом плане.

Учитывая тот факт, что мы смотрим на поля сражений, где несчётное количество раз воздвигаются врата смерти, и, учитывая мысль, что также многие из наших друзей уже покинули физический план, возможно, сегодня будет особенно правильным, обратить наш взгляд на то, что следует сказать о мире, в который уходит человек, проходя через врата смерти. Мы хотим исходя из этой точки зрения - Вы ведь знаете, что существует очень много точек зрения, исходя из которых можно применять наш способ рассмотрения, - сегодня вновь рассмотреть жизнь между смертью и новым рождением.

В нашей духовной науке мы сначала пытаемся познать человека таким, каким он предстаёт перед нами: мы знаем, что он находится здесь таким образом, что раскрывает перед нами свои физические стороны и свои духовные стороны. Мы знаем, что эти духовные стороны остаются сверхчувственными для физического плана; духовное может только раскрываться, возвещать о себе через физическое. И когда мы так рассматриваем человека здесь, на физическом плане, чтобы понять его в смысле нашей духовной науки, то мы говорим: прежде всего - Вы знаете это из моего

изложения в «Теософии» - нам открываются четыре основных члена человеческого существа, которые мы называем физическим телом, эфирным телом, астральным телом и «Я». Уже начиная с эфирного тела, члены человеческой природы являются сверхчувственными для физического рассмотрения. Но, естественно, мы переживаем наше «Я» и наше астральное тело. Мы переживаем их внутри. Мы переживаем их потому, что способны познать себя как «Я», даже если это «Я» остаётся невидимым, сверхчувственным. Короче говоря, уже можно понять, даже если остановиться на том, что раскрывает только физический мир, почему мы рассматриваем человека в соответствии с этими четырьмя членами.

Теперь мы хотим представить перед нашей душой сегодня, что живущего между смертью и новым рождением человека также можно рассматривать аналогичным образом, что можно также говорить о членах человека, находящегося на жизненном пути между смертью и новым рождением. Вы, конечно, знаете: физическое тело мы передаём элементам и субстанциям Земли; эфирное тело передаётся всеобщему эфирному миру; через некоторое время растворяется также то, что преимущественно находится в нашем астральном теле, но о чём земной человек уже ничего не знает, оно в известной степени также растворяется, и «Я» затем идёт своим путём через мир, который мы переживаем именно между смертью и новым рождением.

Собственно говоря, не следует полагать, что человек, находящийся между смертью и новым рождением, не является таким же дифференцированным, таким же состоящим из членов существом, как и человек, находящийся здесь, в физическом мире. Мы можем также говорить о членах человеческой природы между смертью и новым рождением; только тогда нам придётся говорить следующим образом.

Здесь, когда мы смотрим на человека физического плана, «Я» представляется нам тем, что сначала - если мы можем использовать это выражение – выступает нам навстречу в качестве самого высшего члена. Физическое тело человека обладает общностью со всеми минералами, эфирное тело - со всеми растениями, астральное тело - со всеми животными. «Я» принадлежит каждому человеку индивидуально. В духовном мире «Я», представляющееся нам здесь в какой-то мере самым высшим членом человеческой природы, там, в мире между смертью и новым рождением, это «Я» является самым низшим членом человеческой природы. Как мы здесь начинаем с физического тела, так для духовного мира следует начинать с «Я», которое только в то время, пока человек переживает мир души, окутано, как туманом астральным телом, но которое всё же является самым низшим членом человеческого существа между смертью и новым рождением. И подобно тому, как мы облачаемся в оболочки здесь, входя из духовного мира в физический мир через рождение или через зачатие, так и в духовном мире мы облачаемся в оболочки, можно сказать, духовных членов. Названия этих духовных членов мы, собственно, уже знаем. Только давайте посмотрим на них немного с другой стороны. А именно, когда мы прошли через врата смерти, мы

облачаемся в Самодух. Это член человеческой природы, который человек будет развивать у себя в будущем во времена развития Юпитера. То, что я сейчас называю Самодухом для мира между смертью и новым рождением, не является тем же самым, что будет развиваться тогда, когда человек продвинется вперёд от Земли к Юпитеру; но то, что человек будет развивать на Юпитере, будет своего рода внешним изображением, своего рода выступающим отражением чувств духовной сущности, в которую человек облачается, когда переживает время между смертью и новым рождением. Он уже является таким, что также этот член, в который человек облачается, когда он переживает время между смертью и новым рождением, можно назвать Самодухом.

Затем в дальнейшем человек облачается в тот член, который можно назвать Жизнедухом, который, в свою очередь, является духовным эквивалентом того, что возникнет в ходе физического развития только во времена Венеры. И подлинный Духочеловек является тем, что разовьётся в человеке как духовное отражение того, что в физическом образе человек обретёт в своём физическом развитии в самой высшей сфере, на которую мы ещё можем взирать сегодня, во время развития Вулкана. Так что мы можем сказать: как здесь человек облачается в астральное, эфирное и физическое тела, так, вращаясь в духовный мир, он облачается в Самодух, Жизнедух и Духочеловека.

Теперь я хотел бы изложить Вам несколько подробнее, как такие вещи возникают исходя из того, что можно назвать познанием посвящённого. Половина из этих вещей Вам, конечно, уже известна. Когда человек прошёл врата смерти, то его физическое тело передаётся элементам Земли. Это освобождение от физического тела чрезвычайно важно для жизни между смертью и новым рождением. Конечно, кажется тривиальным, когда говорят, что смерть на самом деле является рождением для духовного мира; но, тем не менее, это выражение также правомерно. Нам просто нужно привыкнуть к тому, чтобы сделать наши понятия более гибкими, такими, чтобы мы в наших понятиях не застревали непосредственно в том, что предлагает нам Земля. Мы привыкли формировать свои понятия только в соответствии с тем, что преподносит нам Земля. Нам уже необходимо уметь изменять эти понятия. Жизнь в духовном мире полностью отличается от жизни на Земле. Итак, духовный опыт, получаемый человеком в духовном мире, когда он проходит через врата смерти, состоит в следующем: от него отпадает физическое тело. Это самое значительное, невероятно важное переживание! И прежде всего, об этом переживании следует сказать, что в отношении начала духовной жизни после смерти оно ведёт себя совершенно противоположным образом, чем рождение человека ведёт себя по отношению к нашей физической жизни между рождением и смертью. Естественно, ни один человек не может с помощью физического познания взглянуть на своё рождение вследствие условий Земли. Здесь, на Земле, человек не переживает рождение при

помощи своих физических сил познания. Так же, как мы не переживаем физическое рождение, как человек не обладает воспоминанием - оно начинается только позже - о процессах своего рождения, и это верно для земной жизни и так должно быть, так для жизни между смертью и новым рождением это происходит противоположным образом. Так как момент, мгновение, я не могу сказать смерти, но суть смерти, остаётся как нечто, на что человек может взирать снова и снова во всём ходе жизни между смертью и новым рождением. Так же, как в физической жизни мы никогда не вспоминаем о процессах нашего рождения, так же ясно перед нами предстаёт момент нашей смерти на протяжении всего периода нашей жизни между смертью и новым рождением, но с другой стороны, со стороны духовного переживания, в какой-то мере с другого берега. Для земного человека смерть может с определённым правом нести в себе нечто ужасное. Она представляет собой гибель физического земного человека. Прямо противоположное происходит тогда, когда человек между смертью и новым рождением оглядывается назад на суть смерти: тогда вечное являет ему победу духа над телом, тогда смерть представляет собой самое прекрасное, самое великое, самое славное, самое возвышенное, что, в сущности, вообще может быть пережито. И поскольку человек может смотреть на суть смерти в течение всего периода своей духовной жизни между смертью и новым рождением, это взирание на суть смерти является тем, что даёт нам сознание после смерти, так что мы знаем: мы сложили своё физическое тело. И то, что мы испытываем это, что оно всегда предстаёт перед нами, даёт нам наше самосознание после смерти так же, как мы обретаем наше самосознание здесь, в физическом мире, благодаря тому, что обладаем нашим физическим телом.

Когда мы вместе с нашим астральным телом и «Я» от засыпания до пробуждения находимся вне физического тела, то мы не обладаем сознанием в физическом мире. Мы должны физически проникнуть в нас при пробуждении, тогда Я-сознание может снова раскрыться. Каждый раз, когда мы взираем после смерти на суть смерти, когда всё это событие, - говоря с другой стороны — это возвышенное, прекрасное событие находится перед нашей душой, то снова и снова после смерти воспламеняется сознание. Оно целиком и полностью зависит от беспрестанного созерцания этого момента.

Но с этим связано ещё нечто. Говорить об этих вещах несколько сложно, потому что, как я уже сказал, здесь, в физическом мире не существует соответствующих переживаний, но, впрочем, необходимо попытаться охарактеризовать эти вещи такими, какие они есть. Итак, когда мы в дальнейшей жизни после смерти взираем на суть нашей смерти, то, прежде всего, в отношении ощущений и представлений мы получаем впечатление, что там, где мы умерли, отныне, после смерти, не существует ничего, даже пространства. Это, как я уже сказал, трудно описать, но это так: там не существует ничего. И говоря во внешнем смысле: это событие предстаёт прекрасным

и возвышенным потому, что повсюду в дальнейшем перед нами открывается новый мир. Со всех сторон к нам устремляется струящийся духовный мир, но здесь нет ничего из того, что мы покинули, когда умерли.

Возможно, столь теоретически описанное событие несёт в себе нечто наполняющее ужасом, но в этом ощущении после смерти нет ничего ужасного. Через это ощущение после смерти в душу вливается глубокое удовлетворение. Человек учится, так сказать, расширяться на весь мир и смотреть на нечто, что в мире является словно бы пустым. И из этого возникает ощущение: это твоё место в мире, место, которое находится за пределами всех далей, и оно принадлежит тебе. - И именно из этой пустоты человек обретает ощущение, что он имеет некий смысл для всего мира, что каждое человеческое существование - конечно, сначала человек получает это объяснение для себя самого - должно присутствовать здесь. Это место всегда было бы пустым, если бы меня не было здесь, - так говорит себе каждая душа. Это невероятно внутренне согревающее ощущение того, что каждому, каждому человеку выделено место в мироздании, это ощущение исходит из такого наблюдения: здесь находится весь мир, и весь этот мир словно из некой симфонии воспроизвёл ту единственную ноту, которой является человек, и которая должна быть там, иначе этого мира не было бы здесь. Это ощущение является тем, что возникает при взгляде назад на переживание смерти. Оно остаётся, потому что преимущественно оно даёт Я-сознание, самосознание между смертью и новым рождением.

Затем продолжается сравнительно короткое время - но этого достаточно - ещё совместного бытия с эфирным телом. Всё, что пережили в жизни, даже самые малые события, в одночасье предстают здесь, словно на великой картине жизни, в течение небольшого количества дней; они остаются несколько дней. При этом человек испытывает очень интенсивное чувство: Земля, на которой стояли до сих пор, продолжает двигаться, но он сам остаётся позади, он находится в покое. Человек не совершает совместного действия с пространственным движением Земли. И при этом разворачивается картина жизни.

Когда говорят о воспоминаниях жизни, то говорят собственно не о воспоминаниях, которыми владеют так, что на них оглядываются назад во времени. Но это происходит не так, а изображается единовременно; они предстают на картине, на подвижной картине. Как я уже сказал, это распространяется даже на самые незначительные события.

Затем расстаются с этим эфирным переживанием. Происходит, как имеют обыкновение говорить, освобождение эфирного тела. То, с чем был связан человек в качестве эфирного тела, и раньше он должен был обращаться к нему как к своему внутреннему, отныне становится для него внешним, и оно становится всё больше и больше и вплетается - это на самом деле правильное выражение - в духовный мир, в который сейчас вступил человек. Только в этом духовном мире есть пустое свободное

место, о котором я говорил; оно остаётся свободным. А эфирное тело оплетается вокруг вовне, становясь всё больше и больше.

Собственно говоря, следует непременно отметить, что было бы ошибочным представлением полагать - должен признаться, что во всех случаях, когда я мог интенсивно исследовать именно тот факт, о котором я сейчас говорю, то я убеждался, что это было бы заблуждением, - что мы не увидели бы в жизни между смертью и новым рождением то, что мы здесь вплели как эфирное тело в весь духовный мир. Мы всегда видим его. Мы всегда взираем на него, оно принадлежит нашему внешнему миру. То, что до сих пор принадлежало в нашем эфирном теле нашему внутреннему миру, теперь принадлежит нашему внешнему миру. Мы взираем на него. И то, что мы можем взирать на него важно, потому что благодаря этому нам становится понятным о духовном внешнем мире многое, заключающееся в родстве между тем, что мы вплели в него, и всем духовным внешним миром.

Возможно, Вы помните из лекций, прочитанных мной некогда в Вене о времени между смертью и новым рождением, что я говорил: сперва человека вплетают в мир, полный мудрости. Тогда как здесь он ищет мудрость, прилагая усилия, там он находится полностью внутри света мудрости. И эта мудрость, внутри которой он находится, подавляет его. И она продолжала бы подавлять его, если бы он не мог вплетать то, что он вплетал в своё эфирное тело при жизни из мудрости, если бы он не мог вплетать это в мир. Вследствие этого для него приглушается огромное изобилие света во всеобщем мировом эфире, и он начинает понимать то, что во всеобщем мировом эфире ткёт, одушевляя и одухотворяя этот мир.

Таким образом, мы видим то, что в определённой степени отпадает от человека, когда его принимают в духовный мир. Потому что от земных членов человеческой природы по существу остаются только «Я» и астральное тело. Физическое тело отпало. Вместо него остаётся то, что я назвал «пустотой». Эфирное тело передают всеобщему мировому эфиру. Человек продолжает свой путь дальше. Вместо того, что он теперь отдаёт мировому эфиру как своё эфирное тело, он облачается в то, что мы назвали Самодухом. Он в некотором роде теперь является внешним членом. К человеку устремляется некий эфир; он облачает его некоего рода Самодухом.

Вообще говоря, будет правильно, если мы ещё немного задержимся на том, что изначально, я хотел бы сказать, осталось позади: на понятии человека. Нам не нужно говорить об этой пустоте, потому что она, прежде всего, имеет наибольшее значение только для самого человека, который умер, который испытывает те переживания, которые я описал. Но с эфирным телом дело обстоит иначе. Конечно, эфирное тело объективно вплетается в то, что является всеобщим мировым эфиром. Затем оно находится в нём, это эфирное тело человека.

Теперь Вам будет понятно, что в определённой степени эфирное тело человека, который умирает в юном возрасте, является чем-то другим в мире снаружи, чем

эфирное тело человека, который в определённой степени достигает общепринятого возрастного предела. Конечно, у каждого эфирного тела есть своя задача, и никакого желания умереть раньше или позже не должно возникнуть из того, что я сейчас скажу; это было бы совершенно ложным и ошибочным, самым неверным представлением о вопросе. Но, тем не менее, то, что я сейчас должен сказать, верно.

Если человек умирает в юношеском возрасте, то он обладает эфирным телом, которое, возможно, ещё десятилетиями могло бы питать физическое тело, могло бы работать в физическом теле. Собственно говоря, в духовном мире утрачивается так же мало силы, как и в физическом мире. То есть, если человек находится в возрасте двадцати или тридцати лет, то в покидающем его после смерти эфирном теле присутствует сила, которая, возможно, ещё на протяжении десятилетий могла бы питать его физическое тело. Она больше не находится в физическом человеческом теле; она находится вовне в мире. Пожалуй, это может предстать самым прекрасным образом перед нашей душой на одном примере.

У нас в Дорнахе на строительстве - некоторым из наших друзей я уже говорил об этом событии - находился мальчик; он погиб в результате трагического обстоятельства на седьмом году жизни. Вечером мальчик получил еду из нашей столовой, которая находится недалеко от дорнахского здания, и образовалась некая странная цепь обстоятельств, что мальчик вышел из столовой и пошёл через камыши, растущие рядом с дорогой, по которой тогда ехал полностью загруженный мебельный фургон. И полностью загруженный мебелью фургон перевернулся и задавил мальчика. Это было очень прискорбное событие. Сразу после вечерней лекции, после десяти часов нам пришло известие, что мальчика здесь нет. Не оставалось ничего другого, как посмотреть, что случилось с этим мебельным фургоном. Внешние обстоятельства тоже были весьма странными. Мальчик хотел уйти на четверть часа раньше, но его задержал кто-то, кто хотел пойти с ним. Он хотел выйти через другую дверь; тогда он прошёл бы справа от мебельного фургона, в то время как тот упал на него левой стороной. Ему сказали, что он должен выйти через эту дверь, так что его буквально направили туда. Кроме того, это тот путь, по которому, возможно, годами не ездили никакие мебельные фургоны, и может быть, годами ни один не проедет снова. Это был мебельный фургон, который один раз привёз мебель одному из наших членов в виде исключения. – Итак, мальчика искали. Мебельный фургон был так тяжело нагружен и, к несчастью, упал так, что его нельзя было поднять сразу, потому что люди, которые ехали на мебельном фургоне, ничего не привезли с собой для этого и просто ушли. Поднимать мебельный фургон собирались только на следующий день. - Но теперь, конечно, его нужно было поднять ночью, и под ним нашли мёртвого мальчика.

Таким образом, некоторое время этот мальчик постоянно находился в атмосфере строительства. И теперь действительно верно, что начиная с того времени, вскоре

после этой смерти, эфирное тело этого мальчика вплетено в ауру здания. И тот, кто, конечно, не будет нескромным сказать об этом, - как и я, имеет отношение ко всему художественному в строительстве, тот замечает, как из той неиспользованной эфирной силы эфирного тела происходит оплодотворение, необходимое для того, чтобы то или иное включить опять художественным образом в здание.

Конечно, возможно, для человеческого эгоизма более симпатичным было бы всегда приписывать всё это только собственной гениальности. Но уже полностью происходит так, что также то, что приходит к нам внутренне, проистекает от внешних духовных влияний. И мы можем конкретно детально подтвердить эти духовные влияния. Здесь мы имеем дело с эфирным телом мальчика, которому исполнилось семь лет, то есть которое могло бы питать физическое тело ещё в течение шести-семи десятилетий, которое со всей огромной мудрой строительной силой, необходимой для того, чтобы по всем правилам искусства сформировать физическое тело человека, находится в эфирной ауре дорнахского здания.

И даже людям искусства я осмелюсь сказать с полной уверенностью: искусство, необходимое для того, чтобы исходя из эфирного тела, сформировать физическое тело, гораздо больше, чем любое искусство, которое человек создаёт на Земле. Человек - это уже величайшее произведение искусства. И все импульсы для формирования физического человеческого тела находятся внутри эфирного тела. Деятель искусства также приносит их из своего эфирного тела, когда создаёт своё творение.

Это всего лишь один пример, можно привести другие, в которых можно увидеть поддерживающую силу неиспользованных эфирных тел. Ведь именно в этом году также наши дорогие друзья в юношеском возрасте прошли через врата смерти. И таким образом мы видим, как именно в это время бесчисленное количество людей проходит через врата смерти в расцвете лет, оставляя свои эфирные тела, каждое из которых могло бы работать над физическим телом ещё в течение десятилетий. Эти эфирные тела, которые ещё укрепились и усилились, пройдя через жертвенную смерть, существуют и будут существовать. И те люди, которые окажутся способны в будущем, когда на территории Европы снова будет происходить нечто иное, чем нынешние события, и которые придут потом на европейскую землю, они будут жить в духовной, в эфирной атмосфере, в которой находятся эти неиспользованные эфирные тела. И когда найдутся здесь на Земле души, которые будут нести в себе понимание того, что будет жить духовно, не просто как абстрактно мыслимое, но как реальные эфирные силы - такое понимание можно будет получить только из духовной науки, - то они в основном будут чувствовать инспирирующие силы того, что будет здесь присутствовать от этих эфирных тел. И это относится к тому чувству, которое сейчас мощно давит тяжестью на наши сердца, давит тяжестью потому, что, с одной стороны, мы должны взглянуть на потрясающие вещи, которые могли бы произойти, если бы

довольно многие люди могли осознать то, что посеяно смертями, которые теперь происходят благодаря великим событиям времени вокруг нас, в то время, как с другой стороны, находится ещё столь небольшая группа людей, которая может понять эти вещи. И, пожалуй, благодаря непониманию людей в отношении духовной науки, из-за материализма, наполняющего всё человечество, с лёгкостью может произойти то, что люди могут жить дальше в будущем, не имея и следа представления о том, что возникает из смерти.

Нам ни в коем случае не следует позволять такому утверждению жить в нашем собственном сердце, кроме как для того, чтобы, в той мере, в какой это существует в нас, мы полностью постигли такое сознание, чтобы полностью увидели это сознание и, со своей стороны, исполняли то, что мы можем сделать для понимания таких вещей. Мы не должны, я хотел бы сказать, с робким беспокойством только переживать о том, как много материализма присутствует здесь. Хотя мы должны признать, как много материализма присутствует на Земле, мы должны, напротив, не закрываться перед всё более и более распространяющимся материалистическим мировоззрением, но в большей степени делать то, что нам надлежит.

Итак, об эфирно-физическом теле сказано достаточно. Затем человек продвигается дальше. Сначала он облекается в своего рода Самодух, который формируется несколько иным образом, чем всё то, что формируется, когда мы живём здесь, в земном бытии. Можно было бы сказать: Самодух – это нечто, что подступает к нам со всех сторон, и в центре чего мы себя ощущаем. Затем человек продолжает вживаться в эти другие оболочки, переживая в то же время, как я не раз описывал, своего рода духовный обратный ход, переживая - но теперь не просто в виде картины, которую уже описывали, - то, что действует как своего рода противоположность по отношению к земной жизни. Человек может уяснить себе, как проходит дальнейшее время после того, как эфирное тело сложено, и мы продолжаем жить с нашим астральным телом и с нашим «Я», облачёнными Самодухом. Этот Самодух является своего рода движущей силой. Он ведёт нас назад таким образом, что мы проживаем в обратном направлении, действительно движемся назад в нашей последней земной жизни от смерти до рождения. Например, если здесь, на Земле, мы сказали кому-то нечто, что причинило ему страдания, то здесь, на Земле, мы переживаем такое событие в физическом теле с нашей точки зрения. Мы не можем пережить это с позиции другого человека. Мы вообще не смогли бы жить в физическом теле, если бы захотели жить иначе, чем переживая всё из себя. Но возьмём крайний случай: мы сделали кому-то очень больно неким словом, сказанным нами из мести. Здесь мы не переживаем то, что другой человек ощущает, что он чувствует. При обратном обзоре, который я сейчас описываю, мы всегда переживаем то, что ощущает другой человек, как следствие того, что мы совершили. То есть мы живём внутри мира следствий. Полностью выйдя из себя, мы переживаем то, что другие люди пережили благодаря

нам в течение нашей физической жизни, пока мы не доберёмся до точки, в которой достигнем нашего рождения. Затем мы облакаемся тем, что теперь можно было бы назвать духовным отражением того, что будет развиваться на Венере: мы облакаемся Жизнедухом.

И теперь благодаря этому Жизнедуху определяется дальнейшая жизнь, которую я уже не раз описывал. Вы найдёте её описанной с самых разных точек зрения и в Венском цикле лекций о жизни между смертью и новым рождением. Здесь я хочу, в свою очередь, изложить это с другой точки зрения.

Итак, нас, так сказать, облачают в Жизнедух. Это выражается определённым образом, и важно, чтобы мы это понимали. Сначала Самодух направляет нас назад; Самодух имеет дело в основном с нашей сущностью, с нашей индивидуальностью, а затем он также ведёт нас дальше. Доведя нас до нашего рождения, он продолжает направлять нас по путям, с которыми мы должны иметь дело в духовном мире.

Иначе обстоит дело с тем, что теперь совершает с нами другая оболочка, Жизнедух. Здесь, в физическом теле, мы пронизаны эфирным телом, которое также содержит жизненный эфир и всё то, что нас оживляет. Мы в определённой степени - Вы знаете, что эфирное тело лишь немного выступает за пределы физического тела и обычно имеет совершенно аналогичную форму - пронизаны эфирным телом, и мы живём благодаря этому эфирному телу. Тот, у кого нет эфирного тела, не может жить на физическом плане.

Когда мы слагаем своё астральное тело, то мы знаем: мы облечены этим Жизнедухом. - Теперь мы также замечаем: мы были облечены всё время, пока Самодух вёл нас назад. Но мы замечаем это только сейчас. Мы замечаем это только после того, как мы пройдем через всё то, что называют временем Камалоки. И теперь мы осознаём нечто весьма удивительное: благодаря тому, что мы облечены этим Жизнедухом, только благодаря этому возможна наша жизнь между смертью и новым рождением. Потому что здесь, в физическом теле, мы должны жить, я хотел бы сказать, внутри нашей кожи. Это невозможно для нас между смертью и новым рождением в духовном мире. Если бы мы хотели жить в духовном мире только в себе, в некотором смысле только в одном месте духовного мира, то мы должны были бы постоянно умирать, то есть не имели бы возможности жить. Напротив мы должны жить со всей Вселенной. Мы должны воспринимать всю Вселенную как один великий живой организм и должны жить вместе с ним.

Собственно говоря, конечно, это могло бы происходить двумя способами. Мы могли бы излиться во всю Вселенную. Но если бы мы вдруг излились, то сознание, которое у нас есть, которое я описал, это самосознание тоже растеклось бы и стало неясным. Напротив, нас должны перемещать в великом живом мировом организме. Здесь, в нашем физическом теле, наша конечность, скажем рука, находится в определённом месте. В духовном мире нас всегда должны перемещать. Нас всегда

нужно перемещать из одного места в другое. Это осуществляет Жизнедух. Благодаря ему мы покидаем одно место и попадаем в другое. Однако это происходит ритмично, так что мы снова и снова возвращаемся в одно и то же место. Но нас должны водить с места на место по миру. Подвижная, духовно подвижная жизнь возникает для нас. Здесь, в качестве физического человека, мы, за некоторыми исключениями, привязаны к одному месту. Однако духовное всегда нечто вносит в физическое, и благодаря этому мы можем передвигаться вокруг на физическом плане. Это, по сути, ариманическое действие, так как духовное вносится в физическое Ариманом. Но в духовном, правильно то, что нас перемещают через весь связанный с нами мировой организм. И так же, как здесь, на Земле, мы сживаемся с одним местом, так мы сживаемся, я хочу сказать, со всем окружением земной жизни. И пока нас перемещают в нём с одного духовного места на другое - более подробное изложение Вы найдёте в моём Венском цикле, - в то же время нам прививают необходимые силы для подготовки нашей новой земной жизни, чтобы теперь нас снова можно было привлечь к земной жизни. Поскольку в своей первой половине жизнь между смертью и новым рождением проходит так, что мы извлекаем себя из жизни на Земле; во второй половине мы готовимся вступить в новую жизнь на Земле.

Видите ли, сегодня материализм делает из всех вещей, в сущности, обратное им. Это приводит людей к самым серьёзным ошибкам, а именно к тем, которые не только правдоподобны, но и почти естественны. Когда появляется гениальная личность, например, такая как Гёте, люди воспринимают это очень материалистически. О Гёте была написана и издана очень толстая книга, в которой все его предки, которых можно найти, исследовались физически и умственно в материалистическом смысле - а материалист воспринимает только тела - и затем указывалось, что Гёте обладает одним качеством от одного предка, другим - от другого. Гёте и сам иронично говорил: от отца у меня фигура, от матери - радостная натура и так далее. Именно здесь, в Касселе, я однажды в цикле лекций выделил, насколько люди воспринимают это полностью материалистически, когда показывают, что мы «унаследовали» всё через физический поток наследственности, в частности, также и гениальность. Я уже не раз говорил: такие вещи абсурдны, смехотворно глупы, но всё же так правдоподобны, потому что материалисту становится непосредственно ясно, что если на протяжении многих поколений усиливают определённые качества, то тогда у гения они кажутся унаследованными. Материалист даже считает, что вместе с этим высказывается опыт. Но он высказывает опыт, примерно подобный следующему: человек, упавший в воду и вытасченный из неё, промок. - Душа, конечно, проходит через всех предков определённым образом, и тем самым к ней присоединяется всё то, что она из них извлекла. Подобно тому, как человек, упав в воду, промокает, так же и человек получает свойства своих предков, проходя через поколения. Было бы иначе, если бы произошло обратное, если бы кто-то доказал, что присущая гениальность

передаётся потомству: но это не так. Люди обязаны однажды доказать это! Но они, вероятно, не будут этого делать. Исследуют предков Гёте; но не делают этого, занимаясь его сыном или внуками! Просто проверьте когда-нибудь, передаются ли признаки гениальности потомству! Могут быть случаи, когда вещи скрывают, но вообще не может быть и речи о наследовании признаков гениальности потомством. Так как если бы это обнаружилось, то тогда об этом бы знали. Но такого наследования признаков гениальности не существует.

Но дело обстоит иначе. Если попытаться проследить индивидуальность человека, в определённый момент времени входящую в физическое тело, - она, естественно, нисходит из духовного мира -, то это будет та же индивидуальность, которая теперь уже соединяет отца и мать, которая содействует тому, чтобы отец и мать встретились для её рождения. Да, она уже принимает участие, и ещё дальше действует в обратном направлении. В некотором смысле, она действует, упорядочивая последовательность поколений таким образом, что, в конце концов, встречаются два человека, через которых эта индивидуальность может найти своё воплощение. Индивидуальность уже принимает участие в том, что передаётся столетиями от предков к потомкам. Как бы странно это ни звучало, но так оно и есть. У Гёте были отец и мать, дедушка и бабушка и так далее. Если мы вернёмся на столетия назад, мы увидим, что эта индивидуальность Гёте уже действует из духовного мира таким образом, чтобы всё-таки соединились те, кто в конечном итоге произвели на свет старого Каспара Гёте и госпожу Айю^{*}. Индивидуальность уже действует на протяжении веков из духовного мира; она действует в последовательности поколений.

Это как раз обратное тому, что предполагают. Человек не унаследовал от своих предков физически то, что он носит в своей душе, но из духовного мира, начиная с мировой полночи, находящейся в середине между смертью и новым рождением, он подбирает себе своих предков таким образом, чтобы он мог затем найти тех, через кого он прокладывает себе путь в земную жизнь. Это мистерия, исходящая отсюда. Это нечто невероятно значительное, в сущности, действительно потрясающее. И именно благодаря этому мы видим, что действительно существует тесная связь между тем, что происходит в духовном мире и тем, что в дальнейшем происходит внизу в физическом мире. И в то же время мы видим, насколько удивительно наша духовно-душевная жизнь между смертью и новым рождением вплетается в то, что происходит здесь, и чего здесь просто не замечают.

О духе в новейшей философии говорят весьма странным образом. В Галле жил один профессор, который сейчас считается очень значительным светилом в области философии, он опубликовал книгу - «Die Philosophie des Als Ob» («Как бы философия»^{*}) -, в которой он пытается доказать, что такие понятия, как дух и душа, не

* Госпожа Айя (Frau Aja) — так, любя, Иоганн Вольфганг Гёте называл свою мать.

* Философская теория, исходящая из недоказуемых представлений. - прим. пер.

являются реальностью, но они всё же необходимы в мировом рассмотрении человека. Не следует, - говорит он, - рассматривать человека так, что говорят: у него есть душа. Но, собственно говоря, он двигает руками и он говорит, поэтому можно сказать: его рассматривают так, как будто у него есть душа. В остальном, позвольте душе быть душой. Её отрицают; о ней не заботятся; но полагают, будто бы у человека есть душа, будто бы душа желает осуществлять всё это.

Это удобная, но также ужасно бездумная философия. Конечно, тот, кто однажды попытается применить эту философию в конкретной жизни, увидит, что эта «как бы философия» мало пригодна, даже как метод. И такого человека, как например Фриц Маутнер, который написал философию языка и который сводит всё к языку, его на самом деле следовало бы рассматривать с точки зрения этой «как бы философии»: как будто такой человек может обладать духом. Но если сделают такую попытку, то этот метод непригоден. Не обнаружат, что его можно рассматривать так, будто бы у него был дух; это нельзя применить. Там, где нет духа, там это нельзя применить. - Конечно, Вы знаете мою точку зрения. Но я упоминаю этого Фрица Маутнера только потому, что он принадлежит к тем людям, которые отрицают весь смысл истории в целом и которые проявили наиболее очевидным образом с точки зрения современного материализма то, что история никогда не сможет стать наукой. Он говорит: «Если капля дождя падает на землю, то можно естественно-научным образом найти законы капель дождя, потому что капли дождя часто падают по одним и тем же законам. Тогда можно сравнить отдельные случаи друг с другом, и здесь можно найти законы». - В настоящее время философы думают, что наблюдение за большим количеством случаев, и постоянное обнаружение того же самого, приводит к отдельным законам. Но в истории все вещи происходят только один раз, тридцатилетняя война была только однажды и так далее; и поэтому вся история для Фрица Маутнера - лишь последовательность случайностей. К таким утверждениям должны прийти люди в настоящее время, если они отрицают дух в действительности; потому что история также была бы лишь последовательностью случайностей, если бы в истории не действовало как реальность то, что мы сейчас показали, что действует из духовного мира, и над чем совместно работают люди между смертью и новым рождением. Между смертью и новым рождением мы в определённой мере вплетены в то, что происходит здесь на Земле. Просто мы вплетены в соответствии с импульсами, которые в таком случае приходят к нам из духовного мира.

Можно действительно сказать: просто не верится, что со стороны естествознания могут возникнуть какие-либо серьёзные возражения против духовной науки; так как если сравнить с духовной наукой то, чего сегодня действительно может достичь естествознание, то сегодняшнее естествознание является как раз лучшей опорой для духовной науки. Необходимо только взяться за дело в правильном направлении.

Если мы возьмём сегодня в руки какую-нибудь книгу, в которой материалистически настроенный человек высказывается примерно наполовину психологически, то есть из знаний о душе, и наполовину из знаний о теле, то мы находим следующее. Эти люди ищут, как человек образует представления, чтобы в результате вообразить себе, что они показывают механизм мышления - жизнь нервов, жизнь мозга. Они исследуют механизм мышления, а затем действительно могут показать, что если в нас утверждается какое-то представление, то происходит мозговой процесс. Поэтому они говорят: «Как видите, мы можем доказать вам, что мысль или представление вовсе нельзя было бы понять без мозгового процесса; так чего же вы хотите от независимой души? Ведь существует только механизм мышления!»

Но они приходят ещё к чему-то иному, эти материалистически настроенные люди. Если Вы просмотрите обычные учебники, то найдёте: эти люди приходят к тому, что показывают механизм мышления и связывают всё мышление и представление с механическими процессами в мозге и нервной системе; но они вынуждены отрицать чувство и волю. Чувство и волю невозможно объяснить посредством физических процессов. Поэтому от них просто отстраняются. И сегодня, когда Вы открываете книги, Вы можете повсюду найти следующее: хотя люди из своих предрассудков также приняли волю и чувство, но на самом деле это не имеет никакого значения, этого вообще не существует.

Итак, естествоиспытатель просто останавливается перед чувством и волей. Собственно говоря, зная теперь, что мысли отделяются от нас вместе с нашим эфирным телом, для нас проясняется, что это обособленное, выходящее из нас с нашим эфирным телом, также работает над нашим внешним здесь, на Земле, сначала подготавливается механизм мышления, а когда механизм мышления сформирован, тогда возникает мышление с помощью механизма мышления, сформированного самим мышлением. Чувство и воля остаются в астральном теле и «Я». Мы несём их в духовный мир. Ни одна наука не принуждает к материализму, напротив, настоящая сегодняшняя наука везде доказывает справедливость нашей духовной науки. Современный материализм полностью зависит от того, что у людей нет побуждения к духовной жизни, что они не хотят интересоваться духовной жизнью. Также не должно отсутствовать понимание. Потому что в действительности, если человек пропитает себя тем, что духовный исследователь может дать из духовного мира, даже для таких тем, каким мы позволили выступить сегодня перед нашей душой для жизни между смертью и новым рождением: уже можно понять то, что необходимо просто более тончённое, более деликатное понимание, чем то грубое понимание, которое современный человек хочет во многих случаях применять к внешнему миру. Но мы всё же живём во время, когда материализм как раз достиг своего пика. Духовный исследователь может даже точно указать год, когда материализм достиг своего пика,

это был примерно 1840/41 год. С тех пор он даже, в свою очередь, несколько ослабел; но его последствия, конечно, велики. Но этот материализм, что он означает для понимания физической человеческой жизни? Именно самые глубокомыслящие умы современности вводят человека в чудовищно прискорбное заблуждение под влиянием материализма.

Так существует действительно очень умный человек, по специальности являющийся криминальным антропологом. Он исследовал множество образцов головного мозга преступников. Он первым высказал знаменитую, значительную теорию о головном мозге преступников, теорию гласящую, что в большинстве случаев - в наибольшем количестве случаев - задняя доля головного мозга, покрывающая малый мозг, сформирована слишком маленькой, так же как у обезьяны. Обезьяна отличается тем, что она также обладает маленькой затылочной долей. Это было, конечно, настоящей находкой, потому что можно было сказать: ага, если человек является преступником то, это возврат к природе обезьян; он рождён со слишком маленькой затылочной долей!

Но подумайте, какое это должно иметь огромное значение для нравственной жизни, если человек желает признавать, что у него есть только физическое тело. Тогда он должен говорить так: «Для чего вы все здесь говорите об ответственности, для чего вы говорите о том, что хотите нравственно улучшить человека благодаря тому или иному воспитанию? Это всё ерунда: те, кто рождаются со слишком маленькой затылочной долей, которая, естественно, не может вырасти в течение жизни над мозжечком, становятся преступниками; они обязательно становятся преступниками. И если бы материализм был истиной, то и это было бы правдой: тогда мы вешаем людей не по той причине, что они убили другого человека, а потому, что у них слишком маленькие затылочные доли! Следовало бы также признать: мы вообще не можем жить на свете, если не признаемся в таких вещах. Материалистом в этом смысле вовсе нельзя быть, если не признают: людей вешают, потому что у них слишком маленькие затылочные доли». - Нечто другое было бы просто сокрытием истины.

Но правда ли это? Нам необходимо сказать об эфирном теле в том смысле, как мы это сделали сегодня, что оно тоже присутствует, о том эфирном теле, которое после смерти даже увеличивается и вплетается во всеобщий мировой эфир. Теперь, если мы найдём подростка, у которого слишком маленькая затылочная доля, то хотя мы не можем заставить её расти, никакая физическая наука никогда не приведёт к этому, но мы можем настроить воспитание соответствующим образом, сказав себе: здесь также присутствует эфирное тело, и часть эфирного тела, соответствующая затылочной доле, и путём соответствующего воспитания мы просто формируем эфирное тело затылочной доли, а оно столь же эффективно в жизни, может быть, даже в некотором смысле более эффективно, чем физическая затылочная доля, потому что оно должно

преодолеть определённую силу. И тогда из нашего знания открывается утешение, что физическая форма нашей затылочной доли не имеет значения, но что у того человека, чья затылочная доля слишком мала, мы можем соответствующим образом сформировать эфирную долю, вызывая в нём то или иное чувство, когда мы замечаем, что он имеет ту или иную предрасположенность поступать неправильно. Тогда мы сможем его спасти.

Увидьте, что это правда. Это моральная сторона духовной науки! Она также существует. Отчаяние и безысходность особенно в морально-нравственных отношениях, если бы только захотели быть правдивыми, можно было бы увидеть исходящими из материалистического мировоззрения. Утешительную возможность деятельного вмешательства в то, кем становятся люди, можно увидеть из того, что может дать нам духовная наука. Если только в нужный момент мы замечаем у ребёнка определённые предрасположенности, которые могут привести к преступным действиям, то с помощью определённого способа воспитания мы можем специально развить то, что действует на эти затылочные доли особенно сильно в эфире, и тем самым вплетает в человека силу, которая теперь продолжает жить вместе с ним между смертью и новым рождением, а также именно в физическом теле особо правильно формирует затылочную долю в следующем воплощении. Мы помогаем ему не только для этого воплощения; мы также вкладываем задатки для особенно хорошо развитого мозга, которые он может пронести через жизнь между смертью и новым рождением для включения в своё следующее телесное воплощение.

То есть духовная наука теперь вводит нас в жизнь практическим образом. Только она должна будет делать то, что выходит за рамки того, что люди делают сегодня. Сегодня ещё часто думают, что сделали достаточно для духовной науки, если слушали лекции некоторое время, и думают, что она благотворно и возвышающе подействовала на нашу душу. Этого недостаточно! Духовная наука должна войти во все сферы жизни в практической деятельности. Во всех сферах жизни должны проявиться плоды духовной науки. В первую очередь должна быть оплодотворена духовной наукой педагогика, которая сегодня особенно безотраднa, потому что исходят только из того и верят только в то, чем человек обладает физически.

Сегодня ещё многие люди могут прийти и сказать: Вы, конечно, замечательно рассказываете нам о духовной науке, но почему же мы должны верить в то, что Вы нам рассказываете? Мы же ведь сами не можем это увидеть. В лучшем случае это может увидеть тот, кто определённым образом находит путь в духовные миры, как это показано в книге «Как достигнуть познания высших миров?». - Когда говорят: «Я желаю, прежде всего, увидеть нечто практическое», - и думают при этом, что духовное в физический мир вносят таким образом, чтобы внешне увидеть дух так, как видят физическое, потому что очень удобно искать дух в духовной манере, то это - совершенно эгоистичная точка зрения. И хотя материализм сегодня связан с эгоизмом

— ведь он является мировоззрением! -, но материалистический спиритизм ещё более эгоистичен. Потому что материализм, по крайней мере, просто сводится к тому, что признают только физический мир и затем также довольствуются этим физическим миром. Но спиритизм, во-первых, хотел бы чувственно взирать на духовный мир, а во-вторых, я хотел бы сказать, получать постоянное удовлетворение, и его также испытывать физическим способом. Но в своей неопределённости он всё же представляет себе этот физический вид как духовный, короче говоря, он хотел бы оставаться в физическом мире и всё же получать духовное! На самом деле прискорбно, что стало возможным это увеличение нашего материализма, которое проявляется в распространённом, особенно процветающем в Америке спиритизме; поскольку там существует тенденция огрублять духовное, представлять духовное и духовные процессы материальным образом.

Но существует множество других способов познать то, что существует на физическом плане в качестве отпечатка духовного мира. И одним из способов - конечно, не все из них возможно назвать сейчас - является то, что ищут духовное там, где оно действует, например, у детей, в которых оно как раз должно развиваться. И потому следует оплодотворить педагогику. Педагогика будет иметь успех только тогда, когда люди приходят туда, чтобы настолько выработать ощущение и чувство для духовного, что учитель занимается педагогикой не только согласно всевозможным инструкциям, но, прежде всего, исходит из наблюдения за растущей индивидуальностью и видения того, что изнутри неё желает развиваться. Этого следует достичь, правильным образом достичь! И для того, чтобы мы могли поверить в достижение этого, будет верным обратить внимание на тот факт, что человек в настоящее время в действительности ужасно близорук. Он считает, что в наше время люди продвинулись удивительно далеко, что всё ребячество прошлых веков, наконец, отброшено. Но это неправда, что были отброшены предрассудки. Человеку следовало отбросить только древнее атавистическое ясновидение, чтобы ясно увидеть физический план и обрести свободу, и его последние проявления были отброшены не так давно. Позавчера у меня была возможность поговорить с нашими дорогими друзьями в Гамбурге об особом примере этого ясновидения. Если бы у Вас была возможность пройти здесь по разным местам, то, возможно, Вы также смогли бы найти такой пример. Но я хочу привести Вам пример из Гамбурга; возможно, Вы сами сможете найти нечто аналогичное в Касселе.

Когда сегодня художник изображает грехопадение в раю, тот величественный образ искушения человека Люцифером из Библии, то реалистично изображают Адама и Еву и змея, с обычной змеиной головой. На самом деле мы знаем из нашей духовной науки, что этот змей - Люцифер. Физическая змея на Земле может быть в лучшем случае неким символом Люцифера, но эта физическая змея не является Люцифером, даже огромная змея, которой позволено обвиться вокруг дерева, и у которой наверху

имеется обыкновенная змеиная голова, не является Люцифером. Люцифер - это существо, остановившееся в своём развитии на Луне, существо, которое, конечно, нельзя увидеть чувственным образом. На Луне ведь не видели таким чувственным образом; только Земля породила это чувственное. Земную змею видят с помощью органов чувств. Люцифера, конечно, нельзя увидеть чувственным образом, на него нужно смотреть внутренним образом. Если смотрят внутренним образом, то это становится внутренним ощущением. И тогда чувствуют: ага, это тот, кто в своей верхней части имеет сходство с человеческой головой; он ведь выпучил глаза: «Ваши глаза откроются, и вы будете зрячими», он находится внутри головы и ещё заполняет нервную систему вплоть до самого спинного мозга, - человеческая голова, которая продолжается телом змеи, но всё это мыслится только эфирно. То есть его следовало бы воспринимать внутренним образом. Если изображают Люцифера, если желают писать согласно Библии, то должны были бы нарисовать эфирное для спинного мозга, а сверху то, что ещё эфирно, что уже не является физическим, - человеческую голову. Это было бы проявленным в образе учением о том, что у нас есть сегодня.

В Гамбурге можно увидеть картины из Библии мастера Бертрама, и грехопадение изображено таким, как я описал это сейчас: не обычная змея, а змей с обычным телом, но с человеческой головой. Художник писал так в XIV-XV веках, в середине средних веков, то есть люди тогда ещё знали об этом. Здесь Вы получаете материальное доказательство того, как обстоят дела! Художник не взял и нарисовал обыкновенную змею, однако в то время люди ещё могли так делать потому, что ещё присутствовало атактистическое ясновидение. Оно полностью исчезло только несколько столетий назад, и его нужно снова достичь. Его нельзя достичь никаким другим способом, кроме как подготовив себя к пониманию духовного мира благодаря духовной науке.

Поэтому тот, кто всей душой и всем сердцем находится в нашей духовной науке, принимает её так, что он видит: самая важная задача нашего времени состоит в том, чтобы люди научились понимать, что находится в духовном мире, чтобы, в свою очередь, благодаря этому подготовиться к тому, чтобы снова иметь возможность взирать в духовный мир, в то, что действует совместно с нами внутри того мира, который нас окружает. Насколько иначе мы, как люди, пойдём по миру, если будем знать: не только воздух окружает нас, но этот воздух пронизан тканью не только видимого мира - свет ведь также обычно не виден, а видны цвета - но в свете ткнут эфирные тела умерших. Естествознание и духовная наука соединятся прекрасным образом, только духовная наука будет здесь существовать для всех людей, так как она принесёт нечто всем людям.

Я считаю, что в наше время людям особенно необходимо почувствовать настоящую обязанность достаточно часто вводить в нашу медитацию такие истины, как те, которые мы сегодня смогли узнать о жизни между смертью и новым рождением. Кроме того, хорошим материалом для медитации является то, что мы

начало жизни между смертью и новым рождением, эту пустоту, которая указывает нам наше место в мире, это указание эфирного мира, это вплетение нашего собственного эфирного тела в эфирный мир, что мы, достаточно часто медитируя, позволим этому выступить перед нашей душой. Благодаря этому то, что живёт в нас, побуждается всё больше и больше вращаться в непосредственное переживание духовного мира. И человечеству это необходимо уже в настоящее время. Если присмотреться к событиям этого времени, то можно было бы почувствовать, насколько необходимо это вживание в духовный мир для современного человека. Нынешнее время испытаний смогут пережить правильным образом только тогда, когда некоторое количество людей сможет верно и по-человечески самоотверженно прочувствовать то, что живёт в духовной науке, и каким образом эта духовная наука должна подготовить будущее человечества.

Эти знамения времени уже серьёзны, и эта серьёзность раскрывается тогда, когда мы думаем как раз о различных вещах, которые так очевидны для нас. Вдумайтесь только, мы говорим о том, что необходимо пройти наш путь в соответствии с серьёзным базовым принципом: поиском равности во всех человеческих душах и во всех народах и расах. Мы по праву рассматриваем этот принцип в качестве высокого идеала для человечества, но мы не должны скрывать от себя, какой чудовищный контраст составляет жизнь нынешней Европы с этим идеалом. Можем ли мы сказать, что человечество Европы сегодня каким-либо образом в своих высказываниях, хоть отдалённо приближается к этому идеалу? Как далеко оно от него! И должны ли мы — я говорю именно должны — рассматривать этот идеал как тот, который мы должны применить непосредственно сегодня? Разве мы сами, как немцы, не обманывая себя, не обязаны уяснить себе, что из-за ситуации в Европе нам невозможно даже отдалённо думать о реализации такого идеала? Особая миссия, возложенная на нас, как на немцев, была бы выполнена очень плохо, если бы сегодня мы просто растворились в общих расплывчатых идеалах. Время обязывает нас раскрыть особые черты нашей средневропейской сущности. И в связи с этим нам уже следует рассмотреть связанную с этим карму, которая, я хотел бы сказать, в особенности возросла.

Подумайте всё же, когда наблюдаете мировые события, что в духе этих великих мировых событий нас направляли не настолько уж плохо. Карма повлекла за собой то, что наше движение сначала принадлежало к всеобщему теософскому движению. Задолго до того, как эта война проявила то, что она может показать немцам сегодня, наше немецкое движение полностью отделилось, выделилось из теософского и отметило, насколько необходимо, чтобы именно из сущности немецкого народа выросло то духовное движение, которое может служить опорой нам и которое должно будет служить опорой и остальному миру. Можно сказать, что в качестве антропософского движения уже на протяжении нескольких лет в частности со стороны англичан мы чувствовали ненависть к нашей конкретной области

деятельности. Она только увеличивалась, потому что там не могут замолчать; написанное о нас в последнее время со стороны так называемых английских теософов превосходит всё, что ещё как-то по-человечески можно извинить. Итак, наблюдая ход нашего движения, нам уже следует сказать, что мы также обнаруживаем нашу карму, текущей сквозь наше движение таким образом, что оно находится в полной гармонии с тем, о чём сегодня возвещает великое движение в мире. Однако со всей скромностью нам следует представлять себе благоприятной кармой то, что наша карма достаточно рано привела нас к самостоятельному акцентированию немецкой духовной жизни, и для течения нашей кармы мы должны рассматривать как своего рода сияющую утреннюю звезду то, что Антропософия нашла своё средоточие в немецкой духовной жизни. И поскольку, я хотел бы сказать, признаки того, что происходит вовне в мире, проявились у нас гораздо раньше, то мы также можем уже исходя из этого единственного факта обрести веру в то, что в нашем движении находится нечто из силы для всеобщего великого движения человечества.

Мои дорогие друзья, давайте научимся доверять заложенной в нашем движении духовной силе, относящейся к тому лучшему, к чему наши души вообще могут присоединиться. Давайте научимся переживать всю серьёзность и значение мысли, чувства и импульса воли, всю серьёзность и весь смысл того, что означает: должны существовать отдельные души, которые здесь в отношении великих требований нашего времени понимают, насколько духовные импульсы должны взаимодействовать с тем, что должно произойти в истории будущего здесь, на Земле. Давайте научимся понимать не только в абстрактном, но и в конкретном смысле то, что должны означать бесчисленные смерти, наводняющие сейчас Землю. Давайте научимся понимать, насколько верны должны быть наши души нашему движению для того, чтобы существовали люди, умеющие правильным образом взирать в те сферы, в которых также эфирные тела и индивидуальности, принесшие жертвы ради нашего времени в великой исторической области деятельности, будут продолжать действовать и действовать вместе с теми, кто позднее в мирное время будут ходить по Земле. Давайте научимся понимать, что значит обрести правильные мысли для того, чтобы духовность также проникла именно в то, что происходит сегодня на физическом плане, чтобы сторонники духовной науки находились здесь для обращения их мыслей вверх к тому, что духовным образом возникает из мужества и жертвы нашего времени. Давайте научимся в правильном смысле понимать слова, которыми мы желаем завершить наше рассмотрение:

Из мужества бойцов,

Из крови сражений,

Из страданий покинутых,
Из жертвенных деяний народа
Вырастет духовный плод –
Если души, сознавая дух,
Направят свои помыслы в царство духов.

Лекция третья

О событии смерти и фактах посмертного времени

Лейпциг, 22 февраля 1916 г.

Мы живём в то время, когда нам ежедневно или ежечасно напоминают о смерти, этом прохождении людей через врата смерти, об этом значительном событии в жизни человека. Потому что для человека смерть становится в истинном смысле этого слова событием в жизни только благодаря духовной науке, которая показывает человеку, как внутри него действуют те вечные силы, проходящие через рождение и смерть и создающие один вид существования, одну особую форму существования в период между рождением и смертью, чтобы после прохождения врат смерти принять другую форму существования. Таким образом, в некотором смысле смерть из абстрактного завершения жизни, которым она может быть единственно для материалистического мировоззрения, превращается благодаря духовной науке в событие, которое также глубоко значительно, во всеохватывающей жизни человека. И также в наших рядах дорогие друзья прошли через врата смерти в первую очередь благодаря нынешним историческим событиям, но также и по иным причинам, так что, вероятно, особенно уместным в настоящее время окажется затронуть в нашем сегодняшнем рассмотрении некоторые вещи о событии смерти и фактах человеческой жизни, относящихся к смерти.

Конечно, в наших духовно-научных рассмотрениях снова и снова возникали дискуссии о жизни между смертью и новым рождением, и мы уже получили именно по этой теме много подсказок. Всё же Вы, конечно, знаете из предыдущей истории духовной науки, что всегда всё может быть дано только с определённой точки зрения,

и что мы, в сущности, можем всё более подробно и точно узнавать вещи только благодаря тому, что они освещаются нам с разных точек зрения. Таким образом, сегодня я добавлю к тому, что мы уже знаем, к интересующей нас теме нечто, что может быть полезно для нашего общего понимания мира.

Мы рассматриваем - и это изначально правильно - человека духовно-научно таким, каким он предстаёт перед нами здесь, в физическом мире, в качестве проявления его общего существа. Прежде всего, мы должны исходить из того, каким человек представлен нам в физическом мире, и поэтому я неоднократно обращал внимание на то, как мы в некотором роде получаем нечто вроде направляющего обзора всего человека, когда мы рассматриваем его таким образом, что, прежде всего, мы берём за основу физическое тело, которое здесь, в физическом мире, мы познаём извне посредством наблюдения органами чувств, посредством научного разбора чувственно рассматриваемого. Затем мы берём за основу то тело или ту форму организации, которую мы называем эфирным телом, и которое уже носит сверхчувственный характер, то есть, которое нельзя рассматривать с помощью обычных органов чувств - и даже с помощью разума, который связан с мозгом, - и, следовательно, которое уже недоступно для обычной науки. Но, тем не менее, это эфирное тело является образованием, о котором можно сказать, что даже такие индивидуальности, как Иммануил Герман Фихте, сын великого Иоганна Готлиба Фихте, и Трокслер и другие знали об этом. В человеке это эфирное тело является чем-то, что хотя и может быть воспринято только имагинативным познанием, так как оно является сверхчувственным, но всё же для сверхчувственного познания его можно рассматривать именно внешне, так же, как чувственное физическое тело можно рассматривать извне для чувственного познания.

Затем в рассмотрении мы поднимаемся к астральному телу. Собственно говоря, астральное тело не является чем-то, что можно рассматривать внешне чувственно так, как физическое тело рассматривают посредством внешних чувств и как эфирное тело рассматривают посредством внутреннего чувства, но астральное тело является тем, что можно пережить только внутренне, в чём нужно находиться самому, чтобы пережить его, а также четвёртый член, который мы должны изначально постичь здесь, в физическом мире, - «Я». Из этих четырёх членов человеческой природы мы формируем для себя полностью всего человека. Но из предыдущих рассмотрений мы также знаем, что называемое физическим телом человека на самом деле является чем-то очень сложным, что это физическое тело человека формируется в длительном процессе становления на протяжении периодов Сатурна, Солнца, Луны, что также становление Земли уже внесло свой вклад от самого начала земного бытия вплоть до нашего времени. Наше физическое тело сформировано в ходе сложного процесса развития. Даже для обычной науки на самом деле для рассмотрения предлагается только внешняя сторона того, что действительно живёт в физическом теле. Можно

было бы сказать, что обычное физическое видение и физическая наука, какими они существуют здесь, в мире, знают о физическом теле всего лишь столько, сколько знает о доме человек, который ходит вокруг дома снаружи и никогда не заходил вовнутрь, никогда не узнавал, что находится внутри дома, и какие люди живут в нём. Хотя, конечно, те, кто в материалистическом смысле опираются на внешнюю науку, скажут: «О, мы очень хорошо знаем внутреннее содержание физического тела! Мы знаем, потому что мы часто смотрели на мозг в мозговой оболочке, потому что мы смотрели на желудок и сердце при вскрытии тела, конечно, мы знаем эти внутренние органы!»

Но это внутреннее содержание, которое можно увидеть таким образом снаружи, является пространственно-внутренним, оно не является тем, что здесь подразумевается, когда говорят о внутреннем. Это пространственно-внутреннее также является только внешним; это пространственно-внутреннее в физическом теле человека даже гораздо более внешнее, чем настоящее пространственно-внешнее. Конечно, звучит странно, когда я так говорю. Но Вы знаете из предыдущих описаний нашей духовной науки, что наши органы чувств были созданы уже в период Сатурна, и мы несём их на наружной стороне нашего тела, на пространственно наружной стороне. Они сформированы из гораздо более духовных сил, чем, например, наш желудок или то, что находится внутри в пространственном смысле. Находящееся внутри, создано из самых недуховных сил. И как бы странно это ни звучало, но на это нужно обратить внимание, что человек выражает себя на самом деле наоборот. Конечно, это естественно, потому что мы живём здесь, на физическом плане – но человек выражает себя наоборот. На самом деле он должен был бы называть то, что является кожей на лице, внутренним, а свой желудок - внешним. Тогда мы были бы гораздо ближе к реальности! Человек приблизился бы к реальности, если бы говорил, что мы едим изнутри наружу, отправляем еду изнутри наружу, когда мы отправляем её в желудок, как теперь, когда мы говорим: извне вовнутрь; потому что чем ближе наши органы лежат к поверхности, тем от более духовных сил они происходят, и чем более недуховно их происхождение, тем глубже они лежат в нашем пространственно-внутреннем содержании.

Вы можете легко понять это даже из предыдущих описаний духовной науки. Если Вы вспомните то, что было изложено в предыдущих описаниях духовной науки, то узнаете, что во время развития Луны нечто отделяется, и при развитии Земли снова отделяется и выходит из развития Сатурна, Солнца и Луны в мировое пространство. Во время этого отделения произошло нечто удивительное: нас вывернули, действительно вывернули так, как выворачивают наизнанку перчатку внутренним содержанием наружу, а внешним - внутрь. Во времена Сатурна и Солнца – естественно, в первоначальном замысле – и даже в течение части Лунного периода то, что сегодня обращается наружу как лицо, в действительности было обращено внутрь; а зачатки наших современных внутренних органов были сформированы уже во время

Лунного бытия таким образом, что они были сформированы снаружи. С тех пор мы действительно вывернуты как плащ-накидка. Сегодня уже не выворачивают плащ-накидку так часто, как это делали в прошлые времена, когда его могли носить ещё длиннее. Сегодня это больше не принято. Поэтому, когда мы говорим о нашем физическом теле, мы должны осознавать, что в нём находится много сверхчувственного, что весь его тип строения сверхчувственен, что оно сформировано исходя из сверхчувственного и обращено к нам только своей внешней стороной, когда мы рассматриваем его как целое.

Теперь, когда мы подходим к эфирному телу, то оно вообще уже незримо для физически-чувственного созерцания; но тем важнее это эфирное тело становится тогда, когда человек прошёл через врата смерти. Прежде всего, это эфирное тело имеет особое значение в первые несколько дней, когда мы вступаем в духовный мир. Но и в отношении физического тела нам ещё необходимо научиться изменить свои взгляды, научиться изменить свои взгляды верно, если мы хотим в правильной степени внимательно рассмотреть то, что ждёт нас после прохождения врат смерти. Вы же знаете, потому что это ещё можно наблюдать из физического мира, что при прохождении через врата смерти человек, как говорится, слагает своё физическое тело. Оно передаётся благодаря разложению или сжиганию - два процесса, различающиеся только по продолжительности - элементу Земли. Теперь могло бы показаться, будто для того, кто сейчас прошёл через врата смерти, это физическое тело как таковое просто слагается. Но это не так. Мы можем передать Земле из нашего физического тела только то, что происходит от самой Земли. Мы не можем передать Земле из нашего физического тела то, что исходит от бытия древней Луны, древнего Солнца и древнего Сатурна. Происходящее от бытия древних Сатурна, Солнца, Луны, даже ещё от большей части бытия Земли, это является сверхчувственными силами. И эти сверхчувственные силы, находящиеся внутри нашего физического тела, проявляющиеся для нас, как я только что объяснил, в чувственном рассмотрении только с внешней стороны, эти сверхчувственные силы, куда они уходят, когда мы прошли через врата смерти? - Из нашего физического тела, из этого самого удивительного творения, изначально присутствующего в мире как форма, как было сказано, из нашего физического тела Земле возвращается только то, что было дано Землём. А другое, где же оно находится, когда мы проходим врата смерти? - Это другое изымается из того, что погружается в Землю в результате разложения или сгорания; это другое поглощается всей Вселенной. И если Вы подумаете обо всём, обо всём, о чём Вы можете догадываться в окружении Земли, со всеми без исключения планетами и неподвижными звёздами, и если Вы подумаете об этом как можно более духовно, то таким образом в этом духовном размышлении Вы окажетесь там, где пребывает духовное из нас. Потому что отделяется только часть этого духовного, которая живёт в тепле и которая остаётся у Земли. Тепло, наше внутреннее тепло,

наше собственное тепло отделяется, остаётся Земле. Но всё остальное, что кроме этого духовно в физическом теле, переносится во всё мировое пространство, в весь Космос.

Теперь, когда мы, в качестве людей, покидаем своё физическое тело, куда же мы отправляемся, куда же мы, собственно, погружаемся? Вместе со смертью мы словно молниеносно погружаемся в то, что формирует наше физическое тело из всех сверхчувственных сил. Вы совершенно спокойно можете себе представить, что все созидательные силы, со времени Сатурна работавшие над Вашим физическим телом, расширяются до бесконечности и подготавливают для Вас место, в котором Вы живёте между смертью и новым рождением. Всё это, я хотел бы сказать, просто сконцентрировано в том пространстве, которое замкнуто нашей кожей между рождением и смертью.

Собственно говоря, когда мы находимся вне физического тела, тогда, прежде всего, мы получаем опыт, который важен для всей последующей жизни между смертью и новым рождением. Я уже много раз описывал его. Этот опыт имеет противоположную природу по сравнению с соответствующим опытом в жизни на физическом плане. Здесь, в жизни на физическом плане, мы не можем оглянуться назад с помощью обычного чувственного познания, имеющегося у нас, вплоть до часа нашего рождения. Ни один человек не может вспомнить своё рождение, не может оглянуться назад. Он просто знает, что он родился, во-первых, потому, что ему, возможно, сказали об этом, а во-вторых, потому, что он делает вывод, что все люди, которые ступили на Землю ещё позже, чем он, также были рождены; но реального опыта собственного рождения человек получить не может.

После смерти с соответствующим опытом происходит как раз наоборот. Тогда как непосредственное видение нашего рождения никогда не может предстать перед нашей душой в физической жизни, в течение всей жизни между смертью и новым рождением перед душой предстаёт момент смерти, если только человек взирает на него духовно. Однако мы должны пояснить, что в таком случае этот момент смерти рассматривают с другой стороны. Если смерть может нести нечто пугающее, то так происходит только потому, что её рассматривают здесь как некоторого рода растворение, как конец. С другой стороны, с духовной стороны, когда оглядываются назад на момент смерти, то смерть всегда предстаёт как победа духа, как выход духа из физического. Здесь она предстаёт как величайшее, великолепное, как самое значительное событие. И, кроме этого, в этом событии загорается то, что является нашим Я-сознанием после смерти. Всё время между смертью и новым рождением мы владеем Я-сознанием не только в подобном, но даже в гораздо более высоком смысле, чем здесь, в физической жизни. Но этого Я-сознания у нас не было бы, если бы мы не могли постоянно оглядываться назад, видеть, но с другой стороны, с духовной стороны, этот момент, когда мы вышли с нашим духовным из физического. Мы знаем то, что мы являемся «Я», только благодаря тому, что понимаем: мы умерли, мы

выделили наше духовное из нашего физического. В тот момент, когда по ту сторону врат смерти мы не смотрим на момент смерти, тогда это проявляется для этого Я-сознания после смерти таким же, как для физического Я-сознания нахождение во сне здесь. Как во сне ничего не знают о физическом Я-сознании, так после смерти ничего не знают о себе, если не видят этого момента смерти. Он предстаёт как один из самых великолепных, один из самых возвышенных моментов.

Вы видите, уже в этом случае мы должны сказать, что в духовном мире думают иначе, чем в чувственно-физическом мире. Если желают ради комфорта придерживаться тех понятий, которыми владеют здесь для физически-чувственного мира, то вовсе никак не смогут правильно понять духовное. Потому что после смерти самым главным является то, что момент смерти рассматривается с другой стороны. Благодаря этому как раз воспламеняется наше Я-сознание с другой стороны. В определённой степени, здесь, в физическом мире, у нас есть одна сторона Я-сознания; после смерти мы обладаем другой стороной Я-сознания. Я уже излагал, где на самом деле находится сверхчувственное нашего физического тела после смерти, где мы должны его искать. Во всем мире, сколь велико мы можем только догадываться, мы должны искать это физическое как соотношение сил, как организм сил, как космос сил. Это физическое готовит нам место, через которое мы должны пройти между смертью и новым рождением.

Таким образом, то, что заключено здесь, в нашем физическом теле, в этом сравнительно с общим миром маленьком теле, в нашей коже, является в действительности микрокосмосом, действительно целым миром. На самом деле он просто свёрнут – хотел бы я сказать, если мне позволят сказать тривиально -, затем он разворачивается и наполняет мир, за исключением маленького пространства, которое всегда остаётся пустым. Когда мы живём между смертью и новым рождением, мы на самом деле тем, что лежит в основе нашего физического тела как сверхчувственные силы, находимся везде в мире, кроме одного места, которое остаётся пустым. Это — то пространство, которое мы занимаем здесь, в физическом мире, внутри нашей кожи. И мы всегда смотрим на это пустое пространство. Там мы видим нас снаружи и смотрим в пустое пространство. То, во что мы смотрим, остаётся пустым, но оно остаётся пустым таким образом, что мы получаем от него основополагающее ощущение. Это взирание не является абстрактным взиранием, как например, человек рассматривает любые вещи здесь, на физическом плане, но это взирание связано с мощным внутренним жизненным опытом, с мощным переживанием. Это связано с тем, что через созерцание этой пустоты в нас поднимается ощущение, которое теперь сопровождает нас на протяжении всей нашей жизни между смертью и новым рождением, которое составляет большую часть того, что мы вообще называем этой потусторонней жизнью. Это является таким ощущением: в мире есть нечто, что должно снова и снова заполняться тобой. - И затем испытывают следующее

ощущение: человек находится здесь, в мире, для чего-то, для чего только он сам может быть там. Человек ощущает своё место в этом мире. Человек чувствует, что он является строительным камнем в мире, без которого мир не мог бы существовать. Таким является созерцание этой пустоты. Нахождение внутри в качестве чего-то, что принадлежит миру, овладевает человеком благодаря тому, что он смотрит в пустоту.

Собственно говоря, всё это связано с тем, что затем возникает из нашего физического тела. Теперь в определённой степени из более элементарных представлений мы сможем только схематично представить то, что действительно необходимо образам для обретения реальности в духовном мире. Но нам нужно сначала получить эти образы, чтобы постепенно подниматься к представлениям, которые в большей степени проникают в реальность духовного мира.

Мы знаем, что в течение нескольких дней у нас происходит некоего рода обратное воспоминание. Но это обратное воспоминание всё же только в переносном смысле - хотя и правомерно, но в переносном смысле – называется обратным воспоминанием, потому что в течение нескольких дней мы видим нечто вроде картины, вроде панорамы, сотканной из всего, что мы пережили в только что прошедшей жизни. Но у нас это происходит не таким образом как обычное воспоминание внутри физического тела. Воспоминания физического тела таковы, что мы временно извлекаем их из памяти. Такая память является силой, связанной с физическим телом, некой мыслью, когда таким образом воспоминания временно воскрешают. Это обратное воспоминание после смерти, происходит так, что словно в панораме вокруг нас в имагинациях находится одновременно всё, что происходило в жизни. Мы живём в течение нескольких дней внутри наших, проще говоря, переживаний. В мощных образах здесь предстаёт одновременно событие, которое мы только что пережили в последнее время перед нашей смертью, и в то же время здесь находится то, что мы пережили в детстве. Панорама жизни, картина жизни показывает нам в ткани, сотканной из эфира, то, что в противном случае следовало бы одно за другим. Всё, что мы видим здесь, живёт в эфире.

Прежде всего, мы ощущаем то, что находится здесь вокруг нас, как живое. Оно живёт и ткёт внутри всего. Затем мы ощущаем его в качестве духовно звучащего, духовно сияющего, а также духовно согревающего. Как мы знаем, эта картина жизни исчезает спустя несколько дней. Но из-за чего она всё же заканчивается, и чем является эта картина жизни?

Конечно, если исследуют эту картину жизни на предмет того, чем же она является на самом деле, то необходимо сказать: в неё вплетено всё то, что мы пережили в жизни. Но как пережили? – Когда мы при этом думали! То есть, всё, что мы переживали, думая и представляя себе нечто, находится внутри. Например, чтобы вникнуть в нечто конкретное, предположим мы жили вместе с другим человеком в жизни, мы говорили с другим человеком. Когда мы с ним беседовали, его мысли

передались нашим мыслям. Мы получили от него любовь, мы позволили всей его душе воздействовать на нас и переживали всё это внутри. Мы, конечно, сопереживаем, когда мы живём с другим человеком. Он живёт, и мы живём, и мы переживаем нечто в нём. В эту эфирную картину жизни оказывается теперь вплетённым то, что мы переживаем в нём. Это подобно воспоминанию о нём. Представьте себе момент, когда Вы пережили нечто с кем-то десять или двадцать лет назад. Представьте, что Вы вспоминаете об этом, и Вы вспоминаете не так, как обычно вспоминают в жизни, что всё серое расплывается в сером, но Вы вспоминаете об этом так, что воспоминание в Вас было бы таким же ярким, как и само переживание, что друг предстаёт перед Вами таким, каким он был тогда во время переживания. Здесь, в жизни мы часто находимся в довольно-таки сновидческом состоянии. Мощно переживаемое на физическом плане притупляется и подавляется. Когда мы прошли через врата смерти и видим его на картине жизни, то там оно не столь ослаблено, там оно присутствует со всей той свежестью и мощностью, с которой существовало при жизни. Так оно вплетается в эту картину жизни, так мы сами затем переживаем её в течение нескольких дней.

Подобно тому как в отношении физического мира мы переживаем то, что наше физическое тело отпадает от нас, так затем через несколько дней мы переживаем, что, хотя от нас также отделилось наше эфирное тело, но это наше эфирное тело на самом деле отделилось не так, как наше физическое тело, но его вплели во всю Вселенную, в весь мир. Оно находится там, внутри, оно произвело свои впечатления в те дни, когда мы переживаем картину жизни там, внутри. И то, что мы видели в виде картины жизни, перешло во внешний мир, оно живёт вокруг нас и поглощено миром.

В эти дни мы, в свою очередь, получаем важный, впечатляющий опыт. Так как то, что мы переживаем после смерти, является не только переживаниями, похожими на воспоминания о земной жизни, но оно определённо является элементами новых переживаний. Естественно, само по себе является новым переживанием то, как мы приходим к нашему «Я», оглядываясь назад на момент смерти, потому что здесь мы не можем пережить нечто подобное с помощью земных чувств. Это открывается только познанию посвящённого. Но также то, что мы переживаем в течение нескольких дней, когда мы видим вокруг себя эту картину жизни, это отделяющееся от нас и вплетающееся во Вселенную эфирное ткань, а также то, что мы здесь переживаем, является чем-то потрясающе возвышенным, чем-то очень мощным для человеческой души.

Здесь, в физической жизни, мы, естественно, противостоим миру, этому минеральному, этому растительному, этому животному, этому человеческому царству. В нём мы переживаем то, что могут пережить наши органы чувств, что может получить в чувственных переживаниях наш ум, связанный с мозгом, что может испытать наша душа, связанная с нашей системой кровеносных сосудов, всё это мы

переживаем здесь. И на самом деле здесь, между рождением и смертью, глядя с более высокой точки зрения, мы, люди, являемся необычайно большими - простите за это выражение - необыкновенно большими «простаками», огромными простофилями, мы ужасно глупы перед мудростью великого мира, если считаем, что всё заканчивается тем, что мы здесь нечто переживаем описанным образом, и затем то, что мы здесь переживаем, несём в наших воспоминаниях, и овладели этим в качестве человека. Мы так считаем. Но тогда, когда мы переживаем, когда мы, переживая, формируем себе наши представления, наши душевные ощущения, в этом процессе переживания, в этом ходе событий работает весь мир иерархий. Он живёт и ткёт в нём. Когда Вы встречаетесь с человеком и смотрите ему в глаза, в Вашем взгляде и в том, что его взгляд посылает Вам навстречу, внутри живут духи иерархий, живут иерархии, живёт действие иерархий. Также то, что мы переживаем, показывает нам только внешнюю сторону, но в этом переживании внутри работают боги. И пока мы верим, что живём только для себя, боги на основе нашего опыта подготавливают нечто, благодаря чему они получают нечто, что могут теперь воплести в мир. Мы постигали мысли, у нас были душевные переживания - боги берут их и делятся ими со своим миром. И после того, как мы умерли, мы знаем, что жили для того, чтобы боги могли сплести эту ткань, которая теперь в нашем эфирном теле исходит от нас и передаётся всей Вселенной. Боги дали нам жизнь, чтобы они могли сплести для себя нечто, благодаря чему смогут частично обогатить свой мир. Это потрясающая мысль! Когда мы делаем только один шаг в мире, то этот шаг является внешним выражением божественного действия и частью ткани, которую боги используют в своём мировом плане, которую они оставляют нам лишь до тех пор, пока мы не пройдем через врата смерти, чтобы затем забрать её у нас и присоединить к Вселенной. Эти наши человеческие судьбы в то же самое время являются действиями богов, и то, чем они являются для нас, людей, - только внешняя сторона. Это значимый, важный, существенный факт.

Кому на самом деле сейчас, после того как мы умерли, принадлежит то, что мы внутренне приобрели в жизни потому, что мы можем думать, что у нас есть душевные чувства, кому принадлежит это? - После нашей смерти это принадлежит миру! Но подобно тому, как мы оглядываемся на свою смерть, так же мы оглядываемся с тем, что остаётся нам, с нашим астральным телом и с нашим «Я», на то, что там вплелось во Вселенную, в мир. В течение нашей жизни мы носим то, что вплетено там во Вселенную, в качестве эфирного тела. Теперь оно спрядено и вплетено в мир. Мы взираем на него, рассматриваем его. Как здесь мы переживаем его внутренне, так после смерти мы взираем на него, то есть оно находится снаружи в мире. Как здесь мы смотрим на звёзды, на горы и реки, так после смерти мы смотрим наряду с тем, что с молниеносной быстротой, сказал бы я, выходит из нашего физического тела, также на то, что вплелось в мир из наших собственных переживаний. И теперь то, что здесь присоединилось ко всему мирозданию из наших собственных переживаний, оно

отражается в том, чем мы ещё обладаем, в астральном теле и «Я», точно так же, как здесь внешний мир отражается посредством нашего физического человека в наших физических органах. И когда оно отражается в нас, мы получаем нечто, чем мы не можем обладать здесь во время этого периода Земли, чем мы будем обладать во внешнем, более физическом проявлении позже, во время периода Юпитера, но что мы получаем в духовном виде благодаря тому, что теперь наше эфирное существо находится вовне и оказывает на нас впечатление. Взамен того, что раньше мы воспринимали его в качестве нашего внутреннего, теперь оно оказывает на нас впечатление. Конечно, впечатление, которое производится на нас, изначально является духовным, оно образное, но как образное оно уже является образцом того, чем мы будем обладать только на Юпитере: Самодуха. Итак, благодаря тому, что наше эфирное тело вплетено во Вселенную, для нас рождается Самодух - но духовным образом, а не таким, каким мы позже будем обладать им на Юпитере -, так что теперь, после того как мы сложили наше эфирное тело, у нас есть: астральное тело, «Я» и Самодух. Следовательно, нам от нашего земного существования остаётся наше астральное тело и наше «Я».

Как Вы знаете, наше астральное тело ещё долгое время после смерти остаётся с нами таким же, каким оно было первоначально подвластно нам в качестве земного астрального тела. Оно остаётся с нами потому, что это астральное тело пронизано всем тем, что является лишь человечески-земным и, что оно не может сразу вывести из себя. Тогда мы переживаем то время, когда мы лишь постепенно можем отбросить то, что сделала земная жизнь с нашим астральным телом. На самом деле, по сути, мы переживаем наши события в жизни здесь, на Земле, даже в той мере, в какой они касаются нашего астрального тела, всегда самое большее только наполовину. На самом деле мы в действительности переживаем только половину того, что так или иначе происходит благодаря нам. Возьмём пример: представьте, что Вы говорите какому-то человеку - то же самое происходит как с хорошими мыслями и хорошими действиями, так и с плохими действиями и плохими мыслями, но возьмём в данном случае пример злого поступка - Вы говорите кому-то плохие слова, благодаря которым он чувствует себя обиженным. От этих плохих слов мы несём в себе только то, что касается нас, мы чувствуем в себе, почему мы использовали эти плохие слова; это является впечатлением нашей души, когда мы используем эти плохие слова. Но у другого человека, которому мы говорим эти плохие слова, у него складывается совсем другое впечатление, он, так сказать, получает другую половину впечатления, он чувствует себя обиженным. В нём действительно живёт эта другая половина впечатления. Пережитое нами здесь, во время физической жизни, - это одно; а то, что пережил другой человек, - это другое. Теперь представьте себе, что после смерти мы должны всё то, что было пережито благодаря нам, но вне нас снова пережить, пройдя теперь нашу жизнь в обратном направлении. Мы переживаем в обратном порядке

последствия наших мыслей и наших поступков. То есть между смертью и новым рождением мы переживаем свою жизнь в обратном порядке. Во время оставления эфирного тела присутствует картина жизни, на которой мы видим всю жизнь единовременно. Эта обратная жизнь, она является реальным переживанием того, что мы причинили, идущим в обратном направлении. И, следовательно, когда мы вернулись к своему рождению, то мы созрели для того, чтобы так же из нашего астрального тела отбросить то, что пропитано в нём земным. Затем оно покидает нас, и с этим сложением астрального тела для нас наступает новое состояние. Астральное тело всегда удерживает нас, я хотел бы сказать, в наших переживаниях вместе с Землёй. Благодаря тому, что мы должны пройти через наше астральное тело таким образом, не грезя, а, возвращаясь к земным переживаниям, мы всё ещё находимся внутри земной жизни; мы всё ещё пребываем внутри. Только теперь, когда мы сложили астральное тело – образно говоря, но по-другому сказать невозможно, поскольку в языке не существует слова для этого -, мы стали совершенно свободными от земного, теперь мы по-настоящему живём внутри духовного мира.

И тогда наступает новое переживание. Это сложение астрального тела, в свою очередь, на самом деле является только одной стороной переживания; другая сторона - это нечто совершенно иное. Когда мы сложили это астральное тело после такого прохождения через земные переживания, тогда мы чувствуем себя словно внутренне пропитанными, пронизанными, теперь нельзя сказать: материей, но духом, только тогда чувствуют себя в действительности в духовном мире, тогда духовный мир открывается у человека внутри. До этого он открывался снаружи, когда мы видели Вселенную и собственное эфирное тело, вплетённое во Вселенную. Теперь он открывается внутри человека, теперь его переживают внутри. И словно пробраз того, чем человек будет обладать в физическом выражении только на Венере, в пробразе Жизнедуха, внутри нас раскрывается наше «Я», так что теперь мы состоим из Самодуха, Жизнедуха и «Я». Подобно тому, как здесь мы чувствуем себя немного сновидчески от рождения до того момента, когда в детстве мы в действительности приходим к сознанию, начиная с которого мы позднее вспоминаем себя, так же мы проживаем бытие, которое, хотя и полностью самоосознанное, но более сознательное и более высокое, чем земная жизнь. Но мы переживаем чисто духовную жизнь только после того, как отделились от нашего астрального и сохранили от астрального только то, что наполняет нас внутренне, так что с этого времени мы являемся духом среди духов.

Но теперь происходит ещё один важный, существенный опыт. Когда мы живём здесь, в физическом мире, мы работаем, совершаем то или иное, испытываем при этом переживания - об этом мы только что говорили. Но в физическом мире мы испытываем не только переживания, но в переживаниях, одновременно с переживаниями, мы ощущаем ещё нечто иное. И я хочу, естественно, даже если для

этих одновременных переживаний нужны также только общие слова, всё же я хочу использовать эти слова: можно сказать, что тогда, когда мы испытываем переживания, мы устаём и истощаемся. Так ведь всегда бывает, мы утомляемся. И если даже благодаря сну для следующего бодрствования компенсируется усталость — скорее правильно сказать даже не сном, а покоем во время сна -, то это всё же всего лишь неравнозначная компенсация; так как мы, конечно, знаем, что в жизни мы истощаемся, что мы стареем, что наши силы постепенно иссякают. Мы устаём также во всеобъемлющем смысле. И когда становятся старше, то узнают, что нельзя компенсировать всё благодаря сну. Итак, мы истощаемся здесь, устаём. Да, теперь мы можем уже задать вопрос по-другому. После того, что мы высказали, мы можем поставить вопрос: «Почему же боги позволяют нам уставать, почему же мы устаём?» - То, что мы здесь устаём, что мы истощаемся, даёт нам как раз нечто, что на самом деле много значит для нашей общей жизни, очень и очень много. Только мы должны охватить понятие усталости в более широком смысле, чем обычно полагают. Мы должны очень правильно представить перед нашей душой это понятие усталости.

Вам легче всего будет получить понятие этой усталости, если Вы представите себе дело таким образом. Если бы я спросил у одного из Вас сейчас: «Знаешь ли ты что-нибудь о внутреннем содержании своей головы?» - то, наверное, только тот, кто страдает от головной боли, ответит мне, что сейчас, в этот момент, он нечто знает о внутреннем содержании своей головы. Только он чувствует внутреннее содержание своей головы; другой живёт, не чувствуя этого. Мы чувствуем наши органы только тогда, когда они не совсем в порядке; тогда в чувстве мы знаем нечто о наших органах. Мы устроены в жизни так, что на самом деле узнаём о своём физическом теле только в том случае, если оно не совсем в порядке. На самом деле мы испытываем только общее ощущение нашего физического тела. Оно усиливается, если что-то не в порядке. Но мы всё же очень мало знаем о внутреннем, если испытываем просто ощущение. Человек, у которого в жизни когда-либо была сильная головная боль, знает о внутренней части своей головы — внутренним образом; не так, как анатом, который знает только сосуды. Но по мере того, как мы в жизни всё больше и больше устаём, в теле всё сильнее и сильнее выступает это ощущение нашего внутреннего, пространственно-внутреннего.

Подумайте только: чем больше мы утомляемся в жизни, тем больше у нас возникает болезней в жизни, например, старческих болезней. Наша жизнь состоит в том, что мы постепенно учимся чувствовать, ощущать наше физическое. Когда оно у нас, я хотел бы сказать, отвердевает, то углубляясь в нас, мы учимся чувствовать его. Для нас это является, я хотел бы сказать, - потому что это происходит так постепенно - незначительным ощущением. Естественно, человек смог бы увидеть, насколько оно сильно, если бы он - простите за тривиальное выражение, но оно покажет Вам то, что я имею в виду - если, например, он смог бы почувствовать себя в один момент

совершенно здоровым, как пышущий здоровьем ребёнок, а затем сразу после этого для сравнения таким, каким чувствует себя человек в возрасте восьмидесяти или восьмидесяти пяти лет, когда конечности стали ломкими. Тогда он почувствовал бы это уже намного сильнее. Это происходит так медленно только потому, что не замечают, как здесь чувствуя, человек вплетается в переживание физического, в усталость. Эта усталость является реальным процессом, которого хотя изначально вообще здесь нет, потому что ребёнок наполнен жизнью, но затем жизненная сила непрерывно заглушается усталостью, затем эта усталость одолевает. Мы можем уставать; в то время когда мы таким образом устаём — даже если это, скажем, только слабое ощущение нашего внутреннего, - в нас действительно возникает нечто внутреннее. Наша жизнь здесь, в физическом мире, представляет нам только внешнюю сторону глубоких, значимых, возвышенных тайн. Внешней стороной чего-то, что соткано в нас, чудесно соткано из чистой мудрости, цельной ткани чистой мудрости, является то, что в жизни мы так слабо ощущаем себя сопровождаемыми усталостью и тем самым ощущаем внутреннюю часть нашего тела. Когда мы так устаём в проходящей жизни, то нас учат чувствовать себя внутренне, в нас вплетают тонкое знание о чудесном строении наших органов, наших внутренних органов. Мы учимся уставать в сердце; но эта усталость означает, что в нас вплетают знание того, как сердце сформировано исходя из Вселенной. Мы устаём в желудке, мы чаще всего утомляем его потому, что губим его едой; но, несмотря на это, во время утомления желудка в нас вплетают всю мудрость, образ мудрости из Космоса о том, как сформирован желудок. В образе возникает то, насколько возвышенным является наш внутренний организм, насколько чудесно он сформирован, это великое произведение искусства. И это оживает только сейчас, когда мы слагаем внешнюю часть астрального тела, привязанную к Земле. И это то, что наполняет нас как Жизнедух, то, что теперь живёт в нас. Мудрость о нас самих, о нашем чудесном внутреннем строении теперь живёт в нас.

И теперь начинается то время, когда мы в определённой степени сравниваем то, что здесь из мудрости в нашем внутреннем сейчас наполняет нас Жизнедухом, с тем, что ранее было вплетено во Вселенную как эфирное плетение. Теперь мы работаем над этим сравнением, каким образом одно может соответствовать другому, и в образе формируем себе нашего человека таким, каким он должен стать в следующем воплощении. Таким образом, мы постепенно начинаем находить описанное, когда живём навстречу мировой полночи, как это указано в одной из драм-мистерий, в «Пробуждении душ». Таким образом, в особенности после мировой полночи мы совершаем работу, которая здесь заключается, когда мы принимаем участие в созидании мира, во внесении того, что мы здесь получаем. Во время жизни между смертью и рождением, мы работаем там, мы совместно ткём там, мы ткём по образам богов. Мы должны участвовать в том, что является целью богов, когда боги

направляют человека в мир. Мы должны подготовить себе следующее воплощение. Естественно, при этом, происходят не только процессы, эгоистически связанные с нами, но кроме этого и все возможные процессы. И в особенности это может простекать из следующего.

Этот удивительный процесс гораздо возвышеннее того, что происходит здесь, на Земле, когда чередуются зима и лето, солнце восходит и солнце заходит, всё то, что совершается как земная работа: там происходит то, что действительно в конечном итоге приводит к нашему земному воплощению, что приводит к человеческому бытию; но это огромная небесная работа, имеющая не только внешнее значение, но и значение для всего мира. Когда человеку постепенно удаётся пережить этот удивительный процесс в духовном созерцании, тогда ему всё же нечто выступает навстречу. Вам, конечно, покажется удивительным, когда я скажу это, но высшие тайны должны всегда изначально казаться удивительными для физически-чувственного созерцания человека, и то, что предстаёт здесь перед нашей душой, должно потрясти нас, и чем сильнее, тем лучше. Потому что эти вещи, какими они являются, вовсе не должны подходить к нашей душе так, чтобы мы воспринимали их трезво, сухо познавательно и при этом оставались равнодушными. Именно благодаря этим вещам мы должны получить душевное впечатление о возвышенности и величии божественно-духовного мира. Можно было бы сказать: если бы кто-то только решился на то, чтобы преподносить духовную науку настолько сухо, чтобы она не сразу охватывала всего человека, и он не получал сразу впечатления о возвышенности и величии того, что, как божественно-духовное, пульсирует и ткёт в мире, тогда мы все, согласно тому, что я только что описал, несмотря на всё, что мы можем, согласно нынешним обстоятельствам мира родились бы лишёнными головы. Потому что мы бы не смогли создать форму головы. Человеческая голова в своей форме является настолько возвышенным отображением Вселенной, что сам человек не мог сформировать её с помощью того, что вплетено в него как мудрость жизни, что он не смог бы подготовить её для следующего воплощения; там действительно должны принимать участие все иерархии богов. Находящееся в Вашей голове, в этой только от затылочной части слегка вогнутой сфере, несколько видоизмененной сфере, само по себе ещё является настоящим микрокосмосом, настоящим отражением великой мировой сферы. Внутри неё совместно живёт всё то, что живёт вовне во Вселенной, здесь действует сообща всё, что может действовать в различных иерархиях. Когда мы начинаем формировать из нашей накопленной в усталости мудрости наше следующее воплощение, тогда за эту деятельность берутся все иерархии, для того чтобы то, что затем станет нашей головой, присоединилось к нам в качестве отражения всей мудрости богов.

Пока всё это происходит, на Земле на протяжении поколений подготавливается то, что является нашей физической линией наследования. Подобно тому, как после

нашей смерти мы передаём Земле только то, что приходит от Земли, так же мы получаем от родителей и предков только то, что является в нас земным. И то, что является в нас земным, оно действительно является только внешней стороной, только внешним проявлением в этом земном. Здесь сплетается всё то, что сперва мы сами описанным образом можем соткать, и то, что ткут целые иерархии богов, прежде чем через зачатие мы получим связь с тем, во что мы облачаемся, заключаясь в оболочку, когда вступаем на физический план. Я уже говорил, что чем больше мы сможем воспринять в своё чувство этих возвышенных знаний, тем лучше для нас. Обдумайте всё же ещё раз: мы используем нашу голову, но, потому что мы являемся людьми, живущими в материальном, как правило, у нас нет и следов знаний о том, что целые иерархии богов трудятся, чтобы сформировать нашу голову, чтобы сформировать то, что духовно лежит в основе нашей головы, чтобы мы вообще могли существовать. Если мы постигнем вышесказанное в смысле духовной науки, то нас самих пронизают ощущения и чувства благодарности по отношению ко всей Вселенной.

Поэтому то, что мы приобретаем благодаря духовной науке, должно также способствовать постоянно возрастающему возвышению нашей жизни чувств. Мы должны всё больше и больше нашими чувствами следовать за нашим познанием в области духовной науки. И если мы в нашем чувстве отстаём, то это плохо. Когда мы вновь и вновь знакомимся с новым, более высоким уровнем духовной науки, то мы должны, я хотел бы сказать, суметь развивать всё более благоговейные чувства к тайнам мира, которые, в конце концов, вновь и вновь ведут к тайнам человека. В этом облагораживающем духовном тепле наших ощущений и нашего чувства на самом деле заключается правильное продвижение вперёд в духовной науке.

Я должен упомянуть ещё одну вещь, потому что она составляет некое дополнение ко всему нашему рассмотрению. Здесь мы вживаемся в физический мир, сперва узнавая только мать, когда детьми обладаем ещё смутным сознанием, и лишь постепенно знакомимся с людьми. Вживаясь в физический мир, мы верим, что постоянно узнаём новых и новых людей. Так обстоит дело и для нашего физического сознания. Когда мы проходим через врата смерти, то мы имеем настоящее, реальное отношение ко всем тем душам, которые были нам близки в жизни. Они снова предстают перед нашим духовным взором. Мы можем сказать о тех душах, которые были близки нам в жизни и которые прошли через врата смерти раньше нас, что мы «находим» их. Это слово создано для физических отношений, но это переживаемое приближение души к душам можно назвать нахождением. Только человеку надо представить себе это нахождение душ, прошедших раньше нас через врата смерти, таким образом, что он приближается к душам в определённой степени противоположным способом, чем здесь, на физическом плане, человек приближается к людям. Здесь человек приближается к людям, сначала встречая их внешне-физически. Затем постепенно он узнаёт их внутреннее содержание, их внутреннее

содержание обнаруживается, конечно, только из нашего сближения с ними. Таким образом, то, что внутренне переживают в человеке, проявляется только из нашего собственного внутреннего. После того, как сами прошли через врата смерти и встретили души, прошедшие через врата смерти раньше нас, прежде всего изначально знают: это — конкретная душа. Её чувствуют, знают, что она находится здесь. — Но сейчас необходимо отдать всё свое внутреннее тому, что здесь проявляется как первое впечатление, как абстрактное впечатление. Здесь нужно позволить другому человеку действовать на себя; там необходимо отдать своё внутреннее, и теперь нужно построить себе образ, имагинацию. Эту имагинацию, то, что можно увидеть, необходимо создавать постепенно. Например, Вы получаете представление о том, каким является опыт души после смерти, когда Вы представляете себе: Вы не видите этого, Вы просто берёте его и формируете образ, постепенно постигая его. Вы создаёте себе образ. Таким образом, Вы должны деятельно, внутренне деятельно формировать образ души, с которой Вы встречаетесь. Некоторым образом Вы знаете: сейчас я встречаюсь с некой душой. — Так как у неё ещё нет духовного облика! Что это за душа? Это та душа, к которой я — это теперь всплывает в Вашей собственной душе — испытывал чувство сына к матери. Теперь Вы начинаете чувствовать: я могу пережить себя совместно с этой душой. — Теперь Вы формируете себе духовный облик. Так как Вы должны быть деятельным в нём, и тогда это станет образом. И благодаря тому, что Вы должны так вместе формировать духовный облик, Вы уже находитесь вместе с умершим, ещё до того, как Вы создали духовный облик. Таким образом, Вы находитесь со всеми, с кем Вы были вместе в жизни, то есть Вы переживаете их в мире, в котором Вы должны найти их, пробудив себя к созерцанию так, чтобы их увидеть. Там надо быть активным.

Души, которые всё ещё находятся здесь в физическом теле, которые, следовательно, остаются жить, когда мы умираем, они уже встречались нам в качестве образа здесь, на Земле. Мы смотрим на них сверху вниз, и нам не нужно сначала создавать образ, они смотрят на нас как на образ. Конечно, в этот образ эти души могут вплетать то, что тогда проявляется как согревающая духовная пища для умершего, благодаря их мыслям о нём, благодаря их продолжающейся любви к нему, воспоминанию о нём или — как мы теперь знаем как духовные исследователи — благодаря чтению для умерших.

Всё это сперва расширяет взгляд человека внутрь на реальный мир, на по-настоящему реальный мир. Если Вы позволите этому выступить перед душой, то тогда поймёте, насколько мало человек действительно знает о духовном мире. На самом деле так было не всегда. Только очень материалистически настроенные люди настоящего времени говорят о том, что мы сегодня «так чудесно продвинулись». Конечно, мы знаем, что раньше люди обладали ясновидением, и что они утратили это изначально атактическое ясновидение только ради приобретения некоторых

качеств, которые связаны со всей жизнью в материальном мире. Если к нам придёт такой истинно материалистический человек, всецело материалистический учёный, то он, разумеется, скажет: «Это фантазия говорить о первоначальном ясновидении, о том, что люди раньше знали нечто особенное». - Если бы люди хоть немного внимательнее смотрели на мир физическими глазами, они бы уже нашли этому опровержение. Вовсе не так давно происходило так, что люди знали больше, чем в настоящее время.

Вы знаете, так как мы много раз говорили об этом - я хотел бы также ещё здесь упомянуть об этом в заключение, - что в этом духовном существовании, в котором мы живём, участвуют Люцифер и Ариман. Мы также знаем, что в Библии Люцифера символически изображают в качестве змеи, змеи на дереве. Такой физической змеи, какой её переживают сегодня, и какой её также всегда будет изображать современный художник, рисующий рай, но физическая змея - это не настоящий Люцифер, а внешнее отражение, физическое отражение. Настоящий Люцифер - это существо, оставшее во время эволюции Луны. Его нельзя увидеть на Земле среди физических вещей. Следовательно, если бы художник хотел нарисовать Люцифера таким, каков есть Люцифер, он должен был бы нарисовать его так, чтобы его на самом деле можно было бы охватить некоего рода ясновидящим внутренним зрением как эфирный образ. И тогда он здесь проявился бы таким, каким он сам действует в нас, каким он действует в нашей голове, и насколько мало он имеет отношение к нашему организму, поскольку тот берёт начало чисто из Земли, но от головы продолжается вниз через спинной мозг. Так что Люцифера нужно было бы нарисовать, если рисовать его в соответствии с его эфирной формой, с человеческой головой и со змееподобным продолжением, которое здесь у нас, людей, физически изживает себя через спинной мозг. Итак, художник, который знает нечто из духовной науки, должен был бы нарисовать Адама и Еву, дерево, а на дереве сверху змею, то есть только как изображение для нас змеи, и сверху человеческую голову. Если бы художник нарисовал нечто подобное, то сегодня можно было бы предположить, что он, естественно, может рисовать это исходя из духовной науки.

Возможно, нечто подобное существует также и в Лейпциге, но люди ведь ходят по миру не с открытыми, а с завязанными глазами. Но в Гамбурге в картинной галерее действительно можно найти картину мастера Бертрама, жившего в середине Средневековья, изображающую сцену в раю. Здесь змея на дереве изображена верно такой, какой я её сейчас описал. Вы можете там увидеть эту картину. Другие художники рисовали также. Что из этого следует? - Что люди даже в середине Средневековья ещё знали об этом, знали до такой степени, что изображали это. То есть люди были полностью вытеснены на физический план совсем не так давно. И то, что нам сегодня рассказывает материалистический мир о ходе духовной истории человечества, это, по сути, является не более чем формальным мошенничеством,

потому что представляют себе, что человек всегда был таким, каким он стал только в последние несколько столетий, в то время как совсем недавно он взирал в духовный мир со своим древним ясновидением. Он был вынужден выйти вовне (на физический план) только потому, что он не был свободен, и чтобы достичь полной свободы и самосознания, он должен был выйти вовне, и он опять-таки должен обрести для себя духовный мир. Поэтому эта духовная наука готовит нечто важное, нечто существенное: это повторное вхождение в духовный мир. И снова и снова мы должны провести перед душой, насколько важно ощущать и чувствовать, что небольшая группа людей, которые живут сегодня посреди материалистического мира и которых карма ведёт к пониманию важнейшей человеческой задачи для будущего, что эта небольшая группа людей должна совершить благодаря своей душевной жизни важное и самое значимое. Не будучи высокомерными, нужно только со всем смирением и скромностью представить себе, насколько велика разница между душой, которая постепенно проникает в духовный мир, и всеми людьми, находящимися вовне, которые сегодня не имеют понятия, но даже не желают иметь понятия о духовном. Это должно стать для нас не просто мучительно болезненным ощущением, но это должно стать для нас ощущением, стимулирующим нас, всё дальше и дальше действовать, и добросовестно трудиться в потоке духовной науки, к которому нас привела наша карма, наша судьба.

Во время нашей последней встречи здесь я также ещё упоминал, что если человек проходит через врата смерти, прежде чем он полностью прожил свою жизнь, тогда то, что было дано ему как сила эфирного тела, ещё не полностью израсходовано. Если человек проходит через врата смерти в молодом возрасте, то его эфирное тело могло бы работать над физическим телом ещё на протяжении десятилетий. Эта сила не потеряна, но она находится там. Также я уже упоминал, как в настоящее время благодаря тому, что смерть ежедневно и ежечасно приходит к человечеству в таком большом количестве, то многие и многие эфирные тела, которые ещё долго могли бы работать на физическом плане над физическими телами, передаются духовно-эфирному миру и остаются витающими там. И те силы, которые в них ещё десятилетиями могли бы питать физическое тело, становятся духовными силами, которые участвуют в работе над духовным развитием человечества. Поэтому наступит время, когда те силы, которые находятся в этих эфирных телах, смогут быть использованы для духовного прогресса человечества, но только тогда, когда здесь, на Земле, после того, как сегодняшние ужасные события прекратятся на Земле, и снова наступит мир, души, которые тогда ещё будут ходить по этой Земле в человеческих телах, смогут понять нечто о том, что все те, кто ранее вошли в духовный мир, там наверху владеют своими эфирными телами и могут излучать свои силы. Эти души [здесь, на Земле] должны будут понять это. И эти души смогут принять участие в

работе над этим духовным прогрессом, который возможен как раз благодаря стольким жертвенным смертям ради будущего.

Представьте себе, что бы значило, если бы духовная наука сейчас исчезла, и никто не имел бы понятия обо всём том, что готовится благодаря их жертвенной смерти в духовном мире! Вся эта сумма сил досталась бы духовным существам, которые используют её для чего-то другого, чем то, для чего она должна использоваться по воле правомерно развивающихся богов.

Но это побуждает нас, также исходя из событий времени, находиться с нашим полным сознанием во всём, что является духовным миром. Потому что и эти события времени имеют духовную сторону. Но являемое ими внешне в крови и смерти и в жертвах, это является внешним выражением внутреннего духовного события, которое следует понять в правильном смысле.

В заключительных словах нашего нынешнего рассмотрения я хотел бы вновь напомнить:

Из мужества бойцов,

Из крови сражений,

Из страданий покинутых,

Из жертвенных деяний народа

Вырастет духовный плод –

Если души, сознавая дух,

Направят свои помыслы в царство духов.

Лекция четвёртая

Как можно преодолеть душевную нужду настоящего времени?

Цюрих, 10 октября 1916 г.

То, что мы ищем в качестве духовно-научных истин, должно быть для нас не мёртвым, а живым познанием, познанием, которое действительно может вступить в жизнь на всех этапах этой жизни и в наиболее важные моменты этой жизни. Совершенно естественно и очевидно, что духовная наука сегодня всё ещё часто воспринимается очень абстрактно, и что в этой абстрактности, в которой воспринимают духовную науку, посредством которой, возможно, даже приходят к некоему виду абстрактного знания, которое поначалу оказывается мало плодотворным для жизни, и которое, особенно на людей, ещё мало знающих о духовной науке, производит впечатление: что же, собственно, всё это значит, если теперь уже знают, что человек состоит из таких-то и таких-то нескольких членов, что человечество развивалось и будет развиваться через различные культурные эпохи и так далее. Людям, которые считают, что в соответствии с требованиями настоящего времени они должны полностью находиться в практической жизни, духовная наука часто кажется довольно бесплодной. И её также часто доводят до бесплодия те, у кого также уже сегодня в определённой степени есть для неё душа и сердце.

Тем не менее, сама духовная наука, как таковая, является чем-то бесконечно живым, чем-то, что может стать живым вплоть до самых внешних практических областей жизни, и также с течением времени должно стать живым. Мы хотим сегодня пояснить то, что я высказал как введение, на особом примере. Мы хотим вынести из нашей духовной науки то, что мы, по-видимому, все знаем, это хорошо нам известно, и на примере чего мы хотим показать, как только постепенно, благодаря полному жизни способу рассмотрения, оно действительно станет живым.

Большинство из нас часто слышали и часто позволяли проникнуть в душу тому, что нашему времени предшествовал так называемый четвёртый послеатлантический культурный период, в котором наиболее значительными народами были греки и римляне, и что последующие века вплоть до XIV, XV веков ещё находились под влиянием импульсов этого четвёртого послеатлантического культурного периода, но что, начиная с XV века, мы находимся в пятом послеатлантическом культурном периоде, в котором мы родились в нашем нынешнем воплощении, и ещё много веков люди будут жить в этом культурном периоде. Кроме того, мы знаем и часто, по крайней мере, большинство из нас, позволяли этому пройти через наши души, что в четвёртом послеатлантическом греко-римском культурном периоде в человечестве преимущественно развивали благодаря всему тому, что являлось внешней культурой и внешним трудом, так называемую душу рассудочную или характера, и что теперь стоит задача развития души сознательной.

Что это значит: должна быть развита душа сознательная? Правильность понимания того, что сейчас было высказано в абстрактной форме, заключается в судьбе всего нашего пятого послеатлантического культурного периода для

человечества. Различные народы этого пятого послееатлантического культурного периода должны взаимодействовать, чтобы выразить душу сознательную. Это действительно выражается во всех жизненных условиях и жизненных обстоятельствах. Если мы правильно смотрим на жизнь, то она везде подтверждает нам истину, что наше время представляет собой изживание души сознательной. Вся человеческая жизнь была иной в предшествующий греко-римский период. Потому что в определённой степени на той ступени, на которой человечество как раз стояло в послееатлантическое время, этому человечеству были дарованы сила рассудка и сила характера. Рассудок* – это нечто, что заключает в себе многое. Сегодня его больше не рассматривают во всех подробностях. Греки и римляне иначе зависели от своего рассудка в своей душе, чем люди сегодняшнего пятого культурного периода. Эти греки и римляне, в некотором смысле, получили рассудок, насколько они в нём нуждались, готовым в зачатке их природного развития. Это было совсем, совсем иначе. Человек вырос, и так же, как развивались природные задатки, так определённым образом вместе с ними рос и природный рассудок. Не нужно было развивать природный рассудок тем же способом, как это необходимо сегодня и будет становиться всё более и более необходимым в пятом послееатлантическом периоде; он развивался как природная способность. И получалось так, что человек в воплощении, если он просто развивался под влиянием природных условий, либо обладал рассудком, либо у него его не было. Тогда это было чем-то нездоровым. Но это было даже действительно чем-то ненормальным, это было необычно.

И точно так же происходило с характером. Характер развивался так, как это соответствовало этому четвёртому послееатлантическому периоду. Когда один человек встречал другого человека, то он умел себя - история мало рассказывает нам об этом, но это всё же было так, - он умел настраивать себя на другого человека. В этом, в частности, состоит большая разница между людьми, жившими в прежние столетия вплоть до XV века, и людьми нашего времени. Я хотел бы сказать, что люди этих прежних веков не проходили мимо друг друга настолько незаинтересованно, как это часто бывает сегодня. Сегодня, когда один человек встречается с другим, нам часто требуется много времени, чтобы по-настоящему познакомиться. Необходимо обоюдно узнать друг друга в том или ином, пока не начнут доверять друг другу, пока не приобретут доверие. То, что приобретается сегодня только после длительного общения, а зачастую бывает и не приобретается, в более ранние века, особенно во время греко-римского культурного периода, обреталось сразу, когда люди встречались друг с другом. Быстро развивалось то, что они могли объединиться благодаря своим индивидуальностям; не нужно было так долго обмениваться мыслями и чувствами. Знакомство завязывалось быстро, поскольку это знакомство было целительным для двух или нескольких человек, объединявшихся в сообщество, когда это было

---

* Под рассудком здесь имеется в виду способность мыслить логически. - прим пер.

необходимо. Характер одного человека ещё более духовно воздействовал на характер другого. Точно так же, как сегодня ещё могут правильно распознавать цвета растений благодаря своим чувствам - в седьмой послеатлантический культурный период больше не смогут делать это также легко без затруднений, но тогда понадобятся особые обстоятельства, чтобы даже узнавать природу -, то есть, так же как сегодня ещё узнают растения сразу, а не только благодаря более близкому контакту - благодаря которому узнают более сокровенное, чем то, что обычный человек узнаёт о растениях, узнаёт с первого впечатления - также происходило в большей степени и с людьми. Но такого способа было достаточно также только для более простых условий жизни того времени. Мы должны думать, что этот способ взаимосвязи характеров между людьми вполне соответствовал четвёртому послеатлантическому периоду. Потому что сегодня мир опутывает совсем другая сеть чувственных взаимосвязей, чем тогда. Представьте себе, что большая часть отношений людей в четвёртый послеатлантический период была основана на личной встрече, и то, что люди должны были решить между собой, решалось благодаря личной встрече. Искусство книгопечатания, которое уже по сей день сформировало безличное общение безличным способом, и которое будет формировать его всё больше и больше, принадлежит, прежде всего, к пятому послеатлантическому периоду. И современные условия общения подводят людей друг к другу таким образом, что, в сущности, отношения, которые формируются сразу, вообще не могут идти на пользу. Следовательно, во всех этих современных условиях общения люди выступают навстречу друг другу в мире намного более обезличено.

Также на основании этого организовано человечество, которое теперь не готово понять интенсивно действующий характер, не готово понять действующий пронизывающим образом рассудок, но, благодаря развитию души сознательной, получает уклад, я хотел бы сказать, в некоторой степени гораздо более обособленный, более индивидуализированный, более ориентированный на эгоизм, на человеческое одиночество в своей собственной жизни, чем было во время души рассудочной или характера. Благодаря душе сознательной человек в гораздо большей степени становится отдельным индивидуумом, одиночкой, шествующим по миру, чем он был благодаря душе рассудочной или характера. И это также уже стало самой важной характеристикой нашего времени, и люди будут всё больше и больше замыкаться в себе. Душа сознательная придаёт характер закрытия себя от остального человечества, более изолированной жизни. Таким образом, это создаёт большую трудность для знакомства с другим человеком и особенно для доверия; для этого сначала требуются условия для обстоятельного узнавания друг друга, чтобы начать доверять друг другу.

Что же должно быть достигнуто благодаря всему этому? Мы поймём это лучше всего, если рассмотрим определённую духовно-научную истину, которая нам гласит: то, каким образом мы, люди, вообще встречаемся сегодня в жизни, это не случайно,

действительно не случайно. Жизненные пути сводят нас с определёнными людьми, они не сводят нас вместе с другими. Но сегодня это целиком обусловлено влиянием кармы отдельных людей. Потому что мы вступили в период развития человечества, который в определённом отношении возвысил предыдущие кармические события, которые пережили люди. Только подумайте насколько меньше люди накопили кармы в первые времена земной эволюции! Каждый раз, когда мы воплощаемся, образуется новая карма. Вначале люди должны были вступить в отношения друг с другом, не будучи раньше вместе на Земле, где они должны были сперва завязывать новые отношения. Но постепенно благодаря тому, что мы часто воплощались в мире, мы вступили в такие обстоятельства, что на самом деле мы, как правило, не встречаемся ни с одним человеком, с которым мы не испытали то или иное в предыдущих воплощениях. Нас сводят с этими людьми благодаря тому, что мы испытали в предыдущих воплощениях. Кажется «случайным», что встречаются эти или те люди; на самом деле всё это основано на предыдущих воплощениях, в которых уже встречались, в которых зародились силы, для того, чтобы определённым образом теперь снова собраться вместе.

Теперь - это должно произойти для нашего времени - заключённая в себе душа сознательная может сформироваться только тогда, когда меньше учитывают то, что происходит сейчас в настоящем между одним и другим человеком, как если бы во внутреннем могло стать действенным уединённое, то, что восходит в нас как результат предыдущих воплощений. Ещё в греко-римскую эпоху происходило так, что два человека, встречаясь друг с другом, должны были производить друг на друга взаимное впечатление, и оно должно было действовать очень сильно. Теперь, когда мы встречаемся, чтобы изолированная душа сознательная могла развиваться в человеке, теперь дело должно обстоять больше таким образом: один человек встречает другого; тогда должно стать более действенным то, что всплывает у того или иного человека как результат более ранних воплощений. Я хотел бы сказать, что на первый взгляд для этого требуется больше времени, чем спонтанное узнавание; требуется, чтобы люди только постепенно, через чувства, инстинктивно позволяли подняться тому, что они пережили с другим человеком. Это как раз то, что нам требуется сегодня: чтобы мы узнали друг друга, чтобы сначала притёрлись друг к другу индивидуальности. Потому что в этом узнавании, притирании индивидуальностей, заложено то, что ещё бессознательно, инстинктивно поднимаются воспоминания, последствия предыдущих воплощений. И только тогда, когда человек вступает в отношение с другим человеком, больше исходя из своего внутреннего, может развиваться душа сознательная; в то время как душа рассудочная или характера в большей степени формируется благодаря интенсивному узнаванию себя при встрече с другим человеком.

Таким образом эти вещи полностью согласованы друг с другом. И то, что я Вам сейчас охарактеризовал, является для пятого послеатлантического периода только началом. Когда истечёт этот пятый послеатлантический период, людям будет всё труднее и труднее привести себя в правильное отношение друг к другу, потому что это правильное приведение в отношения действительно требует использования внутреннего развития, внутренней деятельности. Этот процесс уже начался; но то, что началось, будет распространяться всё дальше и дальше, становиться все интенсивнее и интенсивнее. Насколько уже сегодня объединённым кармой людям стало трудно непосредственно понимать друг друга, потому что они, возможно, в свою очередь, благодаря другим кармическим отношениям, не могут найти силы, чтобы инстинктивно поднять в себе все отношения, продолжающиеся из предыдущих воплощений! Люди, которых объединяют, любят друг друга; это проистекает из определённых действий предыдущих воплощений. Но другие силы противодействуют этому, когда поднимается такое воспоминание; они снова разлучаются. И не только люди, встретившиеся в жизни таким образом, должны проверить, действительно ли того, что в них поднимается, достаточно для установления длительных отношений, но всё труднее и труднее становится сыновьям и дочерям понимать отцов и матерей, всё труднее и труднее становится родителям понимать своих детей, всё труднее и труднее становится братьям и сёстрам понимать друг друга. Достичь взаимопонимания становится всё труднее и труднее, потому что всё больше и больше требуется, чтобы люди действительно сперва позволили тому, что находится в них кармически, подняться изнутри.

Вы видите, какая негативная перспектива открывается здесь на пятый послеатлантический период - трудности во взаимопонимании между людьми. Но требуется, чтобы мы ясно смотрели в глаза этому состоянию развития, чтобы мы не желали мечтательно жить в темноте; потому что это состояние развития совершенно необходимо. Если бы пятому послеатлантическому человечеству не было назначено то, что взаимное узнавание является трудным, тогда не смогла бы сформироваться душа сознательная, тогда люди должны были бы жить совместно больше исходя из природных предрасположенностей. Тогда не смогла бы сформироваться в индивидуальном порядке душа сознательная. Следовательно, так должно быть, люди должны пройти через это испытание. Но с другой стороны, следует ясно увидеть, что, конечно, если проявится только эта отрицательная сторона состояния развития пятого послеатлантического периода, то в человечестве должны были бы возникнуть войны и раздоры даже касательно мельчайших отношений. Поэтому мы видим, что в этом пятом послеатлантическом периоде инстинктивно возникает определённая сумма потребностей, которая, однако, должна формироваться всё более и более осознанно. И сформировать её всё более и более осознанно является одной из задач духовной науки для пятого послеатлантического человечества.

Мне нужно сказать всего несколько слов, и тогда каждому из нас сразу откроется, как найти лекарство в отношении того единственного направления, которое обязательно должно возникнуть в отношении трудности взаимопонимания. Мне просто необходимо сказать такие слова: в этом пятом послееатлантическом периоде необходимо и, естественно, сознательно, потому что мы живём в эпоху души сознательной, всё более и более пробуждать чувство для социального понимания. Эти несколько слов обобщают потребности, которых совершенно не существовало в той же степени в четвёртом послееатлантическом периоде. Кто способен правильно изучить структуру древнегреческой культуры, структуру римской культуры, тот знает, что индивидуализм в рамках этих греческой и римской культур не был в человечестве таким, каким он представлен сейчас в европейском или в целом также в зависимом от Европы американском человечестве. В особенности, Вы поймёте это, если сравните человека - для сравнения можно сразу взять радикальный случай - с породой животных. Почему порода животных живёт совместно в определённых границах? Всё-таки по той причине, что она предрасположена к этому благодаря своей групповой душе, благодаря своей душе рода. Для животных это врождённое свойство, оно является само собой разумеющимся; но они также не могут вырасти из неё, они остаются в ней. Человеку следует вырасти. Каждый человек должен развиваться индивидуально, и особенно в наше время души сознательной одной из главных вещей является это индивидуальное самосовершенствование. На греческой и римской культурах ещё целиком лежит налёт родовой душевности. Мы также ещё видим человека, помещённого в социальный порядок, который, даже если и нёс свою структуру и формирование больше благодаря моральным силам, но всё же имел фиксированное формирование. Но в пятый послееатлантический период эти формирования будут всё больше и больше растворяться. Этот налёт групповой душевности, который ещё лежал на четвёртом послееатлантическом периоде, больше не имеет смысла для этого пятого послееатлантического периода. Но должно возникнуть сознательное социальное понимание этого, то есть должно появиться всё то, что исходит из более глубокого понимания верной индивидуальной человеческой сущности. Только духовная наука разовьёт это правильное понимание. И когда духовная наука всё больше и больше будет развиваться от абстрактного к конкретному, к полному жизни, в занимающихся духовной наукой кругах займёт совершенно особого рода место, я бы хотел сказать, учение о человеке, пробуждение человеческого интереса. Тогда появятся те, у кого есть определённые задатки для обучения своих братьев тому, что люди обладают разными темпераментами, что люди обладают разными чертами характера, что одного человека с таким темпераментом нужно воспринимать так, что другого человека с этим темпераментом и с такими чертами характера нужно снова воспринимать по-другому; тогда особо одарённые в этой области люди будут учить других, которые должны нечто узнать,:

«Присмотритесь внимательнее: существуют люди этого типа, есть люди другого типа, и нужно воспринимать одного человека таким образом, а другого - иначе». - Будут заниматься практической психологией, практическим учением о душе, но и практическим учением о жизни, и благодаря этому возникнет реальное социальное понимание развития человечества.

Что же выступало вплоть до настоящего времени, как социальное понимание? До сих пор появлялись абстрактные идеалы, самые разнообразные абстрактные идеалы о человеческом и национальном счастье, том или ином социализме. Если бы действительно захотели внедрить в мир эти здесь или там появляющиеся социальные идеи, тогда увидели бы только то, насколько невозможно это сделать. Изначально то, о чём идёт речь, естественно, является вовсе не созданием обществ или сект с определёнными программами, а распространением учения о человеке, практического познания человеческой природы, особенно также таких знаний о человеческой природе, которые позволяют нам правильно понять становящегося растущего человека, правильно понять ребёнка, понять каким образом каждый ребёнок развивается со своей индивидуальностью. Благодаря этому мы учимся находиться в жизни таким образом, чтобы осуществлять правильные действия кармы, находящиеся в нас, когда мы встречаемся благодаря карме с человеком, с которым нам следует вступить в те или иные отношения, чтобы мы развивали правильные, долгосрочные отношения, те отношения, которые действительно могут стать наиболее плодотворными для жизни. Практическое учение о человеке, практически действенный интерес к человечеству, вот что имеет значение. Сегодня в этой области человечество продвинулось ещё не особенно далеко, ещё очень мало преуспело. Как же мы рассуждаем сегодня, когда встречаемся с человеком? Он нам симпатичен или антипатичен. Пройдите по миру и посмотрите, как в большинстве случаев это единственное суждение или, если возникает несколько суждений, насколько в них всё же полностью преобладает эта единственная точка зрения: он мне симпатичен, он мне антипатичен, или: это мне в нём симпатично, а это мне в нём антипатично. Предвзятые мнения! Представляют себе: таким или таким человек должен быть на самом деле; если затем видят, что он отличается в том или ином, тогда о нём выносят суждение. Пока не прекратится такой поиск симпатий или антипатий исходя из предрассудков, из особых предпочтений, которые носят в себе в отношении того или иного человеческого характера, и пока не распространилось убеждение воспринимать человека таким, каким он является, невозможно продвинуться в реальном практическом познании человека.

Только подумайте, насколько часто сегодня, когда два человека встречаются друг с другом в тех или иных условиях, при которых в одном человеке тотчас возникает нечто от антипатии – ему не нравится другой - и насколько потом всё то, что он делает для этого человека, рассматривается в свете этой неприязни. В результате

кармические отношения очень часто полностью прекращаются, полностью уводятся на ложный путь, и их следует только снова отложить до следующего воплощения, когда эти люди вновь встретятся. Симпатии и антипатии - самые большие враги реального социального интереса. На это очень часто не обращают внимания. Тот, кто знает, что заложено в реальном, социальном понимании для дальнейшего развития человечества, тот порой с ужасно измученной душой обращает внимание на то, как действуют в школе учителя, которые из определённых предубеждений находят одного ученика изначально симпатичным или другого - напротив несимпатичным. Это зачастую ужасно; в то время как речь идёт о том, чтобы воспринимать каждого таким, какой он есть, и создать самое лучшее из того, чем он является.

Но затем это проникает в учреждения. Наши учреждения, наши социальные законы, которые часто ужасающе гасят индивидуальности учителей, они уже таковы, что в действительности индивидуальность не могут принимать во внимание. Здесь реальное понимание духовной науки должно действовать таким образом, чтобы практическое учение о душе и практическое учение о человеке внести в общий интерес. Это необходимо для социального понимания, чтобы в нём создать в определённой степени другой полюс для трудностей во взаимопонимании.

Это то, что должно произойти в пятый послеатлантический период, чтобы человечество могло в полной мере развить душу сознательную. Люди должны пройти через испытания всеми этими вещами, когда в определённой степени противоборствующие силы преграждают им путь. Таким образом, чувства симпатии и антипатии действительно будут распространяться, и только в борьбе, в сознательной борьбе с поверхностными чувствами симпатии и антипатии сможет правильным образом родиться душа сознательная. Так же социальному взаимопониманию между одним и другим человеком всё чаще будут противостоять националистические чувства и ощущения, в основном одержавшие верх только в XIX веке в той форме, в которой они присутствуют сейчас, и противодействующие всё более интенсивным образом социальному пониманию, реальному интересу человека к человеку. И в таком виде как эти националистические противопоставления, националистические чувства симпатии и антипатии появляются сегодня, они являются мощным, ужасным испытанием для человечества, потому что исцеление может заключаться только в их преодолении. Если чувства симпатии и антипатии, порождённые националистическими чувствами, продолжают преобладать такими, какими они возникли, тогда человечество проспит развитие души сознательной. Потому что националистические чувства идут в противоположном направлении; они стремятся не позволить человеку стать самостоятельным, а сделать его таким, чтобы он казался только отпечатком, отражением той или иной группы или национальности.

Это первое, на что мы должны обратить внимание, когда мы практически образом проводим перед нашей душой обычно абстрактные слова о том, что в этот

пятый послеатлантический период душа сознательная должна развиваться особым образом.

Если душа сознательная действительно должна развиваться, то в этот пятый послеатлантический период должно произойти следующее. Оно заключается в том, что в людях, поскольку они всё более и более индивидуализируются, должно произойти определённое опустошение, настоящее опустошение в религиозной жизни, если эта религиозная жизнь не хочет приспособливаться к пятому послеатлантическому периоду, а хочет оставаться в таком виде, каком она была верной для четвёртого послеатлантического периода. В четвёртый послеатлантический период, поскольку людей ещё в большей степени формировали в группы, должны были возникнуть групповые религии. Это должно было, так сказать, изливаться на группы людей благодаря влиянию коллективного в догмах, коллективного в религиозных принципах, в религиозных мыслях. Но поскольку стремление к индивидуальности через душу сознательную будет становиться всё сильнее и сильнее в пятый послеатлантический период, в таком случае то, что таким образом говорит из групповых религий, больше не будет проникать в сердце, больше не будет проникать в индивидуальность отдельных душ. И люди просто не будут понимать того, что исходит из групповых религий. В четвёртый послеатлантический период людям всё ещё можно было сообщать о Христе в группах; в пятый послеатлантический период в действительности Христос уже проникает в индивидуальные души. В бессознательном или подсознательном мы все уже несём в себе Христа. Но сначала нам следует в свою очередь прийти к пониманию Его в нас самих. Это происходит не потому, что человеку навязывают установленные, жёсткие, застывшие догмы, а потому, что пытаются разносторонне стимулировать всё то, что может способствовать всестороннему пониманию Христа для человека, или вообще содействовать всестороннему религиозному познанию, чтобы всё, что может стимулировать это, действительно также было испробовано. Поэтому в этот пятый послеатлантический период должно возникать всё больше и больше терпимости именно в отношении мыслей о религиозной жизни. И тогда как в четвёртый послеатлантический период дело ещё обстояло так, что тот, кто трудился для религии, действовал так, что он передавал своим ближним некоторое количество догм, фиксированных тезисов, в пятый послеатлантический период должно быть совсем, совсем по-другому. Здесь речь идёт о чём-то совсем другом. Здесь речь идёт о том, что именно потому, что люди становятся всё более и более индивидуальными, делается попытка полностью освободиться от догмы и свободно от догм на самом деле преподнести другому человеку то, что можно рассказать, описать ему больше из личного внутреннего переживания так, чтобы его собственная свободная религиозная жизнь мысли могла индивидуально развиваться в нём. Догматические религии, отдельные фиксированные догмы, конфессии, они на самом деле умертвят

религиозную жизнь в пятом послееатлантическом периоде. Таким образом, правильно начинают пятый послееатлантический период, когда всё больше и больше разъясняют человеку: в первые века христианства для людей в особенности подходило и действовало одно, а в последующие века - другое. Но существуют и другие религии. Человек пытается понять сущность других религий; он пытается понять различные стороны понимания Христа. Благодаря этому в каждую душу приносят то, что может эту душу углубить. Но саму душу не формируют, ей оставляют её свободу мысли, в том числе в религиозной области, чтобы привести эту свободу мысли к раскрытию.

Подобно тому, как социальное понимание должно быть на первом месте, которое охарактеризовало для пятого послееатлантического периода, так для развития души сознательной основным условием является свобода мысли в области религии: социальное понимание в области совместной жизни людей - свобода мысли в области религии, религиозной жизни.

Должно будет всё больше и больше бросаться в глаза то, что мы попытаемся всё больше и больше понять религиозную жизнь, чтобы пронизать её, и, следовательно, мы сможем находить общий язык с нашими ближними, даже если каждый развивает свою собственную религиозную жизнь, потому что основным условием пятого послееатлантического периода является нечто, что человечество должно осознанно приобрести своими собственными силами. Именно в эпоху души сознательной ариманические силы более всего со своей стороны выступают против этой свободы мысли, и мы видим, как конфессии повсюду враждебно относятся к основному нерву духовно-научного мировоззренческого течения - распространению свободы мысли, сколько клеветы распространяется именно о духовной науке по той простой причине, что духовная наука с полным, светлым пониманием желает обратить внимание на рождение души сознательной и не хочет распространять такую религиозную жизнь, которая ещё построена на распространении, на продвижении души рассудочной или характера, как это имело место в четвёртый послееатлантический период. Формы христианства были основаны в четвёртый послееатлантический период исходя из потребностей греко-римской культуры. Сейчас они уже непригодны в качестве церковных форм и будут становиться всё более и более неподходящими для того, чтобы позволить появиться свободе мысли, которая должна проявляться всё больше и больше.

И в то же время, когда исходя из современной жизни проявился, я хотел бы сказать, первый зародыш потребности в свободе мысли, тотчас же также противоположная сила занялась тем, что можно было бы назвать - хотя здесь заключается многое, что, в свою очередь, нужно было бы охарактеризовать подробнее, в деталях - иезуитизмом различных религий. Фактически он был создан для того, чтобы оказать сильнейшее сопротивление свободе мысли, которая является жизненной необходимостью пятого послееатлантического периода. И всё больше и

больше необходимо будет искоренять иезуитизм, противоположный свободе мысли, во всех областях для пятого послеатлантического периода; потому что, излучаясь из религиозной жизни, свобода мысли должна всё больше и больше развиваться во всех областях жизни. Но так как её следует приобрести самостоятельно, то человечество в известной степени подвергается испытанию, и повсюду возникают величайшие трудности. И эти трудности становятся всё больше по мере того, как человечество пятой послеатлантической эпохи должно развить именно ясность сознания, но это воспринимается сперва как нечто неудобное и, следовательно, заглушается во многих отношениях.

Таким образом, мы видим, что существует острая борьба между зарождением свободы мысли и авторитетом, действующим из древних времён вплоть до нашего времени. И существует ошеломляющая склонность обманывать себя по поводу веры в авторитет! В наше время вера в авторитет чрезвычайно выросла, стала чрезвычайно сильной, и под её влиянием развивается определённая беспомощность людей в отношении суждений. В четвёртый послеатлантический период человеку в качестве природного дара был дан здравый рассудок; теперь он должен овладеть им, развить его. Вера в авторитет задерживает его. Но мы всецело охвачены верой в авторитет. Только подумайте, как беспомощно выглядят люди по сравнению с неразумными животными! Сколько животное несёт в себе инстинктов, которые направляют его с пользой для него самого, даже в случае болезни целительным образом ведут снова к здоровью, и как много работает современное человечество вопреки суждению в таких областях. Потому что современное человечество целиком и полностью подчиняется авторитету. Современное человечество не хочет с лёгкостью овладеть суждением о целительных условиях жизни. Конечно, существуют похвальные устремления во всевозможных объединениях и тому подобное. Но все эти устремления должны стать намного, намного интенсивнее, и, прежде всего, необходимо понять, что мы всё больше и больше приближаемся к вере в авторитет, и что формируются целые теории, которые, в свою очередь, являются основой убеждений, для того чтобы просто укрепить веру в авторитет. В области медицины, в области юриспруденции, а также во всех других областях люди с самого начала признают себя неспособными достичь понимания, и, собственно говоря, принимают то, что говорит наука. В конце концов, учитывая сложность современной жизни, это также, конечно, понятно. Но люди становятся всё более и более беспомощными под влиянием такой силы авторитета, и эта сила авторитета, это убеждение авторитетом систематически формируют то, что на самом деле является принципом иезуитизма. И иезуитизм в католической религии является лишь специализацией функций, выступающих также и в других областях, где это просто не так заметно. Иезуитизм изначально начался с иезуитизма в церковно-догматической сфере, с тенденции сохранить в течение пятого послеатлантического периода власть папства, перешедшую из четвёртого послеатлантического периода в

этот пятый послеатлантический период, для которого она больше не подходит. Но тот же иезуитский принцип постепенно переносится и на другие области жизни. Сегодня мы уже видим перенос в медицинскую сферу иезуитизма, который мало чем отличается от иезуитизма в области догматической религии. Мы видим, как исходя из определённой медицинской догматики, стремятся к возрастанию влияния положения врача. И в этом состоит суть иезуитского стремления также в различных других областях. Оно будет становиться всё сильнее и сильнее. Людей будут всё больше и больше ограничивать тем, что им навязывает авторитет. И спасение пятого послеатлантического периода будет заключаться в сопротивлении этим ариманическим противодействиям – так как таковым является право души сознательной, которая желает развиваться. Но это может произойти только благодаря тому, что люди, поскольку сейчас они не получают в дар природный рассудок наподобие своих двух рук, как это было ещё для сравнения в четвёртый послеатлантический период, действительно захотят развить рассудок и здравую силу суждения. Развитие души сознательной требует свободы мысли, но эта свобода мысли может процветать только в совершенно определённой ауре, в совершенно определённой атмосфере.

Я указал Вам на трудности, которые существуют в пятом послеатлантическом периоде. Так как пятый послеатлантический период подталкивает к совершенно определённому направлению развития: к развитию души сознательной. Но эта душа сознательная, именно потому, что она должна развиваться как душа сознательная, должна испытать противодействия, должна пройти через испытания. Таким образом, мы видим, что в отношении как социального понимания, так и свободы мысли нарастают ожесточённые противодействия. И сегодня даже не понимают, что эти противодействия здесь присутствуют; так как в самых широких кругах эти противодействия считают как раз правильными, с которыми не следует бороться, а которые следует развивать совершенно особым образом.

Но уже существует множество людей, у которых открыты сердца, и они хорошо понимают то, в какие условия помещён современный человек, у которых открыты чувства, и они хорошо понимают то, что можно увидеть уже сегодня: как из-за того, что кармические отношения людей вступили в только что охарактеризованный кризис, начинается то, что дети больше не понимают родителей, а родители больше не понимают детей, что братья и сёстры больше не понимают друг друга, народы больше не понимают друг друга; сегодня уже существует достаточно людей, которые противостоят этому хотя и необходимому, но действующему верно лишь тогда, когда обливаются кровью сердца, пронизанные пониманием обстоятельств. Потому что из крови сердца должны быть сознательно извлечены импульсы для этого нового мирового действия. Отчуждение между людьми возникнет само по себе. Следует сознательно стремиться к тому, что должно изливаться из человеческого сердца.

Каждая душа сталкивается с трудностями в пятый послеатлантический период. Потому что только преодолевая эти трудности, будут справляться с испытаниями, в рамках которых может развиваться душа сознательная.

Тогда приходит некий человек, который говорит: «Ах, я не понимаю, что мне с собой делать, я не знаю, как должен вписаться в жизненные взаимосвязи». - Это происходит из-за того, что он ещё не нашел правильной возможности ясно мыслить о сегодняшних потребностях и о том, какое место в них занимает человек. Сегодня уже у многих людей эти обстоятельства развиваются вплоть до физической болезни, до физической несостоятельности. Правильное понимание этого является тем, что должно быть востребовано всё больше и больше и всё интенсивнее и интенсивнее. То, что будет изливаться на человечество, потому что это необходимо в пятый послеатлантический период, будет являться опасностью душевной нужды, душевной нужды особой окраски, как это было описано благодаря тому, что как раз было сказано сегодня. Многие люди видят то, что я описал, и чувствуют, что необходимо, действительно необходимо, чтобы люди пришли, с одной стороны, к социальному пониманию, а с другой - к свободе мысли. Но немногие, очень немногие сегодня ещё склонны прибегнуть к правильным средствам. Потому что часто стремятся служить всевозможными идеалистически звучащими общими фразами тому, что необходимо для социального понимания. Сколько все сегодня пишут о необходимости индивидуального подхода к взрослому человеку! Какие детальные теории сочиняются во всевозможных педагогических областях! Этого недостаточно в отношении того, о чём идёт речь. Как можно больше позитивных описаний того, как люди действительно развиваются, позитивных, я хотел бы сказать, естественных историй индивидуального развития человека, это то, что должно быть распространено с полным пониманием; где мы только можем рассказать, как развил себя человек А, человек В и С, и можем с любовью детально описать развитие человека, которое происходит перед нами. Это, прежде всего, необходимо: изучение жизни, стремление к учению о жизни, а не к программе; так как теоретическая программа является врагом пятого послеатлантического культурного периода.

Когда возникают сообщества, то в духе пятого послеатлантического культурного периода они в действительности должны появляться таким образом, чтобы люди, объединяющиеся в этих сообществах, являлись самым главным, и чтобы из взаимного общения этих позитивных людей проистекало то, что может возникнуть. Тогда возникнут совершенно индивидуальные вещи, если на это обратят внимание. Что обычно делают сегодня? Начинают с того, что составляют устав. Конечно, это может быть очень хорошо, если, конечно, необходимо, потому что именно внешние обстоятельства требуют устав. Но именно в нашей области должно быть ясно, что все разговоры о программах и уставах - это только уступка миру, что то, о чём идёт речь, должно быть индивидуальной совместной жизнью, возникающей из позитивного

человека, что важным является взаимопонимание. Тогда уже для пятого послееатлантического периода, потому что впереди у нас, конечно, ещё несколько веков, возникнут возможности, чтобы также из круга тех, кто понимает это, понимание индивидуального развития, наполненного жизнью развития проникло в общий мир, который сегодня весь затянут в параграфы, как в испанские сапоги*, в параграфы или законы, или ещё нечто подобное. Поэтому мы видим, как повсюду с кафедр и других трибун возникают здраво звучащие теории, в которых должны научить жизни. Мы видим, как повсюду возникают теории, исходящие только из абстракций, в которых людям демонстрируются всевозможные идеи и идеалы. Но речь идёт не об этом, а только о том, чтобы проникнуть с пониманием в конкретную, реальную жизнь. Как теперь это можно осуществить?

Само собой разумеется, совершенно по праву возразят на то, что здесь было сказано: да, мы все не можем научиться судить о том, что сегодня проистекает из авторитетных взаимосвязей. Подумать только, - скажут люди, - что человек, который хочет стать врачом, должен всё выучить! Абсолютно правильно, что он учит это; но мы же не можем учиться этому и ещё учиться тому, чему учится каждый, кто должен стать юристом, и ещё учиться тому, чему должен учиться каждый, кто хочет стать художником и так далее. Мы же не можем это сделать! - Конечно, без сомнения мы не можем сделать это; но нам даже не нужно быть созидателями, нам нужно только быть здравомыслящими. Мы должны быть в состоянии хотя и позволять создавать авторитет, но уметь оценивать авторитет. Мы не изучаем это, мы не вникаем в это посредством изучения каждой отдельной специальности, но мы овладеваем возможностью суждения исходя из того, что в полной мере может сформировать наш рассудок, наша сила суждения. Но это никогда не может произойти из материального познания отдельных специальностей, а только из всеобъемлющего духопознания.

Духовная наука должна быть центральным пунктом познания. Потому что эта духовная наука объяснит не только взаимосвязи в развитии человека, но благодаря способу мышления, которым она обладает, она разовьёт в нас здравый рассудок, который сегодня необходимо извлечь из более значительных глубин, чем его должны были извлекать и поднимать в греко-римскую культурную эпоху, в четвёртый послееатлантический период. Отличный от других наук способ формирования понятий и представлений, необходимый для духовной науки, не даёт нам возможности стать авторитетом в той или иной области, но даёт возможность стать здравомыслящими. И почему так происходит, будут понимать всё больше и больше, потому что в душе человека существуют таинственные силы, и эти таинственные силы, эти мистериальные силы, которые свяжут душу человека с духовным миром и будут проходить через эту связь, формирующуюся между человеческой душой и духовным миром благодаря тому, что мы углубляемся в духовную науку, позволят в каждом

---

* Испанский сапог — средневековое орудие пытки. - прим. пер.

случае, когда мы сталкиваемся с авторитетом, проявиться в нас здравомыслию. Мы не будем знать того, что может знать авторитет; но если авторитет знает нечто и в отдельных случаях делает то или иное, то мы будем способны судить об этом.

Мы должны особо подчеркнуть это как нечто, что должно быть принесено духовной наукой, чтобы она не только наставляла людей, но и делала их здравомыслящими в этом отношении, то есть сперва давала им возможность свободы мысли, способствующей независимости мысли уже в них самих. Духовная наука не делает нас врачами, но духовная наука позволяет нам судить о том, что входит в общественную жизнь через конкретного врача, если только мы должным образом проникаем в духовную науку. Если когда-либо поймут то, что я имею в виду сейчас под этими словами, тогда поймут очень и очень многое о целительных силах пятого послееатлантического периода. Потому что очень, очень много заключено в том, что я на самом деле имею в виду, что духовная наука, так сказать, переделает человеческий рассудок, так что человек станет здравомыслящим, сила рассудка освободится из его душевной жизни. Только благодаря этому он в действительности может завоевать себе свободу мысли.

Если мне теперь позволят высказать нечто образно, то я хотел бы изложить Вам эту мысль ещё в образной, в имажинативной форме. В духовной науке мы слышим о реальном духовном мире, о конкретном духовном мире, об элементарных существах, которые нас окружают; мы слышим об иерархиях, Ангелах, Архангелах и так далее. Мир наполняется для нас конкретным духовным содержанием или духовными силами и духовными существами. Этим существам, живущим там, в духовных мирах, небезразлично, что мы о них знаем! В четвёртый послееатлантический период им было ещё более или менее безразлично, но в пятый послееатлантический период они уже равнодушны к этому, но происходит так, как если бы в определённой мере их лишали духовной пищи, когда люди здесь, на Земле, ничего не знают о них. Духовный мир полностью связан со здешним физическим земным миром. Это станет Вам понятнее, когда я скажу то, что может показаться сейчас даже парадоксальным, но это действительно правда. И всё же сегодня, хотя сегодня ещё нельзя многое сказать, некоторые истины должны быть произнесены уже сегодня, потому что люди не должны жить без этих истин.

Видите ли, для людей, живущих здесь, на Земле, это правильная точка зрения, когда говорят: Христос вошёл в земную жизнь с Мистерией Голгофы, и с тех пор Он пребывает в земной жизни. И с определённой позиции восприятия можно рассматривать как счастье земной жизни то, что в неё вошёл Христос. Но теперь поставьте себя на точку зрения Ангелов - и эта точка зрения не является вымыслом с моей стороны, эта точка зрения является тем, что для настоящего оккультного исследователя предстаёт чем-то реальным, - встаньте на точку зрения Ангелов. Они пережили в своей духовной сфере нечто иное: они пережили обратное! Христос ушёл

из их сферы к людям, Он покинул их сферу. Они должны сказать себе: Христос ушёл из нашего мира благодаря Мистерии Голгофы. - Они должны так же печалиться по этому поводу, как люди могут чувствовать целительным образом то, что Христос пришёл к ним, поскольку люди живут в физическом теле. И это тоже реальный ход мысли, и тот, кто действительно знает духовный мир, знает, насколько для Ангелов существует только одно спасение, для них правильным является то, что я сказал, а именно то, что люди на Земле живут в своих физических телах с мыслью о Христе, и эта мысль о Христе сияет к Ангелам как свет, со времени Мистерии Голгофы подобно свету сияет к Ангелам. Люди говорят: Христос проник в нас, и мы можем развиваться так, что Христос будет жить в нас - «Не я, но Христос во мне». Но Ангелы говорят: Христос ушёл из нашей сферы, покинув наше внутреннее, и Он сияет нам вверх наподобие многочисленных звёзд в мыслях отдельных людей о Христе; там мы узнаём Его снова, там Он сияет со времён Мистерии Голгофы. - Это реальная связь между духовным миром и миром людей. И эта реальная связь выражается также благодаря тому, что духовные существа, населяющие духовный мир вне нас, что эти духовные существа могут с благосклонностью, отрадой и удовлетворением взирать на мысли, которые мы можем составить об их мире. Потому что они могут помочь нам только, если мы можем думать о них, даже если мы ещё не достигли ясновидения в духовном мире, они могут помочь нам, если мы знаем о них. Из духовного мира нам приходит помощь для того, чтобы мы изучали духовную науку. Здесь находятся не просто вещи, которые мы учим, знания, но находятся сами существа высших иерархий, которые помогают нам, когда мы знаем о них. Таким образом, если мы в дальнейшем сталкиваемся с авторитетами в пятом послеатлантическом периоде, то для нас является целительным, когда за нами стоит не только наш собственный человеческий рассудок, но то, что духовные существа могут действовать в нашем рассудке, когда мы знаем о них. Они делают нас способными судить об авторитете. Духовный мир помогает нам. Мы нуждаемся в них, мы должны знать о них, мы должны воспринимать их сознательно. Это третье из того, что должно прийти для пятого послеатлантического периода.

Первой составляющей является социальное понимание человека, второй - обретение свободы мысли, третьей - живое знание о духовном мире благодаря духовной науке. Эти три вещи должны быть великими, реальными идеалами для пятого послеатлантического периода. В область социальной жизни должно прийти социальное понимание; в область религиозной и иной совместной жизни душ должна прийти свобода мысли; а в область познания должно прийти духопознание. Социальное понимание, свобода мысли, духопознание - вот три великие цели, импульсы пятого послеатлантического периода. Мы должны развиваться, учитывая эти источники света, потому что это правильные источники света для нашего времени. Некоторые люди интенсивно ощущают, что необходимо нечто подобное, а именно,

что должен возникнуть другой вид современной совместной жизни людей, что должны возникнуть другие понятия. Но заключительные выводы ускользают либо от доброй воли, либо от познания людей. Мы можем увидеть это именно по тому отношению, в котором некоторые люди находятся относительно устремления духовной науки или Антропософии. При этом нам вовсе не нужно думать о том, что духовную науку, теософию или Антропософию оговаривают злонамеренно, или что ей противостоят по иной причине кроме злонамеренной, враждебно злонамеренной, но мы можем думать об искренней воле, разумеется, присутствующей в современном человечестве в достаточном количестве, об искренней воле, направленной на создание таких импульсов в человечестве, которые находятся в направлении правильных импульсов пятого послееатлантического периода. Подумайте только: сколько «реформаторов» появляется в самых разных областях, сколько социальных пасторов и других социальных проповедников, опять же социальных проповедников из небогословских или нерелигиозных кругов. Как это всё появляется; как часто оно вдохновляется самой, самой доброй волей! Оно желает привести людей к чему-то, к чему подталкивает жизнь в наше время! Добрая воля присутствует во многих случаях, и мы хотим смотреть в данный момент на то, что находится в области доброй воли, а не на то, что находится под влиянием злой воли. Но до тех пор, пока эта добрая воля остаётся только в общих речах, даже если она принесена такими горячими чувствами, это не поможет, если не станет живым познание, которое может исходить только из духовной науки, чтобы могли быть исполнены три великих реальных идеала: социальное понимание - социальное познание человека, свобода мысли и духопознание. Но при этом в настоящее время понимание людей ещё даже не началось, за исключением небольшой группы людей, которые объединились в рамках духовно-научного мировоззрения.

Сегодня мы можем углубиться в некоторые прекрасные, благородные познания в этом направлении. Я хотел бы представить Вам опыт того, что, как говорится, «случайно», а на самом деле благодаря карме оказалось у меня, когда прямо в витрине магазина я обнаружил небольшую книгу, которую купил исходя из некоего впечатления, которое произвело на меня её название. Там говорится о современном человеке, что этот человек ищет, под влиянием какого впечатления этот современный человек вырастает; там говорится, как много существует в современном мире, в современном внешнем мире того, что способствует этому современному человеку, что делает его жизнь удобной, что делает жизнь лёгкой, насколько жизнь является удовольствием под влиянием определённых удобств, которые принесла новая паровая сила, новое электричество; всё это указывается. Но затем особо подчёркивается одна вещь. Подчёркивается, что современный человек хотя и вступил в более стремительную, насыщенную событиями жизнь, чем это было в прежние времена, но что его жизнь стала богаче. Всё это подчёркивается с некоторой радостью, с

определённой душевностью; с помощью выдающихся духовных явлений современности описывается, насколько для современного человека это лучше по сравнению с более унылой, грустной, инстинктивной жизнью прежних времён. Но дальше правильно описывается то, на что я указал раньше, в качестве трудностей пятого послееатлантического периода. Только не осознаётся, что именно из этого своеобразия пятого послееатлантического периода и вытекает его требование - формирование души сознательной. Не видят ясно и отчётливо. Это то, что является важным. Но это ощущают открытым сердцем. Там сказано: «Удивительно: при описании внутреннего пути становления нашего времени мы должны были исходить из радости жизни, из удовольствия от бытия. А в заключении этого раздела нам необходимо сказать о глубокой, внутренней душевной нужде. То, что мы переживаем здесь, в малом, наше время переживает в большом». - Под «малым» он имеет в виду то место, где он сейчас живёт. - «Невиданное изобилие культуры, развитие жизни в силе и красоте, как никакое другое в истории; и при этом душевная нужда, которая надвигается и захватывает целые слои людей».

И теперь, после того как он это так верно понял, этот человек изучает различные вещи, которые должны привести к тому, чтобы не просто остановиться на беспомощном описании душевной нужды, но найти правильное решение, чтобы направить импульсы нового человечества правильным образом. Среди этих различных вещей он также описывает то, что он называет теософией, как он познакомился с теософией. Здесь среди множества враждебно настроенных людей мы встречаем такого человека, который благожелательно относится к этой теософии, с самой доброй волей, с волей действительно узнать о ней, который также познакомился с ней, и которого поэтому мы рассматриваем. На самом деле я привожу это не просто из прихоти привести это, а потому, что действительно очень важно и существенно, чтобы мы также заботились о таких положительных взаимосвязях между нашей духовной наукой и внешней жизнью.

После того, как этот человек обсудил, что мистика, которая не доходит до «мистики», также желает осуществить углубление жизни, устранение душевной нужды, он говорит: «Наряду с мистикой находится теософия. Существуют некоторые люди, которые видят в ней только явление, направленное на то, чтобы установить суррогаты на место проверенных сил, или которые находят в ней лишь склонность к синкретизму и эклектизму» - то есть к обобщению всевозможных религиозных верований и мировоззрений. Те, кто не вдаётся более подробно в духовную науку, говорят о том, что в ней должен воскреснуть гностицизм и так далее; но этот человек, он делает один шаг дальше. То есть он говорит: те, «которые находят в ней только тенденцию к синкретизму и эклектизму, поступают соответственно индивидуальным склонностям и смешивают её с менее яркими сопутствующими явлениями современной жизни, с суевериями, спиритизмом, духовным видением, символизмом и

тому подобными таинственными очаровывающими людей проявлениями духовных забав. Но это не так. Это означает проявлять несправедливость к этому движению, если человек не хочет признавать выражающиеся в нём глубоко внутренние отношения и ценности». Итак, перед нами доброжелательный человек. Он говорит: «Скорее нам нужно, по крайней мере, в кругу, собравшемся вокруг Штайнера, стремиться понять её в качестве религиозного движения среди наших современников, даже если не изначально, а только синкретического типа, но всё же направленного на основу всей жизни;» - надеюсь, что он ещё придёт к изначальному источнику, данный человек, потому что у него так много доброй воли – «мы должны судить о ней как о движении, направленном на удовлетворение сверхчувственных интересов людей, и вместе с тем, как о росте над реализмом, придерживающемся чувственного; прежде всего, мы должны распознать в ней движение, которое указывает людям на осознание нравственных проблем, которые им поставлены, и которое нацелено на работу по внутреннему возрождению исходя из направления скрупулёзного внимания на самовоспитание;» - как я уже сказал, я читаю написанное им не из какой-то прихоти; но при том, что обычно говорят об Антропософии, уже не является совсем несущественным то, что мы также встречаем такие суждения - «нужно только прочитать книгу Штайнера о введении в теософию, чтобы заметить, с какой серьёзностью здесь направляют человека к работе над своим нравственным очищением и самосовершенствованием. Далее, в своём сверхчувственно направленном рассуждении она является реакцией против материализма; однако» - и теперь появляется нечто, на что я прошу Вас обратить особое внимание - «при этом она легко теряет почву реальности и теряется в гипотезах, в ясновидческих фантазиях, в царстве грёз, так что для реальности индивидуального и социального жизнеустройства у неё уже не сохраняется достаточно сил. Но, по крайней мере, мы хотим и должны отметить теософию в качестве корректирующего явления в ходе становления современности».

Итак, на самом деле единственным, что не понравилось человеку, является восхождение к духовному познанию, к конкретному, реальному духовному познанию; то есть он хотел бы получить то, что может проистекать из теософии – даже, по его мнению – в импульсах для морального совершенствования человека; но он ещё не осознаёт, что здесь в пятом послеатлантическом периоде это может произойти только из реального, конкретного познания духа. Он не распознаёт корней. Он хотел бы получить такие плоды без этих корней. Он не осознаёт всей взаимосвязи. Именно этот человек чрезвычайно интересен также потому, что он, как видно, увлечённо изучал мою книгу «Теософия», совершенно не понимая, что первого не существует без второго. Он хотел бы отрубить голову этой книге и всё же сохранить тело; потому что он всё ещё считает это тело чем-то ценным.

Это имеет отношение к тому, что я изложил Вам ранее. Такие люди уже понимают, что необходимы социальное понимание и свобода мысли; но они ещё не хотят признать, что третья составляющая, духовное познание, должно сформировать основу для нашего пятого послеатлантического периода; это то, к чему они ещё не могут прийти. Также одной из важнейших задач духовно-научного направления мировоззрения является пробуждение понимания этого. Люди ещё часто называют восхождение в духовные миры фантастическим; они действительно не понимают, что утрата знаний о духовных мирах породила этот материализм и связанное с ним отсутствие социального понимания, и создала материалистическую жизнь и материалистический взгляд на жизнь нового времени. Именно у благожелательных людей нам следует изучить, насколько сегодня людям ещё бывает трудно признать необходимость конкретных духовных миров. Поэтому нам нужно ещё более стараться понять такие импульсы, как например те, о которых я хотел рассказать в сегодняшней лекции.

Книга, о которой я говорил, называется «Die Gedankenwelt der Gebildeten, Probleme und Aufgaben» («Мир мысли образованных людей, проблемы и задачи»). Как я сказал, она «случайно» попала мне в руки, так как книга была издана в Гамбурге ещё в 1914 году, в агентстве Rauhen Haus, и снова представляет лекцию, прочитанную профессором Фридрихом Малингом на 37-м конгрессе Внутренней миссии в Гамбурге 23 сентября 1913 года. Я просто удивляюсь тому - как я уже сказал, мне она совершенно случайно попала на глаза несколько дней назад в витрине книжного магазина, - что никто из нашего круга ничего не упоминал именно об этой книге; ведь тому или другому она, появившись ещё в 1914 году, всё же могла попасть в руки. И на самом деле сегодня необходимо было бы позаботиться именно о различных нитях, проходящих между этой и той стороной в самых различных областях. Это было бы необходимо, чтобы позаботиться об одном нюансе, который, разумеется, будут обнаруживать гораздо чаще, о самой отвратительной ругани и высмеивании нашего движения, но мы также можем позаботиться о том, если ищут самое искреннее понимание, как в данном случае, что мы действительно можем узнать из этого, какие трудности также ещё и сегодня испытывает человек, ищущий самого честного понимания.

Сегодняшнюю лекцию я хотел построить именно так, чтобы показать, какими должны быть три великих идеала, конкретных идеала для пятого послеатлантического периода: социальное конкретное понимание человека, свобода мысли, духовное познание. Три конкретных идеала должны указать наукам направления в будущее. Они должны облагораживать и очищать жизнь, должны давать импульсы морали, должны в самых широких масштабах стать ориентирующими и направляющими, пронизывающими и стимулирующими жизнь внутри современного человечества. Но невозможно будет выполнить два первых требования - социальное понимание и свободу мысли, - если к

ним не присоединится духопознание, в качестве третьего, так как должна быть развита душа сознательная. Наивысшая ступень этой души сознательной как раз уже Самодух, который должен быть установлен в шестом послеатлантическом культурном периоде. Его не смогут развить, если не подготовят то внутреннее обретение самостоятельности человека, которое достигается через развитие души сознательной. Мы должны учитывать в наших духовно-научных усилиях: то, что мы познаём как абстрактные истины, действительно обладает магической силой, которую нужно только высвободить, чтобы пролить яркий свет на всю жизнь. И так же где бы в жизни не находился человек, хоть в той или иной области науки, хоть в той или иной области практической работы, даже самой незначительной работы: если человек для своей области знает как оживить то, что на наших собраниях мы воспринимаем как абстрактные истины, в том смысле каким оно должно быть, то он будет участвовать в работе над великими задачами нашего времени. И тогда чувство радости войдёт в душу человека, чувство радости, которое не является просто безмятежно поверхностным, которое в то же время связано с той серьёзностью, которую несёт жизнь, и которое увеличивает наши силы, которое не просто хочет дать нам наслаждаться жизнью, но делает нас умелыми работниками в жизни.

В этом смысле три приведенных конкретных социальных идеала и идеалы познания также будут тем, что даст душе сознательной способность по-новому в пятый послеатлантический период постичь Мистерию Голгофы и воспринять Христа; поскольку мы должны установить настоящую связь с духовными мирами и познать, как они относятся к этому центральному импульсу земного развития, к импульсу Христа. Это станет для нас импульсом Христа только под влиянием мыслей, поступающих из духовного мира в земное бытие, потому что в земном бытии со времён Мистерии Голгофы в человеческих душах могут воссиять мысли, которые, как яркие звёзды, утешая, как я уже объяснил, сами сияют в мир Ангелов, утративших Христа из своей сферы, чтобы увидеть Его сияющим им навстречу из сферы человеческих мыслей. Нет, духопознание не является чем-то, что можно описать как фантазию; духопознание является тем, что в первую очередь стремится найти влияние на эту реальность, из которой можно устранить ту душевную нужду, которая обязательно должна быть связана с пятым послеатлантическим периодом. Это то, что я хотел сказать Вам сегодня. Надеюсь, мы ещё увидимся в этом городе в не очень отдалённом будущем. Я надеюсь, что до тех пор мы будем успешно держаться вместе в мыслях и продолжать работать здесь в духе нашего движения.

Лекция пятая

Действия кармы

Цюрих, 24 октября 1916 г.

Духовная наука должна сказать о жизни, о структуре духовных миров то, что приобретено благодаря познанию объективных фактов, к которым человека могут привести соответствующие способности. Конечно, это всем известно. Таким образом, когда речь идёт об этом, невозможно, для того чтобы обосновать или защитить духовную науку как таковую от сегодняшнего окружающего мира, подкрепить эту защиту ничем иным, чем указанием, каким образом человек приходит к взиранию в духовные миры благодаря определённым способностям, и затем объяснить, каким образом соответствующий облик условий жизни духовных миров раскрывается для этих способностей. По отношению к фактам, проявляющимся таким образом — некоторые вещи являются само собой разумеющимися, однако, будет верным указать на это - никто не сможет так же, как по отношению к фактам физического мира, которые наблюдают с помощью чувств, выразить возражение со стороны человеческих желаний, человеческих устремлений. Несмотря на эту очевидность, часто слышат возражения против определённых высказываний духовной науки, проистекающих именно из человеческих желаний и устремлений, когда говорят примерно так: «Если духовная наука должна сказать то или иное о духовных мирах, то я не желаю знакомиться с этой духовной наукой, потому что если в этих духовных мирах всё было бы так, то я никогда не смог бы свыкнуться с таким обликом духовных миров». - Как ни абсурдно по сути такое возражение, но оно встречается. Но оно встречается не только в такой легко разгадываемой, абсурдной форме, но оно встречается, я хотел бы сказать, замаскированным под всевозможное отрицательное отношение к духовной науке. Таким образом, даже если бы любые познания духовной науки не могли основываться на том, что мир имеет значение только когда это вот так выглядело бы в духовном мире — ведь человек может узнать, как это в действительности выглядит в духовном мире — то есть если человек не может сказать нечто исходя из таких предпосылок о структуре духовного мира, но только на основании реального познания, то можно напротив указать на то, что духовная наука, когда она уже присутствует здесь со своими результатами, может иметь значение для жизни людей.

Две недели назад я показывал здесь в определённой области то, что духовно-научный образ мыслей особенно в нашу эпоху должен значить в отношении величайших требований эпохи для развития человечества. Сегодня я хотел бы указать на некоторые другие пункты, которые несколько глубже вступят в то, чем может стать духовная наука для человечества и в особенности для современных людей, которые углубятся в это. А, с другой стороны, именно чтобы дать некоего рода противообраз, я хотел бы указать на то, какое сопротивление может встретить эта духовная наука со стороны сегодняшней духовной культуры, и к такому сопротивлению следует быть готовым. Духовные способности, побуждающие духовного исследователя рассматривать факты духовного мира, постепенно развиваются уже часто описываемым образом, и они развиваются таким образом, что человек вначале знакомится с великими фактами духовной жизни, с тем, что является самым главным в отношении развития земной жизни, в отношении повторяющихся земных жизней, в отношении жизни между смертью и новым рождением и так далее. Но тогда непременно становится возможным, говорить не только об этих всеобщих великих аспектах, об этих всеобщих правильных истинах, но также можно говорить об определённых конкретных истинах. И когда мы всё больше и больше знакомимся с такими конкретными истинами, то духовная наука также обретает всё большую и большую ценность для каждой конкретной человеческой жизни. Конечно, эта человеческая жизнь должна поначалу быть загадкой для внешнего взгляда на физическое тело; потому что если бы эта человеческая жизнь не была загадкой, то человек не подвергался бы такому развитию, которое всё более и более наделяет его способностями; потому что наши способности, особенно возникающие в душе, должны возникнуть из преодолений, они должны вырасти из преодолений; и в духовной области они должны вырасти благодаря тому, что мир вместе с загадками выступает нам навстречу, и в силе, используемой нами для решения этих загадок. Наши силы увеличиваются в том смысле, что мы используем их для решения загадок, мы становимся всё более способными, а также мы действительно становимся всё более совершенными в рамках развития человечества. Не нужно беспокоиться о том, что к жизни потеряют интерес, когда человек частично решит загадки данные физическим миром благодаря взиранию в духовный мир, потому что загадки жизни возникают во всех областях. И при вступлении в духовный мир человек замечает уже новые загадки жизни. Но также именно из опыта, который человек получает, решая определённые загадки человека и жизни исходя из духовного мира относительно физического, человек обретает уверенность и ощущение, что также будут решены более глубокие, раскрывающиеся в самом духовном мире загадки человека и мира.

В особенности, конечно, загадкой является то, что человек переживает между рождением и смертью в качестве судьбы. В этих словах заложено очень и очень много. В открытой лекции, прочитанной вчера, мы смогли обрисовать, каким образом

вопрос о судьбе можно в определённом отношении решить благодаря повторяющимся земным жизням. Это — общая точка зрения. Но можно также указать на конкретные обстоятельства. Например, предположим, что в жизни некто лишился дорогого ему родственника. Мы говорим, что близкий человек умер сравнительно рано, поэтому тот, кто остался, должен прожить ещё долгую жизнь на Земле без этого человека. Мы видим, когда в нас возникает такая мысль, как тотчас перед нашими духовными глазами выступает нечто, что должно стать вопросом о судьбе для многих людей. Теперь речь идёт о том, что духовная наука может на самом деле осветить такой вопрос о судьбе. Конечно, каждый случай воспринимается по сути по-разному. Но именно потому, что человек изучает отдельные случаи духовно-научным образом, возникает определённый взгляд на наполненный тайнами ход человеческой жизни. К примеру, человек здесь может пережить: один человек рано умер, был оторван от своих близких. Вчера я говорил: когда люди сейчас вступают в отношения друг с другом посредством своих физических тел, между этими людьми развиваются отношения намного обширнее чем то, что можно проявить посредством физических тел. Намного более широкий круг единения развивается, когда живут вместе десять, двадцать, тридцать, сорок лет, развивается намного более широкий круг сил между двумя людьми, чем можно изжить в эти годы в физическом мире. В таком случае здесь часто видят, когда направляют духовно-научный взгляд на такие отношения, что то, что здесь связывается таково, что оно благодаря своей внутренней природе требует продолжения, которое выявляется благодаря потере как для остающейся здесь на Земле части, так и для части, проходящей через врата смерти в другой духовный мир. Оставшийся здесь должен нести потерю. Если выразить это абстрактно, он потерял дорогое ему человеческое существо из физического поля зрения в то время, когда он не ожидал потерять его. Возможно, это разрушило его надежды на позднейшую совместную жизнь здесь в физическом мире, потому что предпосылки для жизни были обрублены. Все они относятся к переживаниям жизни, но все они также относятся к тому, что в определённой степени присоединяется к переживаниям, испытанным друг с другом в физическом теле. Когда горе и боль связываются с тем, что пережили вместе в физическом теле, это действует видоизменяющим образом на те отношения, которые можно завязать только в физическом теле. Тогда, так же как то, что мы ежедневно переживаем друг с другом, выступая в физических телах, с настоящего момента вливается в кармическую линию, в продолжающийся поток развития, и таким образом суммируется с тем, что переживают ежедневно, что переживают под впечатлением от потери. Все ощущения, все чувства, переживаемые здесь, присоединяются к опыту, испытанному в жизни в физическом теле. Это видят с точки зрения того, кто остался здесь в физическом мире.

Точка зрения того, кто перешёл в духовный мир, несколько иная. Потому что перешедший в духовный мир в не меньшей степени находится рядом с тем, кого он

оставил. Конечно, человеку, который действительно может исследовать духовный мир в таких конкретных случаях, становится ясно при созерцании того, кто находится по ту сторону, что сознательное совместное бытие с душой, оставленной здесь, становится более интенсивным, более сокровенным, чем это может быть в физическом теле. Но часто отмечают, что эти ставшие более глубокими отношения относятся к тому, чтобы правильным образом восполнить круг взаимоотношений, который был построен в физическом мире. Здесь при действительно конструктивном изучении часто делают открытие: замечают, люди соединились здесь в физической жизни; поэтому под порогом сознания сформировался определённый круг единых интересов. Если бы люди ещё дольше были вместе в физическом мире, то отношения, возникшие здесь на основе кармы из прошлых жизней, не смогли бы достаточно интенсивно углубиться благодаря обстоятельствам этой жизни. Прощедшие через врата смерти часто имеют возможность пребывать на Земле в то время, что и души близкие им, потому что теперь они находятся вместе с мыслями этих душ, пронизывают, охватывают мысли этих душ, вызывая то необходимое согласно карме углубление, которого они не смогли бы добиться благодаря отношениям, которые обычно преподносит жизнь, если бы они не прошли врата смерти. Таким образом, часто к полностью верному исполнению кармы относится то, что, с одной стороны, здесь претерпевают боль, а, с другой стороны — переживают более интенсивное совместное бытие с мыслями оставшегося.

И тогда возникает дальнейшее, когда в будущем в определённой мере последующий человек, проходящий через врата смерти, следует за своей связью, в которую он теперь вступает, с умершим в более раннее время. Здесь отмечают, что многое оказывается иным, в зависимости от разницы во времени между двумя смертями. Существует разница, если мы, вступая в духовный мир, обнаруживаем там человека, умершего одновременно с нами, предположим этот экстремальный случай, или умершего пятнадцатью годами ранее. Благодаря тому, что данный человек прожил определённое время в духовном мире, отныне в его душе, которую мы встречаем, находятся переживания, испытанные им там, благодаря этому он действует на нас по-другому и благодаря этому соответствующим образом устанавливают кармическую связь, которую при других условиях не смогли бы установить таким же образом. Нам необходимо признать, что всё то, что мы переживаем таким образом с ближним, полностью основано на кармических отношениях. И даже если — как я уже часто говорил - это не может утолить горе и боль, когда знают насколько всё связано, что происходит, как всё взаимодействует, что имеет место, то следует всё же сказать, что, исходя из определённой точки зрения, только жизнь рассматриваемая таким образом получает своё истинное значение. Так как речь идёт о том, что мы в человеческой жизни, проживаемой между смертью и новым рождением, все те отношения, в которых мы состоим, развиваем таким образом, что не только эта одна

жизнь проходит правомерно, но что в определённой мере правомерно всё, что мы должны внести посредством следующей земной жизни для этого земного развития. То, что началось с болезненной потери родственника или друга, или другого близкого человека, обнаруживается в своем продолжении в следующей земной жизни. И в определённом отношении все эти действия уже содержатся в своих первопричинах. Без потери, наступившей в жизни человека, нас бы не поместили верным соответствующим образом в последовательность земных жизней. Благодаря этому, возможно, в отдельном случае наша боль не утихнет, но исходя из этой точки зрения станет возможным получить понимание жизни.

Говоря о таких вещах, мы можем многому научиться благодаря рассмотрению конкретных случаев. Следующий конкретный случай, который я хотел бы привести, происходит, когда жизнь человека завершает несчастный случай. Изначально можно предположить различие между этими случаями, когда жизнь человека закончена, если он попадает под поезд или иным насильственным образом находит свою смерть, а другой, в свою очередь, заканчивает жизнь в глубокой старости или умирает от болезни. Можно предположить далее, что должно быть различие между рано завершённой жизнью вследствие болезни или в глубокой старости.

Конечно, даже в этих случаях детали различны, но можно также получить определённые подсказки. Прежде всего, мы спрашиваем себя: что такое насильственная смерть? На этот вопрос можно ответить только, если смерть рассматривают не отсюда, не из физической земной жизни, а если посмотреть на неё с другой стороны, с которой её видит человек, прошедший врата смерти. В уже напечатанных лекциях я упоминал, что смерть, рассматриваемая с другой стороны, со стороны мира, в который умерший вступает через врата смерти, является самым значительным событием, являющим развоплощённому умершему человеку, как жизнь всегда одерживает победу. Непосредственный взгляд на смерть с другой стороны является величественным и грандиозным, он присутствует постоянно, но он также означает, что между смертью и новым рождением в нас существует устойчивое сознание «Я». Как здесь наша память, возвращающая нас вплоть до определённого пункта в физической жизни, даёт нам сознание «Я», так и взирание на смерть с другой, духовной, стороны между смертью и новым рождением даёт нам сознание «Я».

Собственно говоря, что происходит, когда созерцание смерти вызвано тем, что насильственное окончание жизни привело к смерти? Наблюдаемое с другой стороны насильственное окончание жизни является переживанием, ощущением, имеющим серьёзные последствия, и как бы странно это ни звучало, исследуя эти вещи, приходят к следующему: временные обстоятельства в своём действии на переживания души являются совершенно иными в духовных мирах, в которые мы входим через врата смерти, чем здесь, хотя некоторые обстоятельства уже здесь напоминают нам о том,

что проявляется гораздо более всеобъемлющим образом на той стороне между смертью и новым рождением.

Если теперь я хочу объяснить, в чём заключается дело, то я хотел бы прибегнуть к сравнению, проявляющемуся только тогда, когда человек узнаёт соответствующие факты из духовного мира. Вероятно, Вы знаете, что здесь в физической жизни мы часто можем за короткое время, возможно, за несколько дней или часов получить впечатления более значимые для нас, чем переживания длительного времени, месяцев или даже лет. Как много людей вспоминают в своей жизни важное событие, пережитое ими за короткий промежуток времени здесь в физическом мире, принесшее им больше результатов внутренних переживаний, чем за месяцы или годы. Люди часто выражают это такими словами: «Я никогда не забуду то, что пережил тогда». - На заднем плане этой простой фразы часто скрывается то, что я сейчас охарактеризовал. Итак, действительно верно то, что впечатление, полученное человеком благодаря тому, что внешний мир, мир, не принадлежащий ему, в относительно короткое время отнимает у него физическое тело, это может быть один единственный миг, для жизни между смертью и рождением сжимающий то, что может быть настолько же богатым как и то, что мы получаем в неторопливой земной жизни, которую мы, возможно, могли бы ещё прожить на протяжении десятилетий. Я в определённой мере имею в виду не всё, что мы пережили в земной жизни; но определённые вещи, необходимые нам как силы для жизни между смертью и новым рождением, для которых происходит так, что на самом деле то, что в противном случае распределяется на более длительное время, может сжаться, так сказать: в одно мгновение. Это совершенно иное переживание, когда в некотором смысле видят приближение смерти с помощью подсознания благодаря тому, что проявляются внутренние силы, приводящие к смерти изнутри организма, или благодаря действию на организм сил, не связанных с самим организмом. В свою очередь, теперь такая смерть находит подлинное, настоящее объяснение только благодаря тому, что мы рассматриваем её во взаимосвязи со всем ходом человеческой жизни на протяжении повторяющихся земных жизней; затем Вы можете из того, что я говорил о связи сознания «Я» после смерти и созерцания смерти, с лёгкостью сделать вывод, что само восприятие смерти является чем-то очень важным для силы и интенсивности, которыми мы обладаем для сознания «Я» между смертью и новым рождением.

Рассматриваемые отсюда, из физической жизни обстоятельства, кажущиеся случайностями, отнюдь не являются случайностями, но находятся в мире по необходимости. Здесь может показаться случайностью, что человека сбил поезд; при рассмотрении с другой, духовной, стороны это не кажется случайностью. Зададим вопрос с другой, духовной, стороны, если я могу так сказать, хотя, конечно, это можно сделать только в качестве сравнения: «Как воспринимается такая насильственная смерть в совокупности человеческих земных жизней?» - тогда обнаружат, что в

истекшие периоды, которые человек переживал через повторяющиеся земные жизни и жизнью между смертью и новым рождением вплоть до этого несчастного случая, он благодаря различным обстоятельствам сформировал для чисто духовного мира такое сознание «Я», которое нуждалось в усилении и укреплении. И это усиление происходит благодаря тому, что человек заканчивает физическую жизнь не изнутри, а извне. И мы должны учитывать то, что мы находимся в отношениях, порождаемых благодаря нашим идеальным силам в душе, не только с окружающей средой; мы можем только в самых редких случаях догадываться, но обычно не знаем, что думает наше подсознание. Я часто обращал Ваше внимание на то, что жизнь мысли не прекращается на пороге сознания, но что человек может беспрестанно вести мысленную жизнь в подсознании, и даже можно сказать сверхсознании. Только человек совершенно не может подумать, чем для него может стать это всеохватывающее сознание. Можно было бы спросить любого человека: «Почему Вам не встретился сегодня с утра тот или иной несчастный случай?» - Для каждого человека существовала бы возможность, что он пострадает в том или ином несчастном случае. Иногда, конечно, для человека выступает навстречу, я хотел бы сказать, лишь половина того, как обстоят дела; но в самых редких случаях видят взаимосвязи. Иногда у человека появляется определённое нежелание, делать то или иное. Например, человек идёт на какое-либо дело на полчаса позже, и затем отмечает нечто, что произошло по пути, что могло бы случиться с ним самим, если бы он вышел на полчаса раньше. Тогда действовало подсознание; тогда подсознание позволило ему задержаться. Такое действие подсознания всегда здесь присутствует, только для человека оно не ощутимо.

Именно для человека, который может наблюдать обстоятельства в мире с точки зрения духовной науки, совершенно ясно, что того, кто встречается с несчастным случаем, не охраняет добрый гений, действующий в его подсознании, однако он встречается с этим несчастным случаем, потому что он подталкивается к этому несчастному случаю благодаря необходимости своей кармы. Потому что, если бы этот несчастный случай не наступил, то не смогло бы произойти именно то, что я охарактеризовал: необходимое для него укрепление его сознания «Я» благодаря обозначенному способу. Человек вживается в определённую земную жизнь благодаря рождению в обстоятельствах, в которые он поставлен. Он вживается в неё, но принимая во внимание, что он, глядя на себя самого в последней жизни между смертью и новым рождением, видел, что силы его «Я» определённым образом ослабели. Это стремление укрепить своё «Я» живёт в нём и соединяет его с обстоятельствами, порождающими несчастный случай. Эти вещи следует рассматривать таким образом, глядя на эти вещи Вы видите, что жизнь обретает взаимосвязь, если наблюдать её с точки зрения духовно-научного познания.

Я часто подчёркивал то, что люди недостаточно задумываются об изменениях, произошедших в развитии человеческой души за относительно короткое время. Большинство, в частности те, кто инфицированы сегодняшней учёностью, просто представляют себе жизнь души на протяжении столетий такой же, какова жизнь души сегодня. Как мы знаем, это представление совершенно ошибочно. Тон и содержание жизни души людей в самом сокровенном существенно изменились. И то, что духовная наука должна снова вынести на поверхность из определённых источников в таком понимании жизни, как было обозначено, это в совсем недавнее время ещё присутствовало в душе больше как атавистическое ясновидческое настроение. Люди обладали определённым предчувствием взаимосвязей жизни. Но человечество шагнуло вперёд, и такие предчувствия угасают. Но так как эта древняя взаимосвязь с духовным миром для людей в ходе развития частично уже утеряна и теряется всё больше и больше, так же всё больше становится необходимым, чтобы люди через непосредственное духовное исследование снова обучились своей взаимосвязи с духовным миром. С этим связано то, что духовная наука выступает именно в это время. В более ранние времена она не была необходима, потому что человечество не стояло на такой ступени развития души. Начиная с нынешнего времени, по описанным причинам она является необходимой и будет становиться всё более и более необходимой.

Давайте также подтвердим это утверждение определёнными конкретными фактами. Сегодня существует лишь небольшое количество людей, воспринявших в свои души духовную науку в жизни между рождением и смертью. Я говорю не о духовных исследованиях, а о духовной науке: представлениях и идеях, принесённых духовной наукой. То есть благодаря этому человек узнаёт нечто о духовном мире в этой жизни между рождением и смертью. Это не лишено значения для жизни, в которую вступает человек, когда проходит через врата смерти. И опять же факт, на который я сейчас хочу указать, существует только в наше время. Если мы вернёмся в более ранние времена, мы всё ещё обнаружим древнее наследие человечества во взаимосвязи с духовным миром. Человек проходил через врата смерти, и, потому что благодаря предчувствию, атавистическому ясновидению и тому подобному обладал определённой взаимосвязью с духовным миром, он обладал чем-то общим между жизнью здесь в физическом теле и жизнью, в которую он вступает, когда проходит через врата смерти. По моему мнению то, что человек инстинктивно знал нечто о духовном мире, порождало то, что он по ту сторону врат смерти обладал большим, чем просто суммой мыслей, воспоминаниями о жизни на Земле. Так как особенностью, всё больше и больше выступающей в человеческой душе, начиная с сегодняшнего времени, является то, что эта человеческая душа будет проходить через врата смерти и будет связана с Землёй только благодаря воспоминаниям. Мы в определённой степени вспоминаем о нашей жизни на Земле здесь, и благодаря тому,

что мы обладаем этими воспоминаниями о земной жизни после смерти, мы ещё связаны с жизнью на Земле. Таково это в случае самого жёсткого, самого радикального образа мыслей для современного человека, который не может воспринять никаких представлений о духовном мире из духовной науки. Если он воспринимает такие представления, то эти представления после смерти формируют нечто, что делает его способным, не только обладать воспоминаниями о его жизни, но и смотреть в эту земную жизнь. После нашей смерти то, что мы воспринимаем в свои представления до смерти, становится способностью. В некотором смысле после смерти из духовного мира в физический мир открываются окна на всё то, что находится здесь в физическом мире, благодаря тому, что здесь усваивают представления о духовном мире. То есть мы проносим определённые результаты из этой духовной науки через врата смерти.

Таким образом то, что мы усваиваем из духовной науки это не просто хорошие мёртвые знания, а жизненное благо, нечто, что продолжает жить, когда мы проходим врата смерти. Хотя, конечно, эта духовная наука в том смысле, как я уже часто описывал, уже является мощным жизненным благом, потому что умерший сознательно живёт сам по себе в наших мыслях, именно благодаря нахождению в духовной науке мы можем нечто сделать для умершего. Это касается того, что я уже часто говорил о чтении для умерших. Умерший пребывает в наших мыслях, он смотрит на наши мысли. Если эти мысли таковы, что мы их питаем, переживая духовно-научный ход мыслей, то есть мы читаем в мыслях для умершего или рассказываем ему нечто, что мы знаем или думаем о духовных мирах, тогда умерший пребывает с этими мыслями, которые мы адресуем ему здесь посредством духовной науки. И так как мы адресуем их ему, это создаёт узы притяжения между этим миром и тем. Таким образом, в определённой степени мы можем благодаря тому, что духовная наука является чем-то живым, отправить животворящую силу, которая может дать пищу умершему, пребывающему с нами.

То есть мы видим, что таким душевным образом духовная наука действительно побеждает в жизни смерть. Единение, которое в противном случае не может быть столь интенсивным образом создано в нашем сегодняшнем временном цикле между живым и умершим, создаётся благодаря тому, что мы здесь наполняем себя мыслями, признанными из духовной науки, и они, при взирании на умершего, в определённой мере достигают его. Духовная наука является именно тем, что оживляюще вступает в жизнь, в то время как те знания, которые приобретены в качестве привычной науки о физическом мире, заключаются только в мыслях, которые имеют значение лишь для времени между рождением и смертью, но для жизни после смерти означают только воспоминание, которое не имеет оживляющего воздействия. На это различие, пожалуй, следует обратить внимание.

Но теперь необходимо учесть следующее, именно тогда, когда желают обдумать, какое значение имеет духовная наука для сегодняшнего и будущего развития человеческого духа. Не только то, что мы здесь получаем в духовной науке или достигаем умершего, создаёт наш путь из физического мира в духовный, но и то, что мы проносим через врата смерти, овладевая духовно-научными знаниями, которые в свою очередь действуют обратно из духовного мира на земной мир. И этот земной мир, который мы не должны упускать из виду, постепенно истощается благодаря силам, которые могут исходить от самой Земли или которые люди развивают на Земле только благодаря жизни между рождением и смертью. Если бы на Землю не изливались никакие другие силы, кроме изливавшихся до сих пор, то земная жизнь обеднела бы. Хотя и сегодня ещё можно увидеть, как люди живут бездумно и не обращают внимание на то, что земная жизнь постепенно оскудевает.

Впрочем, это проявление - я уже также подчёркивал это во многих местах -, означает истину не только для духовной культурной жизни людей, но даже для самой физически-плотной земной жизни. Человек читает прекрасную книгу по геологии Эдуарда Зюсса «Das Antlitz der Erde» («Облик Земли») и узнаёт из неё, насколько Земля в отношении своей физической поверхности была ранее совершенно иной, чем сейчас, насколько она в определённой степени как земная поверхность омертвела в себе, и сегодня в привычной физической земной поверхности уже более нет таких сил, которые существовали на протяжении прежних временных периодов. Поверхность Земли разрушается. Но здесь в физической жизни имеет место то, что происходит также в духовной жизни. И как уже говорилось, часто прискорбно видеть, как люди неосознанно смотрят на это. Для духовной жизни происходит так, что описывая путь, по которому идёт человечество, следует сказать: несмотря на пронизывающее наше время высокомерие, обнаруживается, что мысли людей становятся всё менее живыми, всё более мёртвыми и даже всё более бессвязными. Конечно, люди сегодня гордятся своим мышлением. А насколько высоко поднявшимся над Платоном кажется себе тот или иной учитель гимназии, когда объясняет своим ученикам учение Платона! В то же время высокодуховный писатель Хеббель написал в своём дневнике, что хотел создать драму, которая однако не была написана, в которой героем должен был бы стать перевоплощённый Платон, которого наказывают в гимназии за то, что он читая Платона совершенно его не понимает. В определённой мере люди пришли бы к разрыву своей мыслительной системы, если бы эта мыслительная система не была бы обновлена благодаря мыслям, рождённым из духовно-научного познания. Как бы странно это сегодня не звучало, истинно следующее: та интенсивная сила, в которой нуждается человек, чтобы правильно постигать мысли таким образом, чтобы они имели реальную ценность, она слабеет, потому что человек должен стать независимым, должен обрести собственные силы. Поэтому я мог бы в определённой мере сказать, что боги и духи, ранее инспирировавшие человека в отношении связи

мыслей, отступают в сторону, и человек должен самостоятельно вновь внести оживляющий элемент в свои мысли. Но он внесёт его только если не будет слишком высокомерен для того, чтобы воспринять в себя ту жизнь, которая может струиться из духовной науки.

И так же как с мыслями происходит и с чувствами, и с волевыми импульсами. Волевые импульсы человечества будут становиться всё более своенравными. Буквально можно сказать — всё больше и больше будут отделяться от всеобщего человечества, если не прививать те великие, всеобъемлющие импульсы души, которые могут возникнуть только из воззрений на духовную взаимосвязь физических вещей. Таким образом, я говорю серьёзные истины о развитии человека в будущем; но этими истинами должны быть пронизаны те, кто занимается духовной наукой. Потому что духовная наука должна стать не просто мёртвыми хорошими знаниями, удовлетворяющими наше любопытство, а духовная наука должна стать тем, что желает вступить во взаимосвязь вещей, с которыми человек встретится в будущем. Но для этого человек должен осознать, какие системы сил ослабевают и должны быть заменены другими. Я говорил: «Земные силы человека ослабевают, если ничего не вольётся из духовного мира». И то, что мы получаем из знаний духовной науки и проносим через врата смерти, даёт нам между смертью и новым рождением не только лишь силу сформировать нашу жизнь между смертью и новым рождением, но даёт нам силу, позволяющую духовным силам спускаться на Землю. И всё больше и больше должно будет происходить так, что те люди, которые живут здесь на Земле, будут воспринимать то, что нисходит от проникнутых духом душ, прошедших через врата смерти, и то, что они отсюда взяли с собой, в свою очередь, направят в те преобразования, которые они переживают благодаря тому, что вступают в духовные миры.

Таким образом, первым способом, которым должны отсюда из физического мира оказывать воздействие в духовный, является работа ради умерших, чтение для них и направление к ним мыслей о духовной науке; вторым способом являются действия для обогащения развития Земли благодаря тому, что позволяют нисходить из духовного мира тому, что пронесли через врата смерти и получили во время пребывания в физическом мире. Тогда это является особенным фактом, что физический мир может принять то, что приняло преобразованную форму благодаря тому, что в физическую жизнь внесли через врата смерти в качестве приобретённого духовного блага, и в духовном мире произошла метаморфоза и затем в качестве такой метаморфозы, в свою очередь, излилась вниз.

Мы работаем над нашей кармой для себя самих так, что эта карма осуществляется в повторяющихся земных жизнях каждый раз между рождением и смертью; но над всеобщей кармой человечества, соединяющей поток жизни, утекающий здесь на Земле, и поток жизни, вливающийся из духовных миров, в этой общемировой карме

мы работаем с помощью тех сил, которые мы развиваем, выходя за пределы наших собственных потребностей между смертью и новым рождением. Таким образом, мы видим, насколько необходима духовная наука, насколько необходимо, чтобы души людей перерабатывали её не только для исцеления этих отдельных человеческих душ, но также для исцеления развития всего человечества на Земле. Исходя из духовного мира мы работаем над нашей будущей земной жизнью, как я уже говорил вчера на открытой лекции, когда мы до нашего рождения вживаемся в отношения наследования сквозь поколения. Но мы также принимаем участие в том, что касается не только нас в будущей земной жизни, но также в том, что касается всего человечества. Мысли, которые я таким образом высказываю, являются такими, которыми следует совершенно особо пронизать себя, я хотел бы сказать: над которыми следует медитировать; потому что эти мысли являются такими, которые приводят человека в полные жизни душевные и духовные отношения с окружающим миром.

И в качестве противоположа я хотел бы Вам теперь показать, как мир сегодня всё ещё судит о том, что открывается именно духовной наукой, и как мир занимает именно ту точку зрения, которая могла бы породить то, что я охарактеризовал как, так сказать, усыхание мышления, как разрывание и потерю взаимосвязи мыслей. Соответственно в других областях обнаруживается иное. Особенно те, кто сегодня часто приводят громкие слова о тех или иных вещах, они действуют напрямую через своё высокомерное неприятие той взаимосвязи с духовным миром, о которой говорит духовная наука, они действуют непосредственно в направлении этой безнадежной ситуации, которую мы уже можем наблюдать сегодня, именно в отношении мира мыслей. Разрешите мне привести один пример.

Собственно говоря, здесь, в свою очередь, появляется популярное собрание; сегодня появляется так много популярных собраний, на которых человек может узнать, что вся мудрость была обнаружена теми людьми, которые говорят: «Большой радостью является погружение в дух времени» и так далее и затем «...замечательно, наконец, так далеко продвинуться»: конечно, сегодня существует много средств для этого. Я хочу обратить Ваше внимание на небольшую книгу этого собрания, посвящённую религиозным вопросам современности. Там эти религиозные вопросы трактуются весьма своеобразно. Сначала со всем высокомерием использующейся мудрости современности указывают, насколько человек не может быть удовлетворён, когда ему позволяют узнать только то, что изучает естествознание, то есть когда он обладает лишь натуралистической картиной мира; затем далее показано, насколько человек не может признать себя удовлетворённым, обладая только моральной картиной мира, чтобы потом подняться к тому, что теперь автор этой брошюры называет своей религиозной картиной мира. Эта простая картина мира, отказывающаяся от моральных требований, очень резким образом обличает именно

этого теолога. Он говорит: «Пессимизм, в который часто впадает наше время, не является чем-то безосновательным, а исходит из живой трагедии жизни, которую, впрочем, чувствовали во все времена». - И этот теолог обращает внимание на то, как этот пессимизм познания давал о себе знать в различное время. Человек благодаря своим мыслям приходит к вере в то, что человек не может ничего узнать, что, по сути, стремление к знанию никогда не может быть удовлетворено. В то же время он приводит как пример важных авторитетных лиц, к которым, вероятно, следует прислушаться, например Плиния Старшего, величайшего римского естествоиспытателя, который говорил так: «Человек — существо полное противоречий, самое несчастное из всех созданий, поскольку остальные живые существа не обладают потребностями, выходящими за пределы природы. Но человек полон идущими в бесконечность желаниями и потребностями, которые никогда не смогут быть удовлетворены. Его природа есть ложь, величайшее убожество в сочетании с величайшим высокомерием. Перед лицом такого огромного порока наилучшим из того, чем Бог наградил человека, является то, что он может лишиться себя жизни».

Таких высказываний можно привести огромное количество. Сенека, мудрый Сенека, к примеру, говорит: «Многие образованные люди устали постоянно видеть одно и то же, делать одно и то же, они не ненавидят жизнь непосредственно, но чувствуют к ней отвращение, которое под влиянием философии охватывает их всё больше и больше. Они говорят: как долго ещё будет длиться постоянно одно и то же. Это нестерпимо тривиально вставать и ложиться спать, испытывать голод и жажду, замерзать и снова согреваться. Ничто не заканчивается, а находится в непрекращающемся круговороте. Все являются одновременно беглецами и преследователями. День следует за ночью, а ночь за днём. Лето превращается в осень, осень должна уступить зиме, и власть зимы также уничтожается. Всё исчезает, чтобы повториться. Я не вижу ничего нового, я не делаю ничего нового, того от чего я не устаю».

Так говорил мудрый римский философ Сенека. Конечно, наш теолог полагает, что в этом есть доля истины; но его это мало интересует. В таком случае он обращает внимание на тот пессимизм, возникающий благодаря тому, что человек больше отдаётся своим чувствам. Поэтому он считает, что в буддизме заключён пессимизм: «Жизнь есть страдание»; тогда, глядя на жизнь, воспринимают сумму страдания и боли как зло, а на другой стороне — сумма радости и счастья. Первое гораздо больше, поэтому человек становится пессимистом. Жизнь в целом рассматривают как зло. Конечно, как Шопенгауэр, так и Эдуард фон Гартман делали это. Опять же наш теолог считает, что у людей много оснований для этого; но далее ему это не интересно. Его больше интересуют этические основы пессимизма, он говорит: «Это вполне оправдано, если рассматривают жизнь, не зная о том, что она пронизана тем, что он

называет «Царством Божиим», тем, что он называет содержанием религиозного вероучения». И тогда наш теолог констатирует две вещи. Во-первых, человек устанавливает требование либо согласно Канту, либо согласно Шлейермахеру обязательно следовать моральному закону, закону, строго ограничивающему человека. Но, с другой стороны, человек подвластен своей природе, инстинктам, склонностям и вожделениям. И теперь наш теолог констатирует: «Человек никогда не сможет полностью преодолеть эти инстинкты и вожделения; но он должен следовать моральному закону; этот моральный закон устанавливает свои строгие порядки. Здесь обязательно возникает конфликт. Он должен существовать в жизни, и он здесь присутствует. Это является оправданным пессимизмом». - Человек должен воспринимать жизнь пессимистически, если смотрит только с точки зрения моральных требований. Это - жизнь, рассматриваемая с точки зрения моральных требований: каким образом человек помещён между этими моральными требованиями и своей природной жизнью. Но даже если человек взирает на отдельные обязательства морали, то отмечает, насколько оправдан пессимизм. Этот теолог говорит: ведь человек часто чувствует себя в соответствующих жизненных ситуациях находящимся именно в моральном конфликте, и этот человек приводит примеры таких моральных конфликтов в отношении известных личностей.

Позвольте представить Вам лишь один пример: «Лютер», - говорит наш теолог — который как никто другой познал своё предназначение и подробно своими глазами увидел тот путь, который он должен был пройти для Реформации церкви и людей, оказался перед этой дилеммой — дилеммой он называет несовпадение этих обязательств — «в тот момент, когда столкнулся с вопросом, должен ли он одобрить двоежёнство Филиппа Великодушного или нет. Поверьте, это был самый трудный конфликт из всех для него. Осудив этот брак, поступив в интересах исключительно человеческого достоинства, он должен был бы отречься от своих самых важных достижений на пути к осуществлению своей реформаторской цели»; если бы он не одобрил этот брак, то великодушный государь не заботился бы о нём в дальнейшем; этот теолог считает, что с Реформацией ничего бы не получилось - «но разрешив этот брак и при этом оставив этот единственный путь свободным, он должен был бы сказать себе, что здесь его душа наткнулась на жало, которое он бы всегда чувствовал. Это — очень трудная дилемма, и человек, не понимающий такой борьбы, является не настоящим историком, а судящим с моральной точки зрения». Но такой борьбы, в которой вступают в конфликт обязательства, человек не может избежать именно в отношении важных для своей жизни вещей, - считает наш теолог. Это обосновывает оправданный пессимизм. Итак, следует сказать: «Для нашего теолога мир, если его рассматривают таким образом, с точки зрения природы, а также с точки зрения морали представляет собой исключительно то, что полностью обосновывает пессимизм».

Теперь наш теолог на свой манер обращается к религии. И в таком случае он говорит, что необходимо обратиться к религии таким образом, чтобы избежать неверных путей, которыми можно пойти. Буддизм, по его словам, желал избежать конфликтов в жизни благодаря тому, что он желал преодолеть бытие в целом, превозмочь физическое как и духовное бытие, увести, как полагает наш теолог, в призрачную нирвану. Платон хотел устранить жизненные конфликты благодаря тому, что материю следует полностью преодолеть благодаря познанию, человек возвышается и устраняет материю; буддизм желает уничтожить всё бытие, а платоники — всю материю. Мистик — а к мистике наш теолог относит помимо того, что укладывается в его голове, естественно, всё, что в мире ещё делает попытки войти в духовный мир — мистик отрицает индивидуальность. Итак: буддист устраняет бытие, платоник — материю, а мистик — индивидуальность. Так как наш теолог представляет себе, что мистик пытается освободиться от чувственности, и вследствие этого приходит к экстазу, отрекаясь от своей индивидуальности и растворяясь в Космосе.

Для нашего теолога все эти пути невозможны. Вместо этого он обращается к тому пути, который он естественно видит как единственно христианский. И тогда он говорит: «Человек должен устремиться от Земли к Царству Божьему». Далее следует некоего рода описание этого Царства Божьего. Это описание Царства Божьего теологом для тех, кто — я не хочу выдвигать никаких других требований — может мыслить только логически, кто ещё не пришёл к тому, что я назвал разрывом, потерей связности мыслительной системы, является прямо-таки глубокой болью из-за бессмысленности, из-за абсурдности и отсутствия связного мышления, присутствующей в этом изображении Царства Божьего. После того как этот человек, как и многие люди современности убрал всё «мистическое» - всё, что он считает мистическим — он находит возможность, чтобы правильно вложить в уста людей — простите за тривиальное выражение — слова; потому что сегодня пользуются всеобщим успехом, когда много рассказывают о том, что людям нет нужды понимать. Людям можно сказать, что всё остальное — ерунда; и затем они будут слушать, как им «доказывают», что это — ерунда и этим нет необходимости заниматься. Затем, в конце концов, говорят — даже если человек делает это бездумно — : «Подлинная, настоящая жизнь есть любовь», - и затем он произносит громкие слова, в которых хотя и отсутствует содержание, но в которых постоянно повторяют о любви, повторяют таким образом, что благодаря этому на самом деле в мир не приходит любовь.

Приблизительно так говорит современный теолог. Так говорят многие. И тогда наш теолог достигает всевозможных познаний, грандиозных познаний, например таких: «Поскольку любовь является наивысшим, то Бог есть любовь». - Что ж, во-первых, в определённых пределах это, пожалуй, не ново, во-вторых, человек может

согласиться с этим. Но то, что речь должна идти о существе, которое любит и которое, потому что оно любит так сильно, можно назвать «любовью», это не совсем то, что причиняет боль нашему теологу. Но теперь он всё же желает представить настоящее христианство. Изначально выражение «Бог есть любовь» означает нечто очень безличное, потому что любовь как таковая, несомненно, безлична. Но теперь для нашего теолога вообще нет особых затруднений, потому что он говорит: «Центром нашей действительности является именно Бог. И ... в действительности дух и любовь едины». В таком случае человек может всё провозгласить единым, если движется подобным образом в своих мыслях! «Потому что любовь есть наивысшая форма духовной жизни». Теперь я обращаю Ваше внимание: в действительности дух и любовь едины; но в то же время любовь является наивысшей формой духовной жизни. Дух и любовь едины; но любовь, в свою очередь, всё же является наивысшей формой духа, то есть опять-таки частью, а часть равна целому! Здесь присутствует самая ужасная форма потери связности мышления! Теперь всё базируется на том, что он исходит из того, что Бог есть любовь. Поэтому он также должен сказать: «Если речь идёт о Божьем гневе и наказании, то это всё следует понимать, в конце концов, как выражение Его любви».

Теперь у нас всё ещё есть возможность воспринимать Бога как любовь, потому что гнев Божий, если он выражается правильно, тоже есть любовь. Бог есть дух; однако Бог есть любовь, дух и любовь есть одно и то же. Гнев также есть любовь, то есть гнев на самом деле тоже должен быть духом. - Таким образом, мы видим, что здесь понятия просто так летят кувырком вперемешку в этом бессвязном мышлении. Но человек всё ещё должен оставаться христианином; поэтому он должен согласно своему мнению писать далее: «Бог не может быть ничем иным, чем любовью, потому что Он должен быть наивысшей формой духа. Это — наивысшая форма мудрости, возникающей здесь; даже самая высокая философия не может выйти за эти пределы. Абсолютная свобода, прекращение любого конфликта, приходящий к самому себе дух, любовь, есть Бог. Поэтому Бог является личностью».

Итак, Бог есть любовь, эта любовь есть приходящий к себе самому дух, поэтому Бог есть личность!

«Конечно, в философии и религии часто оспаривалось то, что Бог наделён личностью; потому что понятие личности родом из земной области и означает очеловечивание Бога. Но это большая ошибка».

И так далее. Вы видите, что делают люди, которые уже полностью впали в то, что можно назвать бессвязностью мыслей; затем это может стать всеобщим, если люди в своём высокомерии отказываются от оживления мира мыслей благодаря принятию духовной науки.

Я хочу привести Вам ещё одну такую же прекрасную фразу. Чтобы людям, слушающим этого теолога, стало совершенно ясно, что им не нужно ничего кроме его

лекций и, конечно, ничего, что подобно науке, желающей указывать на духовную жизнь, он говорит им: «Глупо и бессмысленно ожидать от науки ответа на вопросы о дальнейшей жизни после смерти. Люди, которых это волнует и продолжает волновать, никогда не объясняли себе, что станет с наукой, если она займется такими вопросами, и что при этом потеряет религия, если она позаимствует определённость у науки».

Этот человек делает то, что я Вам сейчас описал. И этот человек в то же время может сказать людям: «Это настолько высокая философия, что он простил бы себе нечто, если бы только признал, что наука также должна нечто сказать о духовной жизни».

Это лишь начало всего того, что ещё будет впоследствии, только начало. И мы также должны учитывать нечто, наподобие того, что было высказано здесь две недели назад. Но человек, о котором я говорю, этот человек «может мыслить». Он упрекал Будду в том, что тот желает помочь человеку преодолеть бытие; он упрекал Платона в том, что тот желает помочь человеку преодолеть материю; он упрекал мистику в том, что она желает помочь людям преодолеть индивидуальность, потому что благодаря этому уничтожили бы личность, человека извлекли бы из его физического тела, в котором ему следует пребывать между рождением и смертью, по мнению нашего теолога. Это - религии освобождения, которые не нужно почитать. Но что делает христианская религия по его мнению, когда она заботится о правильной любви, то есть о том, что он называет любовью? Здесь мы читаем следующее: «Другими словами: в духовной сфере жизни Царства Божьего из моральной воли и действия устраняется сознание, которое в эмпирическом жизненном царстве разрушает состояние свободы даже самых лучших наших поступков».

Итак, Платон желает освободить людей от материи, Будда — от бытия, мистика — от индивидуальности, а наш теолог хочет посредством любви освободить людей от сознательности, чтобы они жили в Царстве Божьем без осознающего сознания. На самом деле такие люди в некоторой степени выступают навстречу со словами: «Господь подаёт своим во сне». Всё же есть нечто, что могло бы, вероятно, этому теологу показаться откровением. Видно, что человек умеет наблюдать жизнь и извлекать опыт из этой жизни. Но другой человек может указать ему, если прочтёт подобные этим прискорбные фразы, на то, что он страдает от бессвязности мышления. Он возразит против того, что становятся мистиком, если хотят преодолеть индивидуальность, в то время как в рамках физической жизни должны находиться именно в природе. Мы не должны недооценивать ограничения в жизни: «В земной жизни их невозможно и не должно отбрасывать».

Так может сказать человек со здоровым рассудком зашедшему настолько далеко в бессвязном мышлении: «В земной жизни их невозможно и не должно отбрасывать». «В земной жизни их невозможно и не должно отбрасывать», - это значит не что иное как: «Ты не можешь взлететь на Луну и не должен взлетать на неё». - Таким образом,

здесь соединяют «можешь» и «должен»! Человек должен увидеть всю испорченность такого мышления в подобных деталях.

Или этот человек говорит в отношении внутренней жизни: «Он желает ограничить христианскую жизнь только тем, что называет Царством Божьим». Природу не следует понимать духовным образом, потому что человека поместили в природу, он не знает каким образом, но при этом следует оставаться человеком: не зная каким образом его поместили в природу. Поэтому он говорит: «И это будет для Иисуса Царством Божьим, когда отсюда сотрут все символы и образы».

Теолог убирает то, что Иисус говорил о Царстве Божьем в значимых символах и образах, это для него неприятно. «Этот наивысший мир является таким, который ставит Иисуса над моральным мировым порядком. Он является тем, о чём теолог постоянно говорит; сюда люди могут войти, не отказываясь от своих отношений с природным порядком, но также не отказываясь от своей принадлежности к моральному миру. Здесь всё преобразуется, здесь прекращается конфликт, возникающий между миром природы и моральным миром. Он разрешается посредством любви. Отношения человека с природой являются необходимостью, которую он не может изменить; здесь моральное решение не помогает; человек должен вступать в царство природы посредством рождения — никто не спрашивает, хочет ли он родиться».

Таким образом теолог помогает человеку понять мир. И затем он говорит далее: «Он» - человек - «рождается в судьбе этого мира событий в силу механической необходимости, в силу наивысших распоряжений, которых он не понимает».

Это называется христианством! Человек рождается в физическом мире «в силу механической необходимости, в силу наивысших распоряжений, которых он не понимает». Для этого человека механическая необходимость, необходимость машины подобна «силе наивысших распоряжений». Это говорят, это высказывают сегодня в мире те люди, которые чувствуют себя призванными и те, кого призывает мир, чтобы принести истинное христианство людям. И это происходит в мире таким образом, что мы во вступлении можем сразу прочесть: «Содержание этой книги состоит из двенадцати лекций, прочитанных прошлой зимой в ...» - здесь указывается город, который я не хочу называть - «перед аудиторией, состоящей из более чем тысячи слушателей».

Конечно, необходимо, чтобы люди, желающие серьёзно заниматься духовной наукой обратили внимание на то, что на самом деле присутствует в нашей жизни; потому что даже когда порой серьёзными и глубокими словами указывают на необходимость духовной науки, то это происходит потому, что те люди, которые могут сделать это, должны в настоящее время осознать, насколько эта духовная наука является требованием времени и какого рода духовное состояние в лагере тех, от кого исходят протестующие голоса.

Я сегодня описал Вам одного человека — книга не очень категорично направлена против нашей духовной науки —, как пример общего проявления времени. Духовная наука в ней не упоминается, потому что она для этого человека, с которым я лично знаком, является чем-то в высшей степени незначительным, что не упоминается в дальнейшем, что, конечно, только в общем ощущается таковым под словом мистика. Но здесь мы видим человека, весьма известного в своей области, считающегося одним из самых авторитетных людей, и который в своей мыслительной системе, если её проверить, навязывает человечеству такие вещи, которые тысячи и тысячи людей не замечают, потому что не рассматривают эти вещи правильным образом.

Но нас должны пронизать не только отдельные определённые истины о духовном мире, а мы должны пронизать себя также осознанием того, насколько необходимо, чтобы оживляющие познания, оживляющее слово заняли своё место в развитии человечества. Потому что уже заметно, что в отношении социальной области, в отношении прочих областей жизни, в которых человечество зашло в тупик, также из духовных предпосылок исходит то, что его кармой главным образом является бездумность. В наше время бездумность во многом более всеохватывающая, чем полагают люди. И правильное восприятие Вашими чувствами задачи духовной науки будет зависеть от того, наблюдает ли человек этот мир открытыми глазами и прилагает ли действительно усилия, чтобы сформировать здоровое суждение об этом мире. Поэтому сегодня было необходимо, чтобы я в начале своей лекции не только непосредственно исходя из содержания духовной науки рассказал нечто, что может объяснить важные взаимосвязи в жизни, но я также должен был пролить свет на противоположный, проявляющийся, когда человек смотрит на то, во что должна быть внесена духовная наука. Так как Вы услышите ещё очень много голосов, подобных охарактеризованным вчера, из лагерей всевозможных толков, будь то религиозные деятели, учёные или другие люди, которые считают духовную науку бессмыслицей, нелепой фантазией и которые, несмотря на то, что являются известными людьми современности, даже не умеют ясно мыслить и возвещают миру это неумение думать, которое ведёт к ущербу и бедствию для человеческого развития. Человеку необходимо только увидеть эти вещи в правильном свете. И в определённой степени человек обязан увидеть их в правильном свете, если ему по-настоящему надлежит связать себя с духовной наукой, чтобы согласно данному кармой местом в жизни сделать всё возможное, чтобы соответствующим образом придать духовной науке ту ценность, в которой она действительно нуждается не для себя, а для развития человечества. Тогда то, в чём она нуждается, возникает из описания такого противоположного. Таких описаний, действительно, можно было бы дать много, довольно много.

Лекция шестая

Жизненная ложь современного культурного человечества

Санкт-Галлен, 26 октября 1916 г.

Сегодня в нашей литературе уже существует богатый, обстоятельный материал, из которого мы можем узнать о различных фактах, которые духовная наука способна извлечь из сверхчувственных миров, и наши ветви могут работать с этим материалом. Поэтому рекомендуется, чтобы мы при личных встречах также говорили о том, насколько этот материал может вступить в отношения с нашей душевной жизнью, каким образом мы вносим его в жизнь, как мы сами можем в жизни благодаря ему получить обновление, возвышение, усиление, одним словом, рекомендуется, чтобы мы в определённой степени больше обращали внимание на вопросы нашего духовного движения при любой возможности, потому что мы, конечно, согласно природе вещей очень редко имеем возможность встречаться лично.

Многие из Вас заметят, что углубляясь в духовную науку или Антропософию, испытывают различные трудности. Разве не правда то, что человек изначально приходит к духовной науке из-за потребностей своей души потому, что душа должна задавать вопросы о самых важных загадках жизни. Главным образом человек приходит к духовной науке, когда наблюдает сегодняшнюю жизнь вместе со всем, что она может дать, и видит как мало различные духовные направления, будь они религиозными или научными, могут действительно дать удовлетворительные в более глубоком смысле ответы на великие загадки жизни. И затем, когда человек влился в это духовно-научное движение благодаря своей жажде познания, благодаря своему стремлению к познанию, когда некоторое время углублялся в то, что до сего дня было извлечено в познании из духовных миров, тогда, на самом деле, часто возникают трудности, трудности самого разного рода. Конечно, для каждого человека они разные, поэтому их не очень легко описать в нескольких словах. Наши друзья часто говорят: «Благодаря тому, что я влился в духовную науку, конечно, я достиг чего-то чрезвычайно ценного, чего-то значимого для жизни; однако, оно также определённым образом изолировало, отдалило меня от воззрений и общества прочих людей, это также в известной мере усложнило мою жизнь». Особенно сильно чувствуют это те,

кто по своей природе в своих духовных устремлениях зависимы от мнения внешнего мира. Поэтому действительно возникают многочисленные трудности.

У других друзей, которые некоторое время углублялись в духовную науку, проявляется нечто, хотелось бы сказать наподобие опасения, нечто, что вызывает беспокойство, пугает относительно всевозможных вопросов: «Как человек может справляться с жизнью и так далее». - Несомненно, многие из Вас должны были задавать себе подобные вопросы. Такие вопросы часто являются вопросами чувств и ощущений. В сегодняшнем рассмотрении я хотел бы коснуться таких трудностей во внутренней жизни души.

Правильную связь этих разнообразных ощущений, которые могут быть разными у каждого человека, эти реальные взаимосвязи люди иногда понимают неправильно. Человек всегда должен учитывать: сегодня мы как люди, чувствующие притяжение к антропософским истинам, ещё представляем собой в действительности небольшую группу. Мы находимся внутри жизненной борьбы, ведущейся за пределами нашего круга средствами, абсолютно отличающимися от наших. А люди, которые лишь в малой степени обращают внимание на то, чем Антропософия желает стать для жизни, ещё сумеют отметить насколько в корне различаются цели мышления, чувства и воли под влиянием идей Антропософии от тех целей, которые ставит себе сегодня гораздо большая часть человечества. И так как мысли и чувства являются реальными фактами, то мы должны понимать, что наша небольшая группа, то есть каждый из нас, при этом находится в относительно мало распространённой по величине силе по отношению к тому, что можно прямо назвать в большинстве случаев совершенно противоположными мыслями, ощущениями и чувствами остального человечества. Даже если возникающие у нас жизненные трудности принимают самые различные формы и не сразу обнаруживают, что связаны с тем, что я сейчас описал, то они всё же связаны именно с этим; и мы должны попытаться провести перед своей душой то, каким образом мы сможем справиться с такими трудностями, трудностями, возникающими как раз благодаря тому, что человек соблюдает верность и преданность делу Антропософии, но и благодаря тому, что он вступает в конфликт с остальным миром.

Как говорится, обстоятельства завуалированы, и они не всегда проявляют истинный облик. Ясное, правильное воззрение об отношениях, в которых те, кто исповедуют Антропософию или интересуются ею, находятся с остальным миром является тем, что мы в определённой мере должны внести в нашу душу как целительное средство, чтобы всё больше и больше находить внутреннюю гармонию, несмотря на протесты внешнего мира, благодаря чему мы должны сделать душу сильнее, чтобы она переросла то, что в ней часто проявляется чувством опасения в качестве дисгармонии. Формирование ясных, чётких мыслей об этих вещах так очищает нашу душу, чтобы мы смогли стать сильными, даже когда нас осаждают

внешние противоречащие силы. Если человек посмотрит иначе на эти вещи таким образом в узком круге понятий, то может сказать: «Да чем же это мне ещё поможет, если я теперь действительно ясно понимаю то, что отделяет Антропософию от остального мира? Благодаря этому мои условия жизни не станут иными!» - Думать таким образом было бы ошибочно; потому что эти условия жизни, возможно, в одночасье не станут иными благодаря ясному мышлению, мышлению, дающему понимание, однако та сила, которую мы приобретаем благодаря такому ясному мышлению в указанном сейчас направлении, эти ясные мысли, они постепенно настолько усиливают нас, что они на самом деле меняют наши условия жизни. Только порой мы ещё не имеем возможности развить действительно ясное, чёткое и поэтому достаточно сильное мышление в этом направлении.

В отношении того, что мы желаем достичь посредством духовной науки или Антропософии, и что мы желаем достичь не только для нас, но для мира, — и нам необходимо провести это как ясную мысль перед душой — культура человечества живёт в ужасной, более или менее сознательной лжи, и воздействие этой лжи в культуре человечества ужасает. На самом деле в этих словах говорят нечто совершенно многозначительное, и мы желаем именно этот пункт осветить более подробно.

Пожалуй, человек как действительно мыслящий человек в здравом рассудке вряд ли может, рассматривая то, что сегодня существует во всеобщей культуре в так называемом культурном мире, не понимать, что этой культуре многого не хватает, что эта культура не обладает достаточными жизненными импульсами прежде всего для себя самой. Но при этом в этой культуре присутствует многое из совершенно необузданных идеалов. Не всё, что существует в наше время, является идеалами, как их называют люди, ради которых основывают союзы и объединения, которые формируют программы, и эти программы будут выражать те или иные цели! Это всё считают неимоверно хорошим, считают таким, о чём можно сказать: «Те люди, которые объединились в маленький или большой союз, состоящий из представителей всех слоёв и кругов жизни под влиянием тех или иных идеалов, хотят добиться благих целей исходя из своей точки зрения, и следует уважать образ мыслей этих людей». Но чаще всего эти люди живут под давлением сдерживающего влияния определённого ограничения, исходящего из бессознательной нерешительности, бессознательной духовной трусости, именно в отношении самых важных вещей, в которых человечество сегодня нуждается. Мы говорим: самые важные вещи! Человечество сегодня нуждается в духовном познании и внесении в нашу жизнь определённых духовных понятий.

Конечно, это был важный вопрос, особенно в XIX веке. Вы знаете, что существуют духовные законы, законы о духовных мирах. Определённые люди знали об этом всегда и, конечно, в XIX веке, когда ещё не появилась духовная наука в том

виде, в котором она выступает сейчас, существовали так называемые оккультные общества, более или менее достойные этого имени, которые различным образом желали сохранить оккультные истины, духовные истины и которые также обладали определённым пониманием того, что означают для мира духовные истины. Собственно говоря, именно в середине XIX века наступил кризис в отношении самых глубоких импульсов новейшего развития человечества. Этот кризис произошёл из-за особого возрастания материализма во всех областях, в области познания и в области жизни. Материализм достиг высшей точки. Конечно, мы знаем, что появилось множество людей, желавших обосновать всеобъемлющее мировоззрение исходя из естественно-научного материализма. Но самым пагубным был ещё не этот теоретический материализм, а практический материализм, тот материализм, который, главным образом, проник в этическую и социальную жизнь, а также в чувства людей, он является тем, что привело человечество к кризису в XIX веке. И те люди, которые всё ещё нечто знали из уже упомянутых более или менее достойных этого имени оккультных обществ, в частности по этой причине в середине XIX века обратили внимание на то, каким образом можно было бы совладать с нарастающим материализмом. В определённых кругах, обладающих духовно-научным пониманием, - только не в тех, где можно действовать в одиночку, а в тех, которые стремятся к той форме, к которой мы со всей скромностью пытаемся приблизиться, - то есть тех, кто владеет традиционным или иным не соответствующим времени духовно-научным пониманием развития человечества, люди спрашивали себя: «Как мы можем совладать с тем, что подобно бедствию забрезжило над современным человечеством из-за материализма?» - И они сказали себе: «Мы совладаем с ним благодаря тому, что дадим людям доказательства того, что так же как в нашем окружении присутствуют чувственные факты, так же существуют и духовные факты и духовные существа». - Но, я хотел бы сказать, что люди только освоились в мышлении опытным путём и во внешнем переживании и восприятии. И таким образом эти люди с духовно-научным пониманием, у которых были тревоги подобные описанным, не нашли иного выхода, как привести доказательства духовного мира так же, как доказывают природные процессы внешнего чувственного мира. И затем было испробовано всё возможное. И мы видим появляющиеся в XIX веке движения, ориентированные на то, чтобы убедить людей в существовании духовного мира. Самым крупным, хотелось бы мне сказать из этих движений является спиритическое движение. В то время как сегодня учёным трудно освоиться с относительно легко понятными методами нашей духовной науки, действительно блестящие учёные XIX века совершенно серьёзно занимались спиритизмом.

Вообще говоря, у спиритизма есть такая особенность, что он должен действовать внешним образом посредством чего-то, что человек может в определённой степени поставить перед внешними чувствами как при химическом или физическом

эксперименте. В большинстве случаев этот метод, которым духовная наука желает подражать естествознанию, сегодня уже — я говорю о большинстве случаев — несостоятелен, и всё больше и больше обнаруживают, что он должен стать несостоятельным, потому что, люди, естественно, не могут, образно говоря потрогать дух руками. Поэтому многое из того, чем занимались, проводя всевозможные таинственные махинации со стороны определённых так называемых оккультных обществ в XIX веке и вплоть до наших дней, скорее дискредитировало духовно-научные исследования, чем поддерживало их. И поэтому мы видим, что именно у людей, лучше всего мыслящих, владеющих пониманием, особенно в социальном отношении, а также кроме прочего в отношении практического образа жизни, очень многое должно произойти, начиная с сегодняшнего времени и в будущем. Мы видим у людей, которые осознают это, насколько они испытывают определённый страх, когда говорят о том, что самые важные импульсы, необходимые нашему времени и в ближайшем будущем, должны исходить от истинного познания духа, от понимания того, что реальные духовные силы и духовные существа находятся в окружении человека подобно чувственным фактам и чувственным существам. Люди, которые хорошо относятся к прогрессу человечества, испытывают настоящий страх. Позвольте мне для начала привести пример. Мы можем многому научиться на таких примерах, имеющих дело с всеобъемлющими явлениями жизни. Если мы направим свой взгляд на большое движение, то в этом большом движении также ясно обнаружится то, с чем каждый из нас сталкивается в малом поистине ежедневно.

В Париже за несколько дней до начала этой немилосердной войны был убит действительно выдающийся человек, имевший поистине честные намерения в отношении социальных импульсов развития человечества, по имени Жорес. Жорес, безусловно, был одной из самых честных личностей современности в области социальных устремлений, и он также был одним из тех, кто с помощью всего человеческого знания стремился обрести понимание человеческих отношений и причин, благодаря которым они всё больше и больше приводят к абсурду, всё больше и больше направляют к обеднению и обнищанию в духовной и материальной областях человечества. И он всеми силами стремился найти идеи, мысли, которые он хотел передать людям, для того чтобы всеобщими усилиями суметь до некоторой степени найти решение великих вопросов современной жизни. Человек может многому научиться именно у таких личностей как Жорес, потому что проще научиться, когда обращают внимание на большие недостатки, которые следует увидеть именно исходя из духовно-научной точки зрения, о которых следует ясно сформировать собственные мысли, не у маленьких, а у великих личностей, на примере которых в первую очередь можно убедиться в их честных взглядах и искреннем стремлении к познанию, а также в определённой современной способности понимания. Человек получает гораздо больше, когда исследует изъяны нашего времени на примере тех людей, которых

уважают и высоко ценят, чем желая их исследовать в отношении людей, которых уважают в меньшей степени, потому что им совершенно невозможно приписать благожелательный и правильный образ мыслей. Собственно говоря, такие люди, посвящающие всё, чем обладают в мышлении, чувстве и воле, служению человечеству, служению, которое следует направлять на возвышение человечества к более высокому социальному уровню, таким людям как Жорес чрезвычайно трудно — и он действительно не исключение, однако мы видим лучших людей нашего времени в такой трудной ситуации — таким людям действительно трудно говорить о такой вещи как наша духовная наука. И всё же именно эти весьма одарённые люди смогли бы сделать для человечества то, что они хотят, только если бы смогли сказать: «Всё, чего я могу достичь с помощью моего привычного способа мышления и научных средств, всё же даёт мне только слишком слабые импульсы, чтобы по-настоящему охватить жизнь; мне нужно понять, что все эти импульсы, которые я желаю принести человечеству на своём пути, не имеют под собой основания. Сначала мне следует создать это основание для себя, я должен пронизать и пройти через то, во что я верил до сих пор, с помощью более глубокого обоснования со стороны духовной науки. Я должен принять духовные факты, реальные духовные факты».

Посмотрите, тот, кто не признаёт такие духовные факты и формирует себе мысли и идеалы о том, как можно помочь прогрессу человечества сегодня, тот подобен человеку, перед которым находится сад с множеством растений, которые начали обнаруживать признаки умирания, и он делает одно, делает другое и так далее, всё время прилагает усилия — но он не может ничего добиться. Конечно, у одних растений дела идут чуточку лучше, у других — хуже, но в общем ситуация с растениями не улучшается. Почему ситуация не улучшается? Вероятно, потому что некая болезнь, которую он не изучил, охватила корни. То же самое происходит с социальными стремлениями таких людей, как Жорес. Они прилагают невероятно много усилий, также они делают невероятно много прекрасного на поверхности, но они не проникают в корни, потому что в корнях нашей современной человеческой жизни не хватает признания реального духовного мира. И как бы много не выдвигали кажущихся правильными, хорошо обоснованных социальных познаний, они на самом деле не принесут плодов для людей, если они не основаны на тех понятиях, которые могут прийти только от духовной науки. Поэтому реальное продвижение вперёд для современного человечества возможно только тогда, когда духовную науку смогут признать настолько, чтобы самая важная часть духовной науки для нашего времени, а именно признание людьми реальных духовных существ и духовных сил, больше не наталкивалась на затруднения, особенно у самых лучших людей. Давайте только ясно обдумаем то, что лучшие люди, обладающие правильным образом мыслей, испытывают трудности именно в отношении самого важного в нашем деле: признания духовного мира как такового.

В Цюрихе я уже обращал внимание на один пункт, который особенно наглядно показывает это. Там живёт один человек, который очень благожелательно отзывался о нашей духовной науке, и его высказывания даже были напечатаны, человек, однажды набравшийся смелости перед весьма образованной публикой больше не рассматривать то, что главным образом живёт в нашем духовном движении, как простую глупость. Но этот человек также не может не остановиться именно перед самым важным, перед признанием духовного мира. Что он говорит? «Мы должны его [это духовное движение], по крайней мере в собравшемся вокруг Штайнера круге стараться понять скорее как некое религиозное движение, даже если не изначального, а лишь синкретического типа, но всё же направленного на основу всей жизни; мы должны расценивать его как движение ради удовлетворения сверхчувственных интересов людей и при этом как возвышение над придержающегося чувственных вещей реализмом; прежде всего мы должны признать в нём движение, которое указывает людям на осознание моральных проблем, которые оно ставит, и которое нацелено на осуществление деятельности по внутреннему возрождению исходя из скрупулёзного внимания к собственному самовоспитанию; чтобы отметить с какой серьёзностью здесь человек указывает на работу над своим нравственным очищением и самосовершенствованием, следует лишь прочесть книгу Штайнера о введении в теософию». Я зачитываю Вам эти слова не из прихоти, а потому что мы действительно желаем ясно видеть, как внешний мир относится к нашим стремлениям. Мы видим благожелательного человека, рассматривающего наше движение как синкретическое, потому что он, прежде всего, с ним не знаком, не знает, насколько оно уже потому является совершенно новым движением, что оно также опирается на нечто новое в мире: на новое естественно-научное направление, являющееся его фундаментом. Он не может дать о нём никакой информации, потому что не понимает его; но в отношении нашего движения он занимает благожелательную позицию. И если теперь человек позволит полностью всей прочитанной им лекции под названием «Мир мысли образованных людей» воздействовать на себя, то увидит: человек полагает, что в наше время людям необходимо духовное воспитание, и он обнаруживает в нашем движении одну из попыток содействовать духовному движению человечества. Но затем он даёт следующую характеристику: «В своих направленных на сверхчувственное умозрительных рассуждениях она заходит дальше, чем некая реакция на материализм; однако при этом она легко теряет почву действительности и теряется в гипотезах», - он считает, что реальное духовное познание является гипотезами, а не знаниями - «в ясновидческих фантазиях, в царстве снов, так что у неё более не остаётся достаточно сил для реальности в индивидуальном и социальном образе жизни».

Вы видите, что несмотря на такие благожелательные суждения, после них он говорит: «Но, тем не менее, мы хотим и должны отметить теософию как

корректирующее явление в ходе просвещения настоящего времени», - он чувствует себя вынужденным остановиться перед тем, без чего наше движение совершенно немыслимо, перед тем, что мы привносим с самого начала: сверхчувственными фактами; потому что без установления взаимосвязи человека со сверхчувственными фактами, человечество не выйдет из тупика, в котором оно сегодня находится. Но сам доброжелательный человек считает, - в то время как наше движение ищет твёрдую почву под ногами, без которой все другие социальные идеалы остаются подвешенными в воздухе —, что это движение ведёт в царство снов, что у него именно в отношении социального образа жизни «не остаётся достаточно сил». Как уже говорилось, это — не пожелание зла из недоверия, а недоверие, появляющееся из бессознательной боязливости, бессознательного малодушия в отношении признания духовных фактов. Это явное отсутствие понимания или скорее, и это очевидно, что это отсутствие понимания проявляется в том, чего именно духовная наука может достичь также на основе социальных устремлений.

И таким образом люди подобные Жоресу, исходя из мыслей, которые они восприняли от своего воспитания, от современного общества, конечно, находятся сегодня в жизни, не имея возможности признать, что всё происходящее физически зависит от духовных миров, и что человек в той сфере, в которой он призван вмешиваться в жизнь, например, также в отношении социальной жизни, только тогда может вмешаться правильным образом, когда ему даётся такая возможность благодаря тому, что он узнаёт духовные законы, с помощью которых как раз можно внести духовный мир в физическое. И то, что такие люди сталкиваются с этой невозможностью, что это действительно широко распространённое явление времени у лучших людей современности, это вносит в наше время значимую, хотя и бессознательную, но оттого не менее значимую жизненную ложь. Человек может увидеть эту жизненную ложь практически везде.

Давайте рассмотрим случай Жореса, потому что он весьма типичен. Здесь перед всем остальным человечеством предстал человек, пытавшийся всеми средствами социальных знаний улучшить то, что он в действительности понял таким образом, что это смогло завести людей только в тупик. Здесь перед всем остальным человечеством предстаёт человек, который для достижения необходимого понимания в этой области по-настоящему познаёт все исторические факты, который изучает историю прошлых времён и из этих фактов прежних времён желает научиться тому, что может произойти в настоящем, чтобы избежать ошибок, проявившихся как явные изъяны в прежних социальных опытах человечества. Собственно говоря, во всех его устремлениях, как для Жореса, так и для других, оказывается невозможным по-настоящему признать духовный мир реальным, по-настоящему признать то, что через людей в этот мир вливаются непрерывные потоки духовной жизни из духовного мира. В одной из прекрасных, написанных Жоресом статей говорится об отношениях между

социализмом и патриотизмом исходя из его мнения. В ней Жорес пытается показать, как исторические вещи вступают в развитие человечества, действуют в развитии человечества. После того как он представил перед душой различные вещи, действовавшие в Римской империи, чтобы на их примере научить, как в настоящем должно действовать то, что действовало в греческом мире, чтобы научить, как следует действовать в другие времена, после того как он с необычайно глубокой жаждой знаний показал нашей душе различные вещи, затем он также представляет нашей душе главу, посвящённую новому времени. В этой книге Жореса есть странная глава о пролетариате и патриотизме, и интересно привести именно эту главу, чтобы увидеть то, что на самом деле исходит из душ лучших людей в нашем окружении.

В этой главе Жоресу важно показать, что главным в новейшем социальном прогрессе является не земельная собственность, а промышленность и так далее, но мы не будем обращать на это внимание; самым важным является то, что он пытается указать на личность Жанны д'Арк, Орлеанской девы. Теперь представьте себе, человек, целиком живущий в современных идеях, указывает на Орлеанскую деву, личность, о которой каждый интересующийся историей человек знает — это должен признать каждый, объективно осознающий факты, - что карта Европы сегодня была бы совершенно иной, если бы не её вмешательство. Конечно, Жорес также осознаёт это. Он говорит: «Жанна д'Арк исполняет свою миссию и жертвует собой ради спасения своей родины Франции, почва и земля которой более не означает единственной жизненной силы; общины уже сыграли большую роль, Людовик Святой одобрил и торжественно провозгласил документ о ремесленном производстве и правах гильдий, парижские революции во времена правления Карла V и Карла VI должны были показать, что занимающаяся торговлей буржуазия и сословие ремесленников появились на сцене в качестве новых сил, самые проникательные из тех, кто желал реформировать королевство, мечтали о союзе буржуазии и крестьянского сословия против беззакония и произвола; в этой современной Франции, править которой вскоре должен был сын несчастного государя, которого Жанна д'Арк собиралась спасти, в этой многогранной, образованной и утончённой стране, глубоко затронутой нежными литературными переживаниями того Карла Орлеанского, пленение которого взволновало сердца добрых жителей Лотарингии, в этом обществе, которое было всем чем угодно только не деревенским, появилась Жанна д'Арк. Она была простой деревенской девушкой, видевшей страдание и нужду окружающих её крестьян, но для которой все эти бедствия означали лишь реальный пример возвышенных и великих страданий, которые вытерпели разорённое королевство и подвергшаяся нападению нация. Для её души и мыслей не играют роли местоположение и земельная собственность; она устремляет взгляд выше полей Лотарингии. Её крестьянское сердце больше, чем всё крестьянство. Оно бьётся ради далёких славных городов, окружённых чужеземцами. Жизнь на полях не обязательно

означает растворение в вопросах пашни. В шуме и суете города мечта Жанны, несомненно, стала бы менее свободной, менее смелой и всеохватывающей. Уединение охраняло смелость её мышления, и она переживала великое единение с Родиной намного сильнее, поскольку её воображение без сумятицы смогло заполнить безмолвный горизонт болью и надеждами, выходящими за его пределы. Её наполнял не дух крестьянского восстания; она хотела освободить всю великую Францию, чтобы впоследствии посвятить её служению Богу, христианству и праведности. Её цель кажется ей столь высокой и богоугодной, что позднее для её достижения она находит смелость даже не повиноваться церкви и обратиться к откровению, которое стоит превыше любого другого откровения».

Здесь мы видим человека, осуждаемого за то, что он, находясь внутри материалистического мышления современности, мыслит только, так сказать, на основе материалистических принципов, но который вынужден, потому что он хочет быть в то же время честным с историческими фактами, указать на удивительное явление Орлеанской девы и воспринимать её серьёзным образом настолько, насколько мы узнаём это из его слов. То есть перед Жоресом предстаёт всё историческое значение Жанны д'Арк. И затем мы спрашиваем себя: «Чем же, в конце концов, - по видимому, это даже лично Жореса занесло столь далеко, как мы утверждаем, но многих других, действующих в духе Жореса, совершенно не увело так далеко — чем для такого человека как Жорес, живущего с такими социальными воззрениями, на самом деле Жанна д'Арк может отличаться от другого человека, который через религиозный экстаз, к которому не следует стремиться, если человек хочет остаться трезвомыслящим, пришёл к импульсам, к которым она некогда пришла?» Естественно, люди не признают то, что нам должно быть ясно из духовной науки: в то время, когда ещё не могли достичь того развития духопознания, каким оно является сейчас, через таких личностей как Орлеанская дева более или менее сознательно действовали потоки духовной жизни из духовных миров, она была посредником (медиумом), конечно не для людей, в отношении которых средства массовой информации* в настоящее время очень часто используют в корыстных целях, но для божественно-духовных миров, желающих повлиять на физический земной мир. Следует признать: то, что пришло от Орлеанской девы, было более ценно, чем то, что хотели и могли сообщить другие люди исходя из своего человеческого понимания. Естественно, такие люди не могли признать то, что через Орлеанскую деву говорил духовный мир. И всё же они должны, говоря о реальных фактах, говорить о таких людях как Орлеанская дева, то есть они даже признают, что должны то, что происходит — только вдумайтесь: то, что происходит — объяснять на примерах

---

* Р. Штайнер здесь использует два однокоренных слова (Medium и Medien), означающие передачу чего-либо не напрямую, а через третью сторону, при этом Medium более конкретно означает человека-посредника, то есть медиума, а Medien значит средство для передачи информации. - прим. пер.

личностей, чью духовную жизнь они не признают, на чью духовную жизнь они абсолютно не хотели бы равняться.

Даже если люди сегодня не хотят признавать этого — человек может также одурманить себя в отношении этих фактов — это является ничем иным как самой глубокой ложью о жизни. Это — самая настоящая ложь о жизни, и я могу охарактеризовать Вам один случай такой лжи о жизни, которая сегодня повсюду пульсирует в нашей социальной жизни, и которую можно объяснить тем, что люди не признают то, что является реальным, что является абсолютно реальным, но это следует рассматривать как факт, благодаря которому проявляется новое духовное развитие. Теперь ложь также является фактом, и она действует соответственно. И даже если это такие совершенно благонамеренные, серьёзным образом направленные, значимые люди, как Жорес — здесь они скованы условиями времени, и вместе с тем то, что приходит от них, не может действовать освобождающим образом для человечества.

Да, здесь мы находимся внутри современного факта жизни, который делает ясным и понятным то, что мы должны делать в глубине наших душ. Мы должны иметь мужество с полным пониманием взглянуть на такую жизненную ложь, и мы должны, исходя из этого ясного понимания, найти силу противостоять всему тому, что льётся со всех сторон, и что всё же с одной или другой стороны иногда маскируется и прячется, происходя из этой жизненной лжи. Что же могут люди, находящиеся в такой жизненной лжи, на самом деле обрести для реального внутреннего понимания взаимосвязей человеческой жизни? Они должны сказать себе: «Ах, здесь выступают такие удивительные чудачки, желающие получить такие же отношения к духовному миру как у Орлеанской девы, и даже приписывают им историческое значение; но всё же не следует в действительности представлять это как пример, которому необходимо следовать, даже чтобы какие-то духовные силы смогли проникнуть в физический мир!» - Конечно, ещё много воды утечёт вниз по Рейну, прежде чем широкий круг людей увидит и признает тот очень важный факт, о котором мы говорили. Сегодня даже естествоиспытатели переняли те манеры, с которыми в то время теологи нападали на Орлеанскую деву. Потому что то, на что в конце Жорес обращает внимание, является глубокой трагедией явления Орлеанской девы в то время. Тогда теологи говорили: «То, что здесь извлекают из познания духовных миров не согласовано с тем, что мы познаём через нашу теологию!» В то время в области теологии это струилось из того же образа мыслей, из которого сегодня через относительно короткое время говорят естествоиспытатели, как это было в случае с теологией. Тогда Орлеанская дева отвечала судившим её теологам и говорившим, что она должна оправдать свои чудеса и свою миссию исходя из священных книг: «В книге Божьей записано больше, чем во всех ваших книгах!» - Это — исторические слова. Но сегодня эти слова также имеют силу. Потому что с точки зрения духовной науки можно ответить на все возражения,

что со стороны теологии, что со стороны естествознания: «В книге духовных миров записано больше, чем всё то, что могут вообразить противники». - И Жорес добавляет к этим словам: «Прекрасные слова, которые в определённом отношении находятся в противоречии с крестьянской душой, чья вера, прежде всего, коренится в традиции. Насколько они далеки от всякого смутного эгоистически-ограниченного патриотизма землевладельца! Однако Жанна слышит божественные голоса своего сердца, когда поднимает глаза к лучезарным и безмятежным небесным высям».

Да, в устах наших современников такое признание определённо звучит хорошо; но что оно значит в устах даже самых лучших из наших современников? Признание чего-то, что они всё же в большей или меньшей степени принимают за поэзию, поэзию, которая может сделать жизнь в большей или меньшей мере прекрасней, но результаты которой они не признают. И это формирует жизненную ложь! Таким образом, мы видим, что нам необходима ясность в отношении существования этой жизненной лжи. Её действие повсюду выступает нам навстречу, и сегодня она мешает тому, чтобы духовная наука обрела то влияние, которое она на самом деле должна иметь. Но всё большее и большее количество людей должно будет получить не только теоретические понятия в духовной науке, а они должны будут найти мощную внутреннюю силу, чтобы внести духовную науку в каждое ответвление жизни. Это можно было бы обнаружить в самых различных областях жизни. И опять можно сказать, что истинные факты здесь замаскированы. Потому что, по-видимому, человек снова может нечто возразить против всего того, что говорит духовная наука. Возьмём область жизни, которая, хотелось бы сказать, скорее всего придётся по вкусу человечеству по той простой причине, что она очень близка к внешнему исцелению. Видите ли, духовная наука могла бы принести огромную пользу, если бы люди пришли к пониманию того, что нужно позволить этой духовной науке хоть немного повлиять на медицинские факультеты, медицину и фармацевтику. Так как современное естественно-научное развитие всё больше и больше приводит к тому, что сама медицина принимает материалистический характер. Конечно, благодаря этому материалистическому характеру она породила также много полезных вещей, и необходимо только указать на чрезвычайно большие успехи в области хирургии, чтобы тем не менее найти некоторую обоснованность, если снова и снова повторять то, что я также говорю: следует восхищаться новейшими достижениями естествознания. Но существуют иные, не менее значимые стороны медицинского познания и медицинского искусства, которые неимоверно страдают от материалистической направленности и могут выступить навстречу благодатному будущему только потому, что в упомянутые исследования внесут духовно-научные познания.

Благодаря таким духовно-научным познаниям люди узнают о взаимосвязях в человеческом организме, о которых современная медицинская наука знает лишь

детали. Конечно, такие вещи часто инстинктивно предчувствуют рассудительные исследователи; но благодаря этому прогресс не может происходить достаточно быстро и можно сказать: «Если бы именно в медицинской области не господствовало такое фантастическое неприятие всего духовно-научного, и если бы медицина не стремилась быть монополизированной силами соответствующих инстанций и правительств, то именно в медицинской области можно было бы исходя из духовной науки оказать огромное воздействие на исцеление человечества». Здесь Вы можете сказать: «Собственно говоря, ничего не мешает духовному исследователю достичь этого прогресса!» - Тут как раз маскируются вещи, потому что это неправда. На самом деле, материалистическое функционирование, правящее сегодня, мешает внести духовное исследование. Потому что абсолютно неправильно верить, что духовный исследователь, который сегодня понимает эти вещи, может помочь каждому человеку во всех случаях. Ему мешает материалистическая организация медицины и будет мешать всё больше и больше, если материалистическое функционирование медицины продлится ещё долгое время. Нельзя сказать духовному исследователю в области медицины: «Здесь Родос, здесь и танцуй»*, - потому что его ноги не смогут двигаться свободно. Естественно, предпринимают всевозможные достойные похвал усилия, сопротивляясь господствующему в медицине материализму; но всех этих усилий недостаточно, потому что прежде всего отсутствует понимание, что следует не просто противопоставить нечто материалистической медицине, но в первую очередь необходимо работать с тем, - но в духовно-научном смысле -, чем овладела современная медицина: как раз теми средствами, которые внешне требуются именно в этой области. Но человечество весьма удивилось бы тому, что обнаружится совсем иное, если сегодня в клиники и операционные залы вступит человек с духовно-научными воззрениями и внесёт духовно-научное воззрение во все иные вспомогательные ресурсы и средства в организации медицины. Но также следует прилагать усилия в этом направлении. Эти усилия следует направить не на пренебрежение материалистической медициной, а на внесение духовной науки в эту материалистическую организацию. И в частности человек также не может помочь преждевременно. В столь короткой лекции не получится разобрать содержание того, почему это невозможно; но это так. Таким образом, именно в области, столь близкой внешнему исцелению человека, при некотором отсутствии предрассудков смогли бы достичь очень многого.

И в отношении социальных вопросов обнаружилось бы, что хотя предпринимают множество попыток улучшить то или иное в социальной области, улучшить те или иные условия жизни; но все эти попытки будут терпеть крах. Только тогда, когда

---

* Афоризм, восходящий к Эзопу. Высказывание предлагает собеседнику, хвастающемуся своими успехами, которых никто не видел, доказать свой талант тут же, на месте. Часто цитируется на латыни («Hic Rhodus, hic salta»), хотя не дошедший до нас оригинал был написан по-гречески. Р. Штайнер приводит его на немецком языке в таком варианте: «Hier ist Rhodus, hier tanze». - прим. пер.

придут к тому, чтобы также закладывать в основу социальных знаний духовно-научные аксиомы, как в основе математики или геометрии заложены их аксиомы, только тогда будут найдены реально действующие средства. И таким образом мы живём в мире, который, прежде всего, в отношении нашей собственной души, если духовная наука или Антропософия наполнит нас, должен проявить радикально иные мысли и чувства. В некотором смысле мы живём в атмосфере, требующей от нас мощного проявления силы, мощной опоры на себя. И это является более глубокими причинами того, почему мы часто можем становиться подавленными, чувствовать себя одинокими, почему, возможно, тот или иной человек, хотя он и признаёт себя сторонником духовной науки, не может с лёгкостью справиться с жизнью. Но если мы ясно поймём, как велико то, в чём мы находимся во всей взаимосвязи с человечеством, и как оно сегодня только кажется чем-то небольшим, потому что мы стоим в начале, то мы также сможем найти силу, то действительно сможем её найти. Всё великое в развитии человечества должно начинаться именно с малого.

И сегодня, так же как и в Цюрихе, несколько дней назад, я хотел бы указать, как во всём мышлении современных людей живёт ограниченность, нелогичность, бессвязность. В новейшем развитии это происходит потому, что естествознание действует словно ослепляюще на это новое человечество. Именно это естествознание породило замечательные, достойные восхищения результаты в отношении чувственного мира, и здесь те люди, которые ранее руководили духовными благами для человечества, чувствуют себя, я хотел бы сказать, оттесняемыми на задний план, всё больше и больше оттесняемыми на задний план. В частности определённые теологи чувствуют себя при этом некомфортно. Неправильно, когда с самого начала просто отвергают то, что люди вынесли наверх в качестве теологии в развитии человечества. В этой теологии также заложены глубокие, значимые основополагающие истины о человеческой душе; даже если духовной науке следует более подробно осветить их во многих отношениях, в ней всё равно находятся основополагающие истины. Только потому, что они не представлены так, как это соответствует потребностям современных людей, сегодня у думающих людей и в чувствующих душах должно возникнуть стремление получить ответы на духовно-научные вопросы. Но те теологи, которые не захотели участвовать в таком духовно-научном стремлении, оказались в странной ситуации: они обладали истинами, но эти истины не получалось применить, потому что другие науки отняли у них объекты для этих истин. Эти теологи обладали истинами относительно души — но естествознание отняло у них душу. И теперь теология может высказывать истины на словах, но её не волнуют объекты; она даже хочет позволить естествознанию спокойно изучать эти объекты, потому что теологи во многих отношениях привыкли, что в действительности теперь этим занимается естествознание. И это является тем, что мы должны считать наиболее значимым в духовной науке: эта духовная наука полностью

занимается естествознанием, вникает во всё, что приобретено естествознанием, и принимает участие в обсуждении, когда связывает духовно-научные принципы с естественно-научным функционированием. Теологи не захотели сделать это; они принимают участие лишь изредка, когда необходимо поддержать объекты, воодушевляясь очень странным образом мыслей.

Один человек, считающийся в определённых кругах весьма видным теологом, будучи профессором, а также священнослужителем, написал небольшую книгу, в которой цитирует религиозные лекции; и в этой книге он выражает такие мысли, что его странно слушать. Здесь можно заглянуть в душу значимого человека нашего времени — да, я не могу сказать по-другому, но иногда поражает то, что в качестве формы мышления сегодня может проявить важный человек! Здесь, например, сразу в первой лекции этот известный, выдающийся человек говорит о том, что следует согласиться с естествознанием и принять природного человека; только свободу человека должен хранить теолог. Но свобода становится только словом в данном случае! Но разве он не говорит: всё содержание души он передаёт естествознанию? - Собственно говоря, он совершенно не высказывает мудрых слов — он даже приводит очень изящную причину, почему у него такой образ мыслей; то есть он говорит так сухо, потому что у него такой образ мыслей. Таким образом, теолог, желающий описать для своих слушателей в этих лекциях самый современный облик христианства, говорит прямо в первой лекции: «Человек, каким он выступает нам навстречу в зоологии, двуногий, прямоходящий, одарённый превосходно сформированным позвоночником и мозгом, человек разумный является такой же правильной составной частью природы, как и любое другое органическое или неорганическое образование, состоит из того же вещества, тех же энергий и тех же атомов, его пронизывает и им управляет одна и та же сила; в любом случае вся телесная жизнь человека, сколь бы сложной она не была, во всех своих взаимосвязях определена естествознанием, закономерно сформирована подобно всем иным живым и неживым существам природы. Поскольку нет никакого различия между человеком и медузой, каплей воды или песчинкой».

Теологические лекции, лекции теолога, попечителя душ! Но этот теолог не только в отношении телесности говорит таким образом, далее он высказывает следующее: «Душевные функции, доступные естественно-научному способу рассмотрения, подчиняются такой же строгой закономерности, как и телесные процессы; и ощущения, которыми мы обладаем, а также представления, которые мы формируем, также правильным образом диктуются нам природой» — обратите внимание: ощущения и представления! - «так же как и нервные процессы, приводящие к ощущениям радости или неудовольствия. Это такие же правильные механические представления, как и идея паровой машины». Вы видите, что душа таким образом ускользает в сторону естествоиспытателя, а теолог придерживается только старой

теологической словесной оболочкой, под которой он произносит пустые слова; затем последние страницы, последние лекции состоят только из пустых фраз, чтобы окутать словесной оболочкой то, что обсуждалось. Но он отмечает тот образ мыслей, почему же он сегодня столь щедр на пожертвования объектов. И тут улавливают очень странный образ мыслей: посмотрите, - говорит он, - теологи должны поступать так же как он, нужно даже заходить ещё дальше, говорит он: «Эта определённая природный законов в человеке касается не только его телесных, но также его душевных функций. Это всегда было тем, что мы теологи не хотели признавать» - только он вышел за пределы этого, он поднялся выше, он признаёт это, - «потому что мы смешивали естественно-научное понятие души с теологическим и поэтому боялись неприятных последствий для веры».

Но теперь он зашёл столь далеко, что больше не боится неприятных последствий для веры, которые он принимает! В таком случае он говорит: «Но они возникают именно тогда, когда науке не разрешают полностью достичь её результатов». То есть он говорит теперь: «Давайте теперь согласимся с этой наукой, иначе у неё будут другие неприятные последствия! Иначе у неё, этой науки, будут ещё более неприятные последствия». - И затем мы ловим его на действительно самых странных словах: «потому что тогда потеряют доверие мыслящих людей».

Здесь Вы видите, к чему стремится великий теолог! Люди всеми путями, которые я Вам сегодня описал — лучшие люди— приходят к тем ощущениям, с которыми обращаются к Вашему доверию, когда мы говорим о духовном; не следует просто пренебрегать этим и лишь поэтому не использовать настоящую внутреннюю душевную силу, которая могла бы быть основана на духовном понимании! - Мы видим: когда мы ловим людей на том, что сегодня, скажем так, пронизывает их самое внутреннее существо, когда мы не проходим бездумно мимо таких вещей, тогда люди сегодня кажутся странными. Поэтому нам следует владеть ясным пониманием. Исходя из этого ясного понимания, нам не нужно удивляться тому что, когда такие мысли возвращают те, кто сегодня официально призван к религиозному и духовному воспитанию человечества, нам трудно найти себе место в мире с такой радикальной противоположностью.

Нам необходимо постоянно напоминать себе, какому делу мы на самом деле служим во взаимосвязи со всем человечеством, потому что мы сегодня противопоставляем приходящей с той стороны человечества искушающей мысли именно ту мысль, которая может стать плодотворной. И такая мысль может возвысить нас даже из самой сильной депрессии, снова сделать нас полными сил. Такая мысль очень важна в каждую секунду нашей жизни, и важно, чтобы мы занимались духовной наукой таким образом, чтобы мы проявляли её как можно меньше для нашей внешней жизни, но восприняли её в себя столь сильно и интенсивно, чтобы даже в отношении испытаний, которые она нам посылает, обладать силой сказать себе: они должны быть

здесь! - Поскольку наша карма привела нас к ней, мы также хотим взять на себя то, что она посылает нам как испытание. Потому что сегодня в мире враждебные духовной науке силы неимоверно сильны, и люди в основном об этом не знают. Естественно, так как каждый человек лишь догадывается о том, что на самом деле является сущностью мышления и ощущения, и что можно обнаружить только тогда, когда человек, исходя из духовной науки, получит ясное воззрение на всё пагубное и разрушительное в таком мышлении, о чём человек вообще не подозревает! Поэтому также нельзя поставить это ему в вину, но такой факт, который нельзя игнорировать, следует принять совершенно объективно наподобие землетрясения или извержения вулкана, которые также внешними физическими средствами разрушительно воздействуют на человечество — даже если только на небольшой территории. Но человек на самом деле не умеет думать. И поэтому он только пример того, как выдающиеся люди современности не умеют думать. Он не умеет думать! - Представьте себе, что он говорит: «Естественно, мы отдаём тело человека естествознанию, потому что иного пути нет; так как что мы, теологи, должны с ним делать? Ведь мы не умеем исследовать тело». - Этот человек не понимает, когда по-настоящему исследуют дух, то этот дух является помощником в формировании тела, то есть что совершенно невозможно отделить и отдать тело так, как он сделал это вчера на открытой лекции. Он отдаёт тело; но он отдаёт также и душу — ведь она ощущает практически наподобие паровой машины — по его собственным словам он оставляет теологии «человека как свободу». Хотя щедро отдаёт «человека как природу»; сохраняет «человека как свободу». Но здесь, после того как он оставил человека как свободу, он однако говорит: «Как часть природы он теряет свою независимость и свободу; всё то, что он переживает, он испытывает как страдание, он должен полностью в соответствии с законом природы страдать».

То есть человек теряет эту свободу благодаря своей природе. А теперь представьте себе, что же на самом деле оставляет себе этот теолог! Вначале он говорит: человека как природу он отдаёт природе и оставляет себе человека как свободу; но затем он продолжает: человек как природа является таковым, что он как часть природы теряет свою независимость и свободу, и «всё то, что он переживает, он испытывает как страдание, он должен полностью в соответствии с законом природы страдать». Ведь теперь у него вообще ничего больше нет! Таким образом, не удивительно, что далее он высказывает только пустые слова. Но этот хороший человек ничего не замечает, и он — типичный пример того, как самые выдающиеся люди сегодня не замечают действующих сегодня разрывов в мыслях. Сейчас человечество уже достигло той стадии развития, когда то, что должно быть мышлением о физической жизни, следует оплодотворить мыслями, также относящимися к духовному миру; иначе в этих относящихся к физическому миру мыслях будут везде выступать разрывы, потому что участвующие сегодня в

обсуждениях люди не знакомы с самыми простыми фактами взаимосвязей мира. Мы знаем, что люди сегодня находятся в переходном периоде. Мы говорим об этом не в поверхностном смысле, в котором сейчас говорят о переходном периоде, а совсем в другом смысле. Мы находимся именно в том переходном периоде, в котором древние атаквистические ясновидческие инстинкты отмирают и в котором необходимо достичь сознательного вступления в духовные миры. Это — очевидный факт для духовного исследователя. Но те древние атаквистически-ясновидческие способности, которыми люди обладали, так же давали им действенные мысли, поскольку они нуждались в них в свою культурную эпоху. История донесла лишь немного из тех величайших мыслей, которые вступали в жизнь человека в халдейскую или египетскую культурную эпоху. Возможно, сегодня они не смогли бы устоять перед нашей критикой, но они существовали для своего времени. Наше время должно снова обрести мысли, решительные мысли, способные воздействовать на действительность! Но оно сможет сделать это только тогда, когда оно будет оплодотворено духовным миром, так же как древние времена были оплодотворены духовным миром. Но сегодня людей не оплодотворяют бессознательно. Следовательно, если люди на самом деле признают духовно-научные познания, то должна воцариться сознательность. И даже в этом человеке, которого можно легко уличить в том, что он обладает самым худшим изъяном нашего времени - бездумностью, что он причиняет безмерный вред, заражая так много людей своей бездумностью, также в нём мы не видим злонамеренного человека; перед нами даже предстаёт понимающий человек, то есть владеющий тем пониманием, которым можно владеть в наше время, если человек в определённом отношении не может продвинуться вперёд к реальному духовному миру, в том смысле, как я уже говорил, что даже люди подобные Жоресу не могут продвинуться вперёд. Но также такие люди как тот, кто читал религиозные лекции, такие люди также знают, что человечество сегодня в определённом отношении зашло в тупик, что нельзя продвинуться дальше с таким мышлением, чувством и волей, которые были даны древним образом мыслей, древними принципами мировоззрения. И он также знает, что в новейшее время это привело к материализму, и он знает, что эти вещи должны стать иными. И, по сути, он не столь радикален, потому что он говорит о том, что XIX век привёл людей к таким понятиям как спортизм (Sportismus), комфортализм (Komfortismus), маммонизм (Mammonismus)*. Обо всех этих вещах, определённо являющимися теневой стороной материализма, обо всех этих вещах говорит этот человек, и он вполне готов сказать: со спортизмом, комфортализмом, маммонизмом, в том виде в котором они появились в XIX веке, с ними следует вести борьбу.

---

* Под данными понятиями, вероятно, подразумеваются мировоззрения людей, направленные на чрезмерное увлечение спортом, комфортом или алчностью. - прим. пер.

Однако произносимое им остаётся пустыми словами, потому что в конце первой лекции — невозможно поверить своим глазам, невозможно поверить своим силам познания — стоит следующее. Известный, выдающийся человек может сказать сегодня следующее. Вначале он говорит совершенно верно: все происходящие здесь вещи должны получить иное значение, «они больше не должны быть конечной целью. Больше не должно быть продавца, для которого получение денег является самоцелью; удовольствия от жизни больше не должны становиться содержанием жизни; не должно больше быть людей, живущих только ради своего здоровья».

Таким образом, он очень радикален. С точки зрения духовной науки мы, конечно, не будем говорить такие радикальные вещи; мы скорее будем предоставлять людям их собственную свободу, а мы знаем, что, если они понимают карму, реинкарнацию и всё остальное, что даёт духовная наука, то они сами в конкретном случае ориентируются в жизни. Но этот человек, знающий, что люди зашли в тупик, говорит совершенно радикально — всё было бы иначе, если бы он принял духовную науку -, что люди не должны зарабатывать больше денег, не должны больше наслаждаться жизнью, не должны больше жить ради своего здоровья. Однажды я приехал — это один случай из тысячи — в санаторий, который возглавлял известный человек, там лечились нервнобольные. Как-то раз я увидел целые толпы нервнобольных проходивших мимо меня, когда они шли на обед. Мне показалось, что самым больным и беспокойным из всех нервнобольных был сам известный директор больницы! Но теперь наш человек, наш теолог радикален, он говорит: «Содержание жизни должно стать иным; никому не позволено жить лишь просто ради своего здоровья и так далее». А затем он пишет: «Это значит», - говорит он и на этом заканчивает свою лекцию - «обо всём, что делалось раньше, следует думать несколько иначе».

Это — реформа жизни! Задумайтесь, это — реформа жизни от человека, который так глубоко заглядывает в то, что необходимо: всему необходимо стать иным, это значит, не всё должно стать другим, но обо всём следует только думать иначе: «Это самое внутреннее, это цель, эти вещи не должны представлять наивысшую ценность. Следует с той же энергией стремиться оценивать их», - это означает: думать - «по иной шкале, чем прежде».

Собственно говоря, к этим вещам не нужно ничего добавлять! Необходимо обратить внимание на эти вещи; потому что их можно найти не в одном отдельном человеке, сегодня их можно найти во всём культурном мире. И то, что люди переживают в своей судьбе, это происходит не из-за чего-либо иного как из-за этого несовершенства в мышлении и ощущениях; это — карма этого несовершенства мышления и ощущений! Сначала необходимо направить на это своё сознание, и как духовный исследователь по крайней мере найти возможность не прислушиваться к тому, что шумит и бушует в мире, и что исходя из других импульсов признают как «высочайшую ценность»; но человек в этом отношении не должен позволять

одурманить себя всевозможным другим чувствам, правящим сегодня миром и под влиянием которых так много лгут сегодня, он должен уметь смотреть на главные вещи; потому что эти вещи обладают своим влиянием. Мы живём в такой сфере — я уже говорил об этом в Цюрихе -, что этот человек, сообщаящий людям такие вещи таким образом, что когда они слушают его, эти коварные существа мышления проникают в сердца и умы, может сказать: «Содержание этой небольшой книги включает 12 лекций, прочитанных прошлой зимой в ...», - здесь стоит название города, которое я не хочу указывать - «перед аудиторией, состоящей из более чем тысячи слушателей».

Но — город совершенно не важен — сейчас речь идёт о тысячах! На это нужно обращать внимание. И совершенно необходимо, чтобы человек на самом деле представил перед своей душой всю серьёзность и всё значение такого рассмотрения.

После того как мы многое вынесли из духовного мира, необходимо осознать, чем это вынесенное из духовного мира должно стать для нас; и благодаря этому также осознать, что мы в определённом смысле смотрим на противоположность того мировоззрения, которое сегодня гораздо больше властвует в людях, чем мы думаем. К сожалению человек сегодня живёт слишком бездумно! Для души это весьма угнетающе: необходимость наблюдать столь широко распространённые в мире — простите, что я вынужден это сказать, но мы должны ясно осознавать это — глупость, тупость, с которыми живёт человечество в отношении того, что действует и господствует в ходе развития человечества. Мы должны получить все необходимые нюансы ощущений для вида истины, заложенной в духовной науке, также потому, что мы позволяем дать нам эти нюансы ощущений благодаря созерцанию этого противоположного. Поэтому важно не просто искать всевозможные хорошо звучащие красивые слова о высоких идеалах, которые следует внести в человечество; а прежде всего, признать то, что не могут признать самые лучшие наши современники: духовный мир является тем, что должно быть открыто. Существуют веские причины — а почему это так, невозможно объяснить, потому что это займёт слишком много времени — существуют веские причины того, что на протяжении столетий человечество противилось пониманию христианства в духовном смысле. В первые века христианства существовал гнозис. Вы все знаете: наша духовная наука не является возрождением гнозиса, но гнозис первым попытался прийти к какой-то духовной науке; его оттеснили на задний план, потому что люди не хотели видеть христианские истины в духовном свете; такая же тенденция продолжилась и позже, она также проникла в естественно-научные устремления. Человечество даже научилось кое-чему благодаря тому, что столетиями боролось против возможности понимать духовное. Но теперь наступило то время, когда на самом деле тем, кто находится во всей культуре настоящего времени — которая всё же является материалистической, даже если человек не признаёт этого, - труднее всего признать

реальный духовный мир; то есть не просто непонятные речи о духовном мире, а познание благодаря взиранию в духовный мир. Но мы должны ясно понимать, что признание этого духовного мира относится к самым важным вещам, и что только тогда сможет прийти остальное, то, что должно прийти в качестве новой основы для этического, социального и другого устройства жизни, когда человек создаст фундамент благодаря духовной науке, благодаря признанию реальных духовных фактов и духовных истин.

Мне было очень приятно снова встретиться с Вами здесь в Санкт-Галлене после долгой разлуки, и поэтому именно сегодня я посчитал своей задачей добавить к тому, что можно усвоить из нашей литературы кое-что из того, что, вероятно, следует говорить от души к душе внутри нашего движения, чтобы это было понято в правильном смысле. Потому что внутри нашего движения важно не просто то, что мы воспринимаем из духовной науки то или другое в форме катехизиса (наставления — прим. пер.), а важно то, что мы находим правильное отношение нашей души к знаниям из духовного мира. Тогда духовная наука станет для нас не просто наукой, тогда она станет для нас настоящим жизненным путём, тогда она станет пищей для нашей души, но такой пищей для души, которая не вредит нашему духовному здоровью и духовной бодрости, а наоборот оживляет их таким образом, что, несмотря на всё противодействие внешнего мира, чью природу мы частично рассмотрели сегодня, мы всё же гармоничным образом найдём своё место в мире. Сегодня я хотел рассказать Вам о том, как человек должен относиться душевно к духовной науке. И если было необходимо показать Вам явления времени, которые таким способом, вероятно, может осветить только духовная наука, это было сделано лишь по той причине, что только ясное, отчётливое понимание хода мира, в котором мы живём, может помочь нам как сторонникам антропософского мировоззрения обрести правильные внутренние устойчивость и гармонию. И из этой внутренней гармонии также возникнет гармония и в нашей жизни. Конечно, нашим духовно-научным идеалом является всё большее достижение этой гармонии в нашей жизни благодаря духовной науке. В смысле этого идеала, я хотел внести для Вас небольшой вклад сегодня.

Лекция седьмая

Связь между живыми и умершими

Берн, 9 ноября 1916 г.

Целью наших духовно-научных устремлений является формирование для нас представления о том, каким образом мы как люди живём совместно с духовными мирами подобно тому, как мы посредством нашего физического тела, его переживаний и восприятий, связаны с физическим миром. Собственно говоря, сейчас мы уже всегда можем в наших рассматриваниях опираться на известные знания, выступавшие перед нашими душами в течение нескольких лет. Мы знаем, что ближайшим миром, лежащим позади мира наших чувственных восприятий, на который направлены переданные благодаря физическому телу волевые импульсы и наши действия в физическом мире, является элементарный мир. Ему также могли бы дать другое имя. Мы получим ясные представления об этом сверхчувственном мире только, когда немного подробнее рассмотрим его своеобразие, когда попытаемся понять то, чем он является для нас самих в качестве людей. На самом деле изначально вся наша жизнь между рождением и смертью, а также жизнь, проходящая потом между смертью и новым рождением, зависит от нашего совместного бытия с различными простирающимися вокруг нас мирами.

Элементарный мир должен быть для нас тем, что можно воспринять только благодаря тому, что мы называем имагинациями. Поэтому этот элементарный мир можно также назвать имагинативным миром. В обычной человеческой жизни при обычных отношениях человек не может донести до своего сознания имагинативные восприятия из элементарного мира. Но это не означает, что этих имагинаций здесь нет, или что в какой-то момент своей бодрственной жизни или во сне мы не были связаны отношениями с элементарным миром и не ощущали его имагинаций. На самом деле эти имагинации непрерывно незаметно проникают в нас в разных направлениях. И точно так же, как мы, когда открываем глаза или направляем уши к внешнему миру, ощущениям цвета и света, как мы обладаем восприятиями звука, так же мы постоянно получаем впечатления от элементарного мира, которые — теперь в нашем эфирном теле — порождают имагинации. Они отличаются от обычных мыслей потому, что, по сути, в обычных, повседневных человеческих мыслях участвует только человеческая голова как инструмент переработки, переживания; однако при имагинации участвует почти весь наш организм, а именно наш эфирный организм. В нашем эфирном организме постоянно происходят эти, мы можем назвать их бессознательными, осознаваемые только для обученного оккультного познания имагинации.

Даже если эти имагинации не вступают в повседневной жизни в наше сознание, то из этого не следует, что они, возможно, лишены для нас значения, на самом деле для всей нашей жизни они намного значительнее, чем чувственные восприятия; потому что мы намного интенсивнее, намного интимнее связаны с нашими имагинациями, чем с чувственными восприятиями. В качестве физических людей мы

получаем мало имагинаций от царства минералов. Уже больше имагинаций мы получаем благодаря тому, что развиваем в совместной жизни с миром растений и миром животных; но наибольшая часть того, что живёт в нашем эфирном теле как имагинации, приходит из отношений с нашими ближними и из всего, что исходит для нашей жизни из отношений с нашими ближними. Да, по сути, все наши отношения с нашими ближними, весь тот способ, которым мы относимся к нашим ближним, основан на имагинациях, которые возникают из того вида и способа, которым мы выступаем навстречу людям. Однако, как я уже говорил, для обычного сознания это абсолютно не проявляется в имагинации; но это проявляется в играющих такую огромную, такую всеохватывающую роль симпатиях и антипатиях в нашей жизни, которые мы в большей или меньшей степени развиваем к тому, что вносит нас как человека в мир, в неясных чувствах, в лишь намечающихся склонностях или неприязни, во всём, что затем перерастает в дружбу или любовь, что может увеличиться настолько, что мы думаем, что не можем жить без того или иного человека.

Всё это основано на имагинациях, постоянно порождаемых в нашем эфирном теле совместным бытием с нашими ближними. И на самом деле мы всегда в нашей жизни несём нечто, что не совсем верно называть воспоминанием, потому что это нечто гораздо более реальное, чем воспоминание; следовательно, мы несём в нас эти, скажем усиленные воспоминания, имагинации, которые мы восприняли из впечатлений от людей, с которыми находились вместе, и которые также постоянно получаем. Мы несём их все в себе, и, по сути, они формируют значительную часть того, что мы в целом называем нашей внутренней жизнью, не той внутренней жизнью, которая живёт в ясных воспоминаниях, а той внутренней жизнью, которая проявляется в общем ощущении, в общем настрое, в общем воззрении на мир и нашу совместную жизнь с миром. Следовательно, если бы мы не развивали имагинативную жизнь в совместной жизни с другими существами, особенно с другими людьми, то мы могли бы лишь с безразличием проходить по окружающему миру.

Проявляющееся здесь, и на что следует обратить особое внимание как на относящееся к элементарному миру и нашей эфирной жизни в целом, это то, что мы называем интересом нашей души к окружающему миру. Преимущественно заложенное в силах нашего эфирного тела проявляется вследствие того, что в определённых случаях нас сразу охватывает интерес к какому-то человеку. Такой интерес, зарождающийся между одним и другим человеком, основан на совершенно определённых отношениях, возникающих между одним эфирным человеком и другим эфирным человеком и порождающий игру имагинаций с одной и другой стороны. Здесь мы живём с имагинациями и интересами, о действии, силе и других влияниях которых не можем дать себе отчёта или чувствуем нечто неопределённое, на что мы,

пожалуй, вовсе не обращаем внимания, потому что, естественно, наша жизнь в повседневности не является пробуждённой, а проходит более или менее осмысленно.

Всем этим мы принадлежим элементарному миру. Мы принадлежим этому элементарному миру таким образом, что от этого мира мы получаем наше собственное эфирное тело, являющееся инструментом для связи с этим элементарным миром. Посредством нашего эфирного тела мы не только завязываем отношения с другими эфирными телами, принадлежащими физическим существам, но посредством нашего эфирного тела мы связаны с существами элементарной природы, и именно они могут вызывать эти сознательные или бессознательные для нас, людей, имажинации. Мы постоянно находимся в отношениях с множеством элементарных существ. Люди отличаются друг от друга благодаря тому, что одни люди имеют отношения с одним определённым количеством элементарных существ, а другие - с другими элементарными существами, но таким образом, например, что отношения одного человека с определёнными элементарными существами могут совпасть с отношениями другого человека с этими же элементарными существами. Собственно говоря, мы должны чётко понимать, что в то время как мы в определённой степени всегда связаны с большим количеством элементарных существ, мы сильнее всего связаны с неким элементарным существом, которое в некоторой мере является противоположением нашего собственного эфирного тела. Можно сказать, что наше собственное эфирное тело имеет сокровенное отношение с особым эфирным существом. И так же, как наше эфирное тело — то, что мы называем нашим эфирным телом от рождения до смерти — благодаря тому, что оно пронизывает физическое тело и развивает свои особые отношения с физическим миром, так же и это эфирное существо, в определённой степени являющееся противоположением, противоположным полюсом для нашего собственного эфирного тела, способствует нашим отношениям со всем элементарным миром, с близлежащим космически-элементарным миром.

То есть здесь мы смотрим на элементарный мир, которому мы сами принадлежим посредством нашего эфирного тела, и с которым мы находимся в отношениях, а именно в конкретных отношениях с особыми элементарными существами; и таким образом в этом элементарном мире мы знакомимся с существами, действительно являющимися реальными существами подобно людям и животным здесь в физическом мире, но которые воплощаются не в физическом, а в эфирном теле, и их самым плотным телом является эфирная телесность. Подобно тому как мы здесь движемся между физическими людьми, мы также постоянно движемся среди таких элементарных существ. Иные находятся вдали от нас, но, в свою очередь, имеют отношения с другими людьми; но определённое количество находится непосредственно рядом, а одно имеет самое сокровенное отношение к нам и способствует нашей связи с космически-элементарным миром.

В самое первое время после того как мы проходим врата смерти, когда мы ещё несколько дней несём на себе наше эфирное тело, мы сами являемся такими существами подобными этим элементарным существам. Тогда мы в определённой мере сами становимся такими элементарными существами. Собственно говоря, мы уже часто описывали этот процесс прохождения через врата смерти. Конечно, чем тщательнее его рассматривают, тем более точные имажинации он выявляет. Потому что те впечатления, которые воспринимают непосредственно после прохождения человеком врат смерти, живут в имажинациях, они проявляются как имажинации. Собственно говоря, при тщательном наблюдении оказывается, что сразу после смерти имеет место определённое взаимодействие между нашим эфирным телом и его эфирным противоположением. Для того, чтобы через несколько дней после смерти наше эфирное тело отпало, по сути, этот процесс основывается на том, что наше эфирное тело в некоторой мере притягивается, впитывается своим эфирным противоположением и теперь становится с ним единым, таким образом, на самом деле в течение нескольких дней после смерти мы слагаем наше эфирное тело, но в определённом смысле передаём его нашему эфирному противоположению. Благодаря тому, что наше эфирное тело забирает наше космическое подобие, теперь обнаруживаются совершенно особые отношения того, что у нас таким образом забрали, к другим элементарным существам, с которыми мы в жизни состояли в отношениях. На самом деле то, что обнаруживается здесь как взаимоотношения между тем, чем стало наше эфирное тело вместе со своим противоположением, и другими элементарными существами, сопровождавшими нас от рождения до смерти, это своего рода взаимоотношения, которые можно сравнить с отношениями между Солнцем и относящейся к Солнцу планетной системой. Наше эфирное тело вместе со своим космическим противоположением в определённой степени формирует некоего рода солнце, а другие элементарные существа окружают это солнце наподобие некоего рода планетной системы. И благодаря этому взаимодействию порождаются те силы, которые в медленном становлении правильным образом присоединяют то, что наше эфирное тело может внести в элементарный мир. Абстрактно говоря, то, что обычно называют растворением, происходит, я хотел бы сказать, по сути, под воздействием сил, этой оставленной нами солнечно-планетной системы. Постепенно то, что мы в течение жизни приобрели для своего эфирного тела, что мы усвоили этим эфирным телом, становится частью духовного мира; оно вплетается в силы духовного мира, и мы должны совершенно ясно понимать, что каждая мысль, каждое представление, каждое чувство, которое мы развиваем, даже если они остаются сокрытыми, имеют своё значение для духовного мира, и что когда при прохождении через врата смерти разрушается взаимосвязь, они вместе с нашим эфирным телом вступают в духовный мир и становятся частью этого духовного мира. Мы живём не напрасно. Плоды нашей жизни, которые мы внесли в то, что переработали в мыслях, пережили в чувствах,

присоединяются Космосом. Если мы желаем правильным образом вести себя в духовно-научном движении, то мы должны внести это в наши чувства и наши ощущения. Потому что человек является духовным исследователем не потому, что просто знает определённые вещи, а потому что посредством знаний ощущает себя внутри духовного мира, потому что он в определённой мере чувствует себя членом этого духовного мира, потому что в известной степени знает: сейчас для всей Вселенной имеет значение, каким мыслям ты предаёшься, потому что они в соответствующей форме будут переданы этой Вселенной в момент твоей смерти.

Можно в одной или другой форме иметь дело с тем, что описанным образом передаётся Вселенной после смерти человека. И многочисленные способы, которыми умершие присутствуют в жизни оставшихся на Земле, основаны на том, что эфирный человек, по сути отделённый от человеческой индивидуальности, посылает свои имажинации живым. Если живой достаточно чувствителен к этому или находится в каком-либо аномальном состоянии или подготовился к этому правильным образом посредством соответствующего духовного обучения, то воздействия того, что там отдаётся умершим человеком духовному миру, воздействия имажинативной природы могут проявляться у человека также и сознательным образом.

Но, собственно говоря, после смерти остаётся связь между тем, чем на самом деле является человеческая индивидуальность, отделившаяся от эфирного, и этим эфирным, связь, в действительности означающая взаимодействие. Наиболее ясно это замечают благодаря тому, что человек с помощью духовного обучения приходит к тому, чтобы получить связь с тем или иным умершим. Тогда определённый вид этой связи может состоять в том, что умерший изначально переносит на своё эфирное тело то, чему он хочет позволить подступить к нам, ещё находящимся здесь в физическом мире; потому что только благодаря тому, что он переносит это на своё эфирное тело, в определённой степени делает записи в своём эфирном теле, мы можем в том, что называют имажинациями, пока мы находимся здесь в физическом теле, получать восприятия от умерших. Как только человек действительно получает имажинации, то — позвольте мне использовать этот тривиальный, достаточно реалистичный оборот речи — эфирное тело умершего является средством связи. Нам не следует представлять себе, что там должно находиться некое средство связи для того, чтобы можно было состоять в достаточно задушевной связи с умершим. Подобно тому, как выступающий нам навстречу во внешнем мире человек передаёт нам свой облик посредством образа, который он порождает в нас через наши глаза, так же эта передача посредством эфирного тела означает нечто похожее. В определённой мере мы видим то, что умерший желает передать нам благодаря тому, что мы получаем окольным путём через его эфирное тело. Это эфирное тело находится вне его; но он находится в тесном отношении с этим эфирным телом, таким образом он может записать в это эфирное тело то, что живёт в нём, а мы можем прочесть это внутри как

имагинации. Конечно, когда обученный духовно человек желает таким способом через эфирное тело вступить в связь с умершим, то для этого нужно, чтобы либо в последней жизни между рождением и смертью либо в предыдущих воплощениях были завязаны отношения, которые настолько охватили душу ещё живущего здесь человека, что имагинации могут оказать на него впечатление. Это может происходить только, когда совершенно определённым, интенсивным образом присутствует непосредственный душевный интерес к самому умершему. В целом душевный интерес должен быть посредником между живым и умершим, если связь имеет место, сознательным образом или нет — мы поговорим о последнем случае позже — душевный интерес такого рода, когда мы действительно в определённой степени несём в себе нечто от умершего, что умерший в определённом отношении формирует по крайней мере часть нашего собственного переживания. Только духовный ученик может в определённом отношении создать себе замену из этого. Он может создать себе замену — вначале это проявляется внешним образом, но посредством духовного обучения может быть преобразовано в более внутреннее — благодаря тому, что позволит воздействовать на себя, например, книгам или чему-то другому, в чём живёт индивидуальность умершего. Но он должен был приобрести определённый опыт с этой индивидуальностью, насколько сильно эта индивидуальность запечатлела себя в книге, влилась в книгу, чтобы вступить в отношения, или он должен иметь возможность с живым участием вникнуть в чувства физически оставшихся в живых, разделить их боль, принять участие в интересе, который другие оставшиеся в живых испытывают к умершему. Благодаря тому, что он сам, сочувствуя, воспринимает эти конкретные, изливающиеся, изживающиеся и остающиеся от умершего чувства в любящем близком человеке, благодаря этому он может подготовить свою собственную душу к чтению описанных имагинаций.

Но теперь мы должны уяснить, что восприятие этих, появляющихся из эфирного тела имагинаций, безусловно зависит от духовного обучения или каких-либо других обстоятельств, но то, что люди не замечают также присутствует, и поэтому можно сказать: вокруг людей, живущих здесь в физическом мире, происходят не только имагинации элементарных сил, проистекающие от физического тела человека, но наше эфирное тело постоянно пронизывают имагинации, которые мы принимаем в себя, даже если не замечаем их, исходящие от тех, с кем мы состояли в какой-либо связи, и кто раньше нас прошёл через врата смерти. Как в физической жизни мы связаны физическим телом с окружающим воздухом, можно уже сказать, что так же мы связаны со всем элементарным миром и со всем, что присутствует в элементарном мире от умерших людей. Мы никогда не узнаем нашу человеческую жизнь, если не получим никаких знаний об этих отношениях. Конечно, эти отношения настолько сокровенны, настолько тонкого рода, что, пожалуй, для большинства людей остаются

совершенно незаметными. Но кто же будет отрицать, что человек, в конце концов, не всегда остаётся одним и тем же между рождением и смертью?

Только оглянитесь однажды на свою жизнь, и Вы заметите, даже если воображают, что жизнь проходит последовательно, как человек сделал много движений в разных направлениях, чтобы достичь того или иного. Даже если наша жизнь не сразу пришла на совсем другие пути — что могло произойти также частично -, то это всё же обогатило нашу жизнь с радостной или горестной стороны в том или ином направлении, привело её к другим обстоятельствам в том или ином направлении. Мы знаем, что приезжая в другую местность, мы можем из-за другого состава воздуха прийти к другому состоянию здоровья. Эти различные душевные состояния, к которым мы приходим в течение нашей жизни, проистекают из влияний элементарного мира, и в немалой степени из влияний, исходящих от умерших, с которыми мы ранее были связаны. Некто встречает в жизни друга или иного человека, с которым вступает в те или иные отношения, и которому он должен оказать любезность или которому должен, возможно, даже высказать замечание или критику. Требуется воздействие определённых сил для того, чтобы их свели друг с другом. И кто познаёт оккультные взаимосвязи мира, знает, что, когда двух людей сводят для той или иной цели, то в этом объединении участвуют иногда один, а иногда несколько людей, прошедших врата смерти. Благодаря этому наша жизнь не становится несвободной. Человек, не желающий выглядеть глупым, не скажет: «Как может человек быть свободным, когда его заставляют есть?» - Таким образом, также не стоит говорить: «Мы становимся несвободными потому, что наша душа постоянно описанным образом воспринимает воздействия из элементарного мира». Но на самом деле, подобно тому, как мы связаны с теплом и холодом, с тем, что становится нашей пищей, с окружающим воздухом, так же мы связаны с другим элементарным миром, а прежде всего с тем, что изредка приходит от упокоившихся ранее нас умерших. И человек действительно может сказать: «Воздействие человека на своего ближнего не заканчивается, когда он проходит через врата смерти, а посредством своего эфирного тела, с которым у него остаётся связь, он посылает свои имажинации тем, с кем был связан». В действительности этот мир, на который мы здесь указываем, для нашей человеческой жизни, даже если он по уважительным причинам остаётся незамеченным в повседневной жизни, является гораздо более реальным, чем тот, который мы обычно называем реальным. На сегодня сказанного будет достаточно об этом элементарном мире.

Следующее царство, постоянно окружающее нас, и которому мы принадлежим так же как и элементарному миру, мы можем назвать душевным миром. Название, естественно, не важно. Бодрствуя мы всегда связаны с элементарным миром. Тело, находящееся во сне в кровати, и наше эфирное тело косвенно связаны с этим элементарным миром, когда мы нашим «Я» и астральным телом находимся вне

физического и эфирного тел. Но с тем высшим миром, на который я указываю, мы находимся в самой непосредственной связи, только также в нашей обычной жизни это не доходит до сознания. Эта связь сохраняется во сне, когда мы освобождаем наше астральное тело, а также в бодрствующем состоянии, когда также здесь связь передаётся посредством сил, которые физическое тело притягивает к себе, то есть она не является прямой. Снова мы находим в этом мире — мы называем его душевным, а средневековые философы называли небесным — существ, которые являются столь же реальными, даже более реальными, чем мы во время нашей жизни между рождением и смертью, но которые не нуждаются в воплощении ни в физическом, ни в эфирном телах, однако которые своей низшей телесностью живут в том, что мы обычно называем астральным телом. Во время нашей жизни и после нашей смерти мы постоянно самым тесным образом связаны с огромным количеством таких чисто астральных существ. Люди опять же отличаются друг от друга тем, что разные люди находятся в отношениях с разными астральными существами. При этом может происходить так, что два человека имеют отношения с общими астральными существами - каждый в свою очередь с другими - но у них обоих общие отношения с одним или несколькими астральными существами.

Собственно говоря, мы, люди, принадлежим этому миру, в котором находятся астральные существа, начиная с того времени, когда пройдя врата смерти мы слагаем наше эфирное тело. Тогда вместе с нашей индивидуальностью мы являемся такими существами в этом душевном мире, а нашим непосредственным окружением являются существа душевного мира. В элементарном мире содержится то, с чем мы находимся во взаимосвязи таким образом, что порождаемое нами может описанным образом вызвать имажинации. Но в таком случае элементарный мир определённым образом находится вне нас; мы можем даже сказать, что он находится под нами. Он является большей частью того, что служит нам для общения с остальным миром; но тому миру, который мы сейчас называем душевным, мы сами непосредственно принадлежим. Мы общаемся с существами душевного мира, то есть даже с теми людьми, которые прошли врата смерти и через несколько дней сложили свои эфирные тела. Точно так же, как мы, даже не замечая, постоянно ощущаем влияния из элементарного мира, так же мы постоянно получаем непосредственные воздействия в наше астральное тело из душевного мира, который я сейчас описываю. Только непосредственные воздействия, которые мы получаем — которые мы косвенно узнали благодаря эфирному телу — эти непосредственные воздействия могут стать инспирациями.

Собственно говоря, нам будет понятно, как на нас влияет душевный мир, если я в нескольких словах коснусь того, каким это влияние представляется духовному ученику, который способен воспринимать инспирации из духовного мира. Оно представляется ему таким, что он может довести инспирации до сознания только тогда, когда он в определённом смысле может воспринять в себя самого нечто от

существа, которое желает его инспирировать, нечто из свойств, нечто от жизненной тенденции и жизненного направления этого существа. Речь идёт о том, что духовный ученик должен развивать сознательные отношения с умершим, не просто через эфирное тело, а непосредственным образом через инспирации, в таком случае необходимо, чтобы он нёс в своей душе нечто большее чем то, что можно породить благодаря интересу или сочувствию. Духовный ученик должен в определённой мере, хоть на небольшое время, суметь преобразовать себя настолько, чтобы он в себя самого воспринял нечто от привычек, от характера существа, то есть мы говорим человеческого существа, с которым хотят установить связь. Он должен суметь вжиться настолько, чтобы сказать себе: «Ты настолько сильно перенимаешь привычки, что можешь выполнить их в его духе так, как он мог бы сделать, мог бы почувствовать, мог бы ощутить, мог бы поволить; на первое место выступает «мог бы»!» Должна существовать такая возможность. То есть человек должен иметь возможность ещё более интимного совместного бытия с умершим. У духовного ученика существуют всевозможные средства для этого, если сам умерший это позволяет, только нужно ясно понимать, что эти существа, принадлежащие этому называемому нами душевному миру, в действительности относятся к миру совершенно иначе, чем мы, люди, здесь в физическом мире, и, следовательно, существуют совершенно иные условия для общения с этими существами, то есть также совершенно иные условия существуют для общения с умершими, пока они находятся в своём астральном теле, то есть когда являются только астральными существами. Главным образом можно обратить внимание на частности. У умерших вызывает иного рода интерес то, что мы, люди, развиваем здесь в физической жизни посредством тех или иных отношений с другими людьми, возникающих именно благодаря земной жизни. Здесь на Земле мы развиваем симпатии и антипатии, и мы должны понимать: такие симпатии и антипатии, которые мы развиваем пока живём в физическом теле, находятся под влиянием нашего бытия, опосредованного именно физическим телом и его отношениями. Они находятся под влиянием нашего тщеславия, нашего эгоизма. Нужно понимать, насколько мы развиваем определённые разного рода отношения с теми или иными людьми исходя из тщеславия, эгоизма и других вещей, основанных как раз на нашей физической земной жизни. Мы любим, мы ненавидим людей. Конечно, чаще всего нас мало заботят причины нашей любви или ненависти, нашей симпатии или антипатии, да мы часто избегаем переживаний об этих симпатиях или антипатиях, по той простой причине, что преимущественно это могло бы привести к чему-то совершенно неприятному. Если бы мы изучили факт, выражающийся в том, что, к примеру, мы не любим того или иного человека, тогда мы вынуждены были бы порой приписать себе очень много предубеждений, тщеславия и других качеств, и мы испугались бы приписывать себе такие вещи. И также мы не разъясняем себе, почему мы ненавидим того или иного человека. Но и с

любовью, в конце концов, часто происходит нечто подобное. Но благодаря этому развиваются интересы, симпатии и антипатии, на самом деле имеющие реальное значение только для нашей земной жизни. Но мы действуем из всего того, что развилось таким образом в качестве интереса, исходя из всего этого мы организуем нашу жизнь.

Было бы совершенно неправильно считать, что в том, что завязывается таким образом под влиянием нашей физической земной жизни в эфемерных интересах, симпатиях и антипатиях, умершие могли бы принимать здесь такое же участие, как мы земные люди. В действительности умершие приходят к необходимости увидеть эти вещи совершенно с иной точки зрения. И тогда мы спрашиваем себя, насколько в оценке наших ближних на нас оказывают влияние наши субъективные чувства и то, что лежит в наших интересах, нашем тщеславии, нашем эгоизме и так далее, таким образом не следует полагать, что умерший может быть заинтересован в нашем подобного рода отношении к другим людям и ко всему тому, что, в свою очередь, выливается в деяние исходя из таких интересов. Но, с другой стороны, не следует думать, что умерший не видит то, что живёт в нашей душе. Потому что оно в действительности ведь живёт в нашей душе. Умерший прекрасно видит это, умерший принимает в этом участие; но умерший видит ещё нечто другое, умерший в общем оценивает людей совершенно иначе, чем живущий. В определённой степени он воспринимает людей совершенно иначе. И поэтому одной из самых главных, особенных вещей является следующее: каким образом умершие воспринимают людей, находящихся здесь, на Земле. А мы просто не верим, что умершие не проявляют живого интереса к людям. Они проявляют его, так как человеческий мир является частью всего Космоса; и наша жизнь принадлежит ему тоже. И подобно тому, как нас также интересуют нижестоящие царства в физическом мире, так же и умершие интенсивно интересуются человеческим миром, и посылают туда свои импульсы; они действуют в мире через живых. Мы сами недавно приводили пример того, как умершие продолжают действовать, после того, как едва прошли врата смерти.

Но прежде всего умерший точно видит одно. Он видит как здесь человек, следующий импульсам ненависти, ненавидит то или иное исходя просто из личностных настроений; умерший видит это. Но соответственно своему способу наблюдения и тому, что он может знать, умерший должен позволить сочувствию воздействовать на себя точно так, как например, Ариман побуждает человека к ненависти; умерший видит Аримана, воздействующего на человека. А, с другой стороны, он видит, как на человека, проявляющего тщеславие, действует Люцифер. Самое важное, что умерший видит людей во взаимосвязи с ариманически-люциферическим миром. У умерших отсутствует то, что часто целиком и полностью придаёт окраску нашим суждениям о людях. Мы видим того или иного человека, о котором должны вынести суждение в том или ином направлении; мы приписываем

ему то, что находим в нём предосудительным. Умерший ничего этого напрямую не приписывает человеку, потому что он видит, как его искушает Ариман или Люцифер. Это приводит к тому, что мы можем назвать сглаживанием остро очерченных в нашей физической земной жизни чувств, которые мы испытываем к тому или иному человеку. Это выступает у умершего скорее как некий вид всеобщей любви к людям. Не думайте, что это значит, что умерший не смог бы высказать критику потому, что видит зло в правильном свете. Он прекрасно видит его; только он может объяснить его происхождение, его взаимосвязи.

Но всё здесь мной описанное, также порождает то, что обученный человек может на самом деле приблизиться к умершему только потому, что он действительно освобождает себя от личных чувств симпатии и антипатии к отдельным людям, что он в своей душе не позволяет оставаться зависимым от личных чувств симпатии и антипатии. Только представьте себе: какой-либо обученный ясновидящий приблизился бы к умершему, кем бы он ни был, настолько чтобы его инспирации вошли в его сознание, а этот живущий здесь человек преследовал бы с особой ненавистью какого-либо человека, с ненавистью, берущей своё начало исключительно в личных отношениях. - Да умерший так же отстранится от такого человека, который может ненавидеть таким образом исходя из личных причин, как наша рука отстраняется от огня! Он не сможет приблизиться, потому что ненависть действует на него подобно огню. Для того чтобы сознательно вступить в отношения с умершими, человек должен подобно им определённым образом суметь освободиться от личных симпатий и антипатий. Также благодаря этому Вы можете понять, что, собственно говоря, все отношения умершего к живому, поскольку они основаны на инспирациях, которые присутствуют, даже если их не замечают, которые всегда живут в астральном теле человека, так что человек также этим прямым способом связан с умершим, зависят от вида и способа, которым мы настроены здесь на Земле в нашей жизни. Если мы настроены к людям враждебно, если мы не проявляем интерес и не принимаем участие в окружающем нас мире, особенно если у нас нет непредубежденного интереса и участия по отношению к окружающему нас миру, сочувствия к нашим ближним, то умершие не могут подойти к нам так, как они хотят; они не могут правильным образом проникнуть в нашу душу, или, если это необходимо, то получается с большим трудом и только с болью и страданием. Эта совместная жизнь умершего с живым в целом весьма сложна. Но при этом Вы видите, что человек так же непосредственно действует потому, что он инспирирует живущих на физическом плане после своей смерти, начиная с того времени, когда он проходит врата смерти. И совершенно верно, что те, кто когда-либо жил на Земле, особенно в отношении своих внутренних привычных качеств, том способе, которым они думали, чувствовали, какими склонностями обладали, сильно зависят от тех, кто умер раньше них и кто состоял с ними в отношениях в жизни, или даже с кем они устанавливают

какие-либо отношения после смерти, что, конечно, может случиться при определённых обстоятельствах, но это, естественно, сложнее.

Определённая часть мирового устройства, прогресса человечества целиком основана на том, что умершие оказывают инспирирующее воздействие на жизнь людей на Земле. Да, в инстинктах людей полностью заложено предчувствие этого воздействия, предчувствие того, что так должно быть. И человек может увидеть это, наблюдая ту жизнь, которая главным образом была распространена прежде, а теперь отмирает, потому что человечество в ходе своего развития продвигается к совершенно другим, новым формам жизни. Ранее когда люди в целом в бóльшей степени смутно осознавали реальную действительность духовных миров, они намного больше ощущали, какая необходимость существует для всеобщей жизни; они знали, что живые нуждаются в умерших, вплоть до своих привычек нуждаются в импульсах умерших. Что же человек делал? Оглянитесь назад на прежние времена, когда в очень широких кругах человеческой жизни происходило так, что отец заботился о том, чтобы его сын перенял его дело, чтобы сын продолжал делать то же самое. Тогда, даже если отец давно умер, так как сын остался на отцовском пути, через физический мир создавались объединяющие узы, так что в деятельности сына сохранялось родство с деятельностью отца, и отец мог продолжать действовать в сыне. Много в жизни было основано на этом. И когда целые сословия придают большое значение тому, что внутри сословий или групп этих сословий передаётся по наследству та или иная реальность, то это основано на том, что ощущалась эта необходимость: жизненные привычки прежде живших людей должны переноситься в жизненные привычки следующих людей, когда эти жизненные привычки прежде живших людей созрели настолько, что они приходят от них только после того, как данные люди пройдут через врата смерти; потому что только там они созревают.

Как Вы знаете, конечно, эти вещи заканчиваются, когда род человеческий продвигается вперёд, и можно увидеть приближающимся то время, в котором это наследование, эти консервативные отношения больше не будут играть роли. Потому что физические узы больше не будут такими же как раньше. Но для этого люди должны всё больше извлекать из духовно-научных познаний то, что переносит такие вещи в сознание так, что человек может сознательно брать за основу такие жизненные привычки прежних времён, с которыми следует считаться, чтобы жизнь могла непрерывно двигаться вперёд. Сейчас с начала пятого послеатлантического периода мы живём в переходном периоде, вместе с которым в большей или меньшей степени наступает хаос. Но, в свою очередь, позднее придут обстоятельства, когда человек будет опираться на предыдущий опыт более сознательным образом благодаря познанию духовно-научных истин. Люди ещё делали это бессознательно, инстинктивно. Но необходимо преобразовать в сознательное то, что сейчас ещё остаётся инстинктивным. Хотя на это не обращают внимания, но лишь тот, кто сумеет

изучить историю духовным образом, заметит, если только он занимается реальными обстоятельствами, а не ужасными абстракциями, с которыми именно сегодня работают так называемые духовные науки, что то, чему обучают в эту эпоху, в определённой степени носит характер бессознательной, инстинктивной связи с тем, чему умершие позволяют влиться в настоящее. Если человек однажды действительно сумеет изучить великие педагогические мысли, распространяемые представителями педагогики в эту эпоху — настоящими педагогами, а не шарлатанами —, то увидит, что эти ведущие педагогические идеи проистекают из общего внесения привычек тех, кто умер некоторое время назад, и которые позволяют вливаться своим привычкам.

Таким образом, это ещё более интимное совместное бытие умерших с людьми; потому что вступающее в астральное тело охватывает внутреннее ещё больше чем то, что вступает в эфирное тело. В действительности это ещё более интимное совместное бытие умерших с людьми чем то, что происходит у эфирных тел или любых элементарных существ иного рода. Но из этого Вы можете увидеть, что последующий период в человеческой жизни всегда обуславливается предыдущим периодом, что предыдущий период всегда продолжает жить далее в следующем периоде. Потому что на самом деле, как бы странно это ни звучало, мы по-настоящему созреваем настолько, чтобы воздействовать на других людей, влияя на их внутреннее, только после нашей смерти. При жизни нам не следует навязывать наши собственные привычки другому человеку, достигшему совершеннолетия — сейчас я имею в виду духовное совершеннолетие, а не государственное —, но после того как мы прошли через врата смерти, это правильно и соответствует требованиям дальнейшего развития человечества. Эти вещи происходят помимо всего прочего, что находится в продвигающейся вперёд карме и во всеобщих законах воплощения. И если Вы спросите о скрытых причинах того, почему люди, скажем, делают сейчас то или иное, то во многом - конечно, не во всём — обнаружите, что они делают это по той причине, что от тех, кто умер двадцать, тридцать лет или ещё больше времени назад, вливаются определённые импульсы. Это — скрытые, но конкретные взаимосвязи между физическим и духовным миром. Потому что нечто созревает не только для нас самих в том, что мы проносим через врата смерти, но также и для остального мира. Но только начиная с определённого момента оно действительно созревает для воздействия на других. И оно постоянно становится всё более и более зрелым. И, прошу Вас, обратите внимание, что сейчас я говорю не о внешнем, а о внутреннем, реальном, духовном воздействии. Я не имею в виду то, что некий человек помнит привычки умершего отца или деда и, в свою очередь, исходя из воспоминаний, претворяет в жизнь эти привычки на физическом плане, это нечто совершенно иное. На самом деле, я имею в виду инспирирующие, то есть не воспринимаемые привычным сознанием влияния, проявляющиеся в привычках, в наших самых сокровенных особенностях. И многое в нашей жизни основано на том, что мы даже

вынуждены здесь или в другом месте освободиться от благонамеренных влияний, исходящих от умерших. Да, мы во многом боремся за внутреннюю свободу потому, что мы должны в том или ином направлении стать свободными. Внутренняя душевная борьба, причины которой человек часто не знает, станет понятной для него, если он рассмотрит её в свете, исходящем от такого познания. Если человек желает использовать тривиальные слова, то можно сказать: «Это — грохот прошлого, у нас внутри на самом деле громяют души прошлых времён».

Эти вещи являются простыми истинами, на которые мы смотрим благодаря духовному видению. Хотя люди в сегодняшней жизни главным образом — так было не всегда, тот, кто может изучить историю духовным образом знает это — относятся к этим истинам совершенно по-особому: они боятся их, они боятся познания этих истин; они испытывают ужасный страх, не сознательный, а бессознательный страх. И этот бессознательный страх перед познанием того, каким образом человек находится в мире, какие тайные взаимосвязи существуют не только между душами, находящимися здесь в этом мире, но и между душой здесь и душой, находящейся в другом мире, удерживает людей. Это одна часть того, что эти люди инстинктивно воздерживаются от духовной науки. Они боятся познать действительность. Только они не знают, что не желая познавать действительность, они разрушающим образом вмешиваются во всё течение мира и поэтому, естественно, разрушающим образом вмешиваются, прежде всего, в жизнь, которую потом должны прожить между смертью и новым рождением, где эти отношения должны будут увидеть.

Живущее в нас - оно продолжает развиваться и вызревает постоянно всё больше и больше - ещё больше созревает, когда должно стать уже не просто инспирацией, а может стать интуицией в том смысле, в котором я использовал это слово в книге «Как достигнуть познания высших миров?». Но интуицией может быть только существо, имеющее в общем говоря «духовное тело», если использовать это парадоксальное слово. Человек может интуитивно в этом смысле воздействовать на других существ, то есть также и на существ, ещё воплощённых здесь в физической жизни только, когда он слагает астральное тело, когда он сам полностью принадлежит духовному миру, следовательно, через десятилетия после своей смерти. Тогда он может воздействовать на других людей также через интуиции, а уже не просто через инспирации, как я описывал. Тогда он может воздействовать духовным образом как «Я», находящееся теперь в духовном мире, на другие «Я». Ранее он инспирирующе воздействовал на астральное тело или через эфирное тело на эфирное тело человека. Умерший десятилетия назад может воздействовать непосредственно в качестве «Я» и в то же время, естественно, через посредничество других. И тогда человеческая индивидуальность созревает уже не просто для вживания в привычки людей, но теперь также для воззрений! Вероятно, для сегодняшних чувств, полных предрассудков, это неприятная, совершенно несимпатичная правда; но это — правда.

Наши воззрения, возникающие в нашем «Я», беспрестанно находятся под влиянием давно умерших. Но благодаря этому из духовного мира поддерживается непрерывность развития. Это является необходимостью, иначе нить воззрений постоянно обрывалась бы.

Простите, что в данном месте я приведу нечто личное; но это личное я привожу, хотелось бы сказать, по объективным причинам, потому что такую истину можно полностью понять, только воспринимая конкретное. В действительности никому не следует выдвигать воззрения таким образом, чтобы он высказывал их как своё личное мнение, даже если их достигли очень честным образом. Поэтому ни один человек, честно стоящий на почве оккультизма, сведущий в предпосылках духовной науки, не будет навязывать миру свои взгляды, а сделает всё, чтобы не навязывать напрямую свои взгляды миру; потому что то, что он приобрёл в качестве взглядов под влиянием его собственной личной настроенности бытия, сможет действовать только через тридцать, сорок лет после его смерти. Потому что тогда это действует таким образом, что оно вливается в души тем же путём, которым в души вливаются импульсы Духов времени, Архаев. Потому что тогда оно становится столь созревшим, что действительно может действовать, что оно соответствует объективному ходу вещей. Поэтому необходимо, чтобы те, кто стоит на почве оккультизма, избегали находить личных приверженцев и набирать последователей своих взглядов.

Реально практикующему духовному исследователю не следует стремиться к распространённому сегодня обычаю, когда человек, приобретя собственное мнение, может достаточно быстро начать пропагандировать собственные взгляды. А теперь я расскажу о своём личном: на самом деле не является какой-то случайностью, а чем-то неизбежно связанным с моей жизнью то, что я начал излагать в письменном виде не свои воззрения миру, а написал «Мировоззрение Гёте» полностью в духе и чувстве мировоззрения Гёте, чтобы не связываться с кем-то из живущих. Даже если сами являются этим живущим, то это никогда не могло бы быть реальным оправданием для преподавания духовной науки в том объёме, который я пытаюсь дать, но это необходимый элемент для полного погружения в объективный ход развития мира. Таким образом, я написал не мою теорию познания, а теорию познания Гёте, теорию познания мировоззрения Гёте и так далее. В этом Вы можете увидеть, как в определённом смысле продвигается развитие человека, как те вещи, которые человек здесь приобретает, созревают не только для его собственной, продвигающейся по пути кармы жизни, но как они постоянно всё больше созревают для мира, и как мы продолжаем воздействовать на мир, когда созрев через определённое время, мы посылаем имажинации, а ещё через более длительное время направляем инспирации в привычки людей. Только по прошествии ещё более долгого времени мы готовы и созрели для того, чтобы отправлять интуиции в самые сокровенные глубины человеческой жизни, а также в воззрения. Абсолютно не следует думать, что наши

воззрения возникли из ниоткуда, или что они возникают заново в каждую эпоху. Они вырастают из почвы, на которой коренится наша душа, но они, на самом деле, идентичны влиянию давно умерших людей.

Я считаю, что благодаря знанию таких фактов человеческая жизнь действительно должна пережить то обогащение, в котором она нуждается согласно характеру и духу нашей сегодняшней эпохи и самого ближайшего будущего. И многое из старого прогнило, и следует развивать новое, как я уже часто говорил. Но человек не может войти в это новое без импульсов, которые ему даёт духовная наука. Важно, чтобы благодаря духовной науке наша жизнь перенастроилась по-иному, чем была настроена прежде, то есть в тех ощущениях по отношению к Вселенной и остальным существам Вселенной, которые мы приобретаем благодаря духовной науке. Благодаря духовной науке для нас должно стать полным жизни то, в чём мы постоянно находимся, но что человечество будет призвано признавать, когда это человечество будет ещё дальше развиваться в пятом, шестом и седьмом периодах земного времени. Собственно говоря, сегодня я хотел сообщить Вам эти вещи, связанные с обогащением и оживлением человеческих чувств к миру, углубляющих нахождение в жизни; это то, что я хотел бы оживить в Ваших сердцах, после того как нам снова позволено встретиться через некоторое время, и я надеюсь, что мы ещё часто сможем собираться здесь вместе, чтобы обсуждать подобные вещи, для того чтобы нашим душам удалось содействовать развитию человечества, стремящемуся к духовной науке.

Лекция восьмая

Связь человека с духовным миром

Цюрих, 3 декабря 1916 г.

Вчера в открытой лекции Вы могли увидеть, насколько тесно взаимодействуют духовный мир, в котором мы находимся между смертью и новым рождением, и физический мир, настолько же, по сути, тесно взаимодействуют духовный и физический миры в нашей так называемой физической жизни между рождением и смертью. В определённой мере направление к тому виду и способу, каким мы рождаемся с теми или иными качествами, мы даём себе сами, когда между смертью и новым рождением находимся во взаимосвязи с тем, что происходит здесь в

физическом мире, то есть также с потоком наследования, который, в конце концов, приводит к нашему рождению.

Теперь мы можем всё развитие, рассматриваемое вчера более внешним образом, рассмотреть также ещё в определённой мере внутренним образом, если попытаемся представить перед своей душой связь человека с духовным миром исходя из определённой точки зрения. Между рождением и смертью мы живём здесь в физическом мире. Мы узнаём этот физический мир через наши чувственные восприятия. Конечно, это тривиально и вряд ли нужно было бы говорить: «Если бы у нас не было наших органов чувств, то мы бы не могли ничего узнать о нашей связи с физическим миром». Но всё, что передаёт нам связь с физическим миром через наши органы чувств, естественно, освобождается от нас тогда, когда мы проходим через врата смерти, так что мы можем сказать: «Нашей задачей между рождением и смертью является знакомство с физическим миром». Нас соединяют с этим физическим телом, чтобы через него познакомить с физическим миром.

Но, собственно говоря, мы являемся представителями не только физического мира, но равным образом и представителями духовных миров. Ближайший духовный мир, в определённой степени примыкающий к нашему физическому миру, является тем, который мы уже привыкли — не важно подходит или нет это выражение — называть эфирным миром, а также элементарным миром. Изначально этот элементарный мир является неизвестным миром для человека, поскольку сейчас он живёт в физическом мире. Этот мир - первый из сверхчувственных миров. Но потому что он первый из сверхчувственных, он не становится менее важным для человека чем физический мир, чем чувственный мир. Как только у человека открывается понимание этого элементарного мира, а это происходит потому, что человек получает возможность воспринимать имажинации, ему становится ясно, что этот элементарный мир столь же многочисленно населён существами, как и физический мир. Поскольку у самого человека есть эфирное тело, то он также принадлежит этому элементарному миру. В качестве эфирного существа он является гражданином этого элементарного мира. Только отношения в этом элементарном мире несколько иные, чем отношения в физическом мире.

Вначале мне хотелось бы отметить, что восприятия в элементарном мире могут начаться только тогда, когда человек может полностью освободиться от всего того, что делает его земным человеком. Это освобождение от того, что делает человека земным человеком в целом несложно. Однако для сегодняшнего человека это труднее, чем для людей прежних времён. Мы все знаем о прежнем атавистическом ясновидении. Оно, в частности, заключалось в том, что человек мог освободиться от того, что делает его земным человеком. Как земные люди мы лишь в небольшой степени сформированы из твёрдой материи. В большей степени мы состоим из жидкости. В тот момент, когда мы освобождаемся от того, что в нас является твёрдым,

когда мы ощущаем себя только в нашем жидком элементе, уже могут начать появляться имажинации. В действительности только пребывание в твёрдом элементе мешает тому, чтобы мы узнавали через имажинативное восприятие о том, что находится вокруг нас в качестве элементарного мира. Это имажинативное восприятие вернётся таким же образом, как оно было потеряно для человечества. Только это утраченное ясновидение было своего рода бессознательным, сновидческим. То видение, которое постепенно разовьётся в нашем пятом послеатлантическом периоде, станет полностью сознательным и имажинативным видением. Но оно будет усвоено человеком целиком в соответствии с естественным развитием.

Если снова вернуться к тому, что я говорил ранее о том, что наше отношение к элементарному миру отличается от отношения к привычному физическому миру, то я хотел бы сначала привести важный пример, подтверждающий это: в физическом мире мы формируем наши отношения к тому или иному существу исходя из свободной человеческой воли, по крайней мере так кажется сначала; мы строим нашу дружбу, мы формируем другие отношения с окружающими нас существами. В элементарном мире, в котором мы находимся своим эфирным телом, это не такое же непосредственное дело случая, а мы на протяжении всей нашей жизни в большей или меньшей степени находимся в тесных отношениях с определёнными элементарными существами. Таким образом, в действительности мы можем сравнить наше отношение как самостоятельного элементарного существа — которым мы являемся благодаря своему эфирному телу — к множеству других элементарных существ, на самом деле сопровождающих нас на протяжении всей нашей жизни, с отношением Солнца к вращающимся вокруг него планетам. Наше эфирное тело — это некоего рода солнечное элементарное существо, и его сопровождает множество элементарных существ, относящихся к нему как планеты к Солнцу, так что совместно с ним эти элементарные существа в определённой степени составляют некоего рода семеричность, так же как согласно древним воззрениям планеты вместе с Солнцем составляют некоего рода семеричность.

Собственно говоря, на протяжении всей нашей физической жизни между рождением и смертью происходит постоянное взаимодействие между этими нашими элементарными спутниками и нами. Не только наше самочувствие зависит от того вида и способа, которым наше элементарное или эфирное тело относится к своим спутникам, но и наше отношение к внешнему миру, к определённым внешним существам, главным образом к другим людям, регулируется взаимоотношениями между этими спутниками и нашим собственным эфирным телом. В будущем появится некая разновидность медицины, которая будет совершенно по-особому считаться с тем, о чём я сейчас сказал. Появится медицинско-психологический способ рассмотрения, который будет выявлять, в какой мере тот или иной спутник относится к эфирному телу, и из этого смогут оценивать здоровое или болезненное состояние

самочувствия. Потому что по сути то, что сегодня называют болезнью, на самом деле является только внешним, физическим образом того, что происходит в действительности. В действительности присутствует некая неправильность в том, что я сравнивал с планетной системой, а болезнь есть только отражение этой неправильности.

Теперь человек мог бы сказать: «Обладающие такими знаниями должны сегодня сформировать учение о болезнях: здесь Родос, здесь и танцуй!» - можно было бы сказать -, «и здесь оккультизм должен продемонстрировать своё искусство». Конечно, он сделает это, когда его ноги освободят, потому что человек не может танцевать, если его ноги связаны; а связывает эти ноги именно наличие сегодняшнего материализма, в которой закована вся медицинская наука. Это не может быть улучшено тем, что тот или другой человек в какой-то мере делает это или то, но только благодаря тому, что общая воля большого количества людей добьётся такой организации медицины, которая сделает возможной проникновение в медицину духовного принципа.

В этом отношении особенно важно увидеть то, что Павел неспроста высказал неимоверно важные слова, но на самом деле их никогда не понимали верным образом, потому что люди всегда думали, что они христиане, тогда как в действительности абсолютно не были ими. Павел объяснял, что грех проник в мир через закон, то есть что грех присутствует здесь через закон. В более широком смысле: то, что нарушает порядок, присутствует здесь благодаря закону. Даже сегодня на эти вещи можно только намекнуть, потому что, когда нечто не соответствует порядку, наше материалистическое время, в общем, постоянно будет взывать к закону, не зная, что именно то, что не соответствует порядку, исходит от сотворённых законов. Но, как уже было сказано, об этом можно только намекнуть; потому что для понимания таких вещей требуется ещё очень и очень многое. Я говорил: «Люди считают, что являются христианами». Потому что хотя несчётное количество людей читают такие вещи, как высказанные Павлом, но очень мало их понимают.

Таким образом, благодаря тому, что мы являемся эфирными существами, мы находимся в элементарном мире, и определённая система находится в тесном отношении с нами самими. Эта система, то есть те сопровождающие нас элементарные существа, эфирные существа, являются также теми, кто благодаря своим силам, потому что они располагаются определённым образом, когда мы проходим врата смерти, вначале извлекают наше эфирное тело из нашего физического тела и потом помещают его, то есть при этом самого человека, в элементарный мир. Как я уже объяснял, этот элементарный мир можно полностью воспринимать, только познавая имагинативным образом. В этом элементарном мире существует множество существ, которых можно назвать духами природы. Но прежде всего в нём находятся все люди, которые физически прошли через врата смерти, но, как мы знаем, всего

лишь небольшое время, лишь несколько дней. Затем элементарному миру передаётся то, что мы называем эфирным телом. Его слагают как второе мёртвое тело. Но не следует думать, что это второе тело, оставляемое здесь, теперь быстро уничтожается в элементарном мире. Этого не происходит, оно, однако, в определённой мере растворяется в элементарном мире, но это растворение, это всё большее и большее истончение не означает, что его не могли бы воспринимать существа, в целом умеющие воспринимать имагинативным образом. Прежде всего, это элементарное тело, это эфирное тело постоянно воспринимают те, кто сам прошёл через врата смерти. Человек слагает с себя его, это элементарное тело, и теперь живёт далее между смертью и новым рождением, но он находится в постоянной связи с этим сложенным эфирным телом. Здесь не происходит так же как с физическим телом, с которым человек теряет связь, слагая его; в отношении элементарного тела происходит противоположное: человек сохраняет свою связь, и эта связь, которой человек обладает со своим элементарным, со своим эфирным телом, может продолжаться даже вплоть до вхождения в физический мир.

Собственно говоря, если человек здесь в физическом мире сделал свою душу восприимчивой благодаря тому, что овладел элементарным, имагинативным восприятием, тогда он также сможет в представлениях — которые, естественно, в таком случае проявляются намного тоньше, чем привычные представления - поддерживать сознательную связь с умершими. Это является сознательным, объединённым бытием с умершими. Но если в течение жизни существовала связь между тем, кто остался здесь в физическом мире, и тем, кто вознёсся в духовный мир, тогда в действительности бессознательно присутствует то, что может стать сознательным. Предположим, что умер наш любимый человек. Знаем мы об этом или нет — это может знать тот, у кого открылось имагинативное восприятие - : умерший действует, будто он, я хотел бы сказать, направляет свою волю в сложенное им эфирное тело словно в зеркало, и, в свою очередь, это зеркало посылает нам эти излучения; умерший воздействует на живущего окольным путём через элементарное, через эфирное тело. Это является в определённой степени опосредованным воздействием.

Если мы хотим охарактеризовать, в чём выражается это косвенное воздействие, то я могу сказать: «В наших представлениях, которые мы таким образом проносим через мир». Конечно, в большинстве случаев, особенно в наше сегодняшнее материалистическое время, человек знает только о тех представлениях, которые являет ему внешняя физическая действительность. Но среди этих представлений, которые мы проносим через мир, постоянно существуют такие, которые являются в определённой степени настолько тонкими, что их не воспринимают напрямую. Человек просто не обращает на них внимание. Если бы человек привык более сокровенным образом уделять внимание своей душевной жизни, и если бы он не

позволял более грубым представлениям, вливающимся из физического окружения, я хотел бы сказать, беспрестанно заглушать эту более тонкую душевную жизнь, то он уже заметил бы, что более тонкие представления всё же присутствуют здесь постоянно. И они исходят от тех, кто был связан с нами и уже прошёл через врата смерти, и, особенно в первое время после прохождения через врата смерти, они могут передавать нам свои действия, поступки, мысли описанным образом.

Таким образом мы сами в наших представлениях ещё некоторое время несём существо умершего потому, что мы как эфирное существо принадлежим элементарному миру. Когда человек говорит о монизме и желает основываться на действительности, тогда ему пришлось бы преимущественно говорить об этом монизме, который я сейчас описал, о единстве (Monon), формируемом из взаимодействия живого и умершего. В действительности те, кто прошёл через врата смерти, совсем не далеки от нас. Они гораздо ближе к нам, чем думают.

Собственно говоря, человек, проживающий период времени между смертью и новым рождением, всё больше и больше развивается настолько, что он также может самостоятельно непосредственно влиять на мир. И, начиная с определённого времени, человек воспринимает в качестве воздействия ушедших умерших то, что в известной мере излучение их силы проникает в наши души. Но это излучение, это непосредственное воздействие не может напрямую вживаться в наши представления, в наши мысли, а оно в большей степени вживается в наши привычки, в вид и способ, которыми мы существуем, в вид и способ, которыми мы здесь действуем; в это вливается то, что воздействует из духовных миров и что приходит к нам от тех, кто уже прошёл врата смерти. Только нам необходимо понимать, что такое взаимодействие умершего с живыми связано с множеством условий. Умерший находится в окружении подобных себе существ, это означает душевных существ, то есть всех существ, принадлежащих более высоким иерархиям и вплоть до людей внизу, и поскольку сложенное им эфирное тело является для него посредником, то он может также воспринимать людей, в определённой степени скрытых от него завесой своего физического тела; но он проникает через эту завесу с помощью своего эфирного тела. Прошедший через врата смерти подчиняется условиям, согласно которым живут в душевном, духовном мире, он должен следовать им. Теперь мне нужно указать только на самое главное, чтобы Вы поняли, что здесь на самом деле имеется в виду. Конечно, мы знаем: во всём мире, в котором мы живём, действуют самым различным образом люциферические и ариманические силы. Если бы люциферические силы не оказывали на нас своё притягательное действие, тогда того, что выражается в человеке как неправильные или плохие поступки, просто не существовало бы здесь в мире. Эти люциферические и ариманические силы должны влиять на человека, должны дать человеку возможность следовать им.

Если мы верно представим себе это, то поймём, что человек является ещё чем-то иным, чем существом, в которое мы превращаем его исходя из нашей критики. Если бы мы уже в физическом мире имели способность постоянно видеть как люциферическое и ариманическое влияния воздействуют на людей, то мы бы судили о людях совсем по-другому. Возможно, мы стали бы менее критичными, если бы увели наше суждение в сторону от людей, и должны были бы побороть не человека, а Люцифера и Аримана. И человек стал бы бесконечно толерантнее в отношении другого человека. Эту толерантность проявляют живущие между смертью и новым рождением как в отношении находящихся вместе с ними в духовном мире существ, так и в отношении существ, ещё воплощённых здесь в физической жизни в качестве людей. И это просто относится к сущности того, кто прошёл через врата смерти, что он овладевает этой толерантностью, что он постоянно видит: у человека в том или ином принимают участие Люцифер или Ариман. Он не говорит: «Это — плохой человек, следующий дурным склонностям», - но он видит: Люцифер тем или иным образом воздействует на него. Он не говорит: «Это — завистливый человек», - а говорит: «На него тем или иным образом воздействует Ариман». - Таким образом судит живущий там наверху между смертью и рождением, потому что это относится к его сущности так же, как например, к нашей сущности относится обладание здоровыми глазами, если мы по своей природе здоровы. Поскольку это относится к сущности умершего, то умершему причиняет боль, когда он поддерживает связь, начавшуюся в физической жизни, и наталкивается здесь в нас на другой образ мыслей. Предположим, что мы исходя из личной антипатии проявляем особую ненависть к некоему человеку, который также был связан с умершим, тогда эта ненависть означает невероятную боль для этого умершего, который мог быть связан с нами, и эту ненависть подобную мечу, колющему мечу, подобную копью, направленному против него, умерший каждый раз должен преодолевать, когда он, насколько ему необходимо, хочет приблизиться к нам, потому что он ведь связан с нами.

Таким образом, вид и способ, которым умерший хочет действовать в нас, и как он сам себя при этом воздействии чувствует, очень сильно зависит от настроения нашей души. Это воздействие происходит всегда; но вид воздействия очень сильно зависит от настроения нашей души. Это непосредственное влияние умерших, которое я описал, играет роль в наших привычных, взятых из окружающего мира представлениях, в наших ощущениях, в нашей направленности чувств, нашем темпераменте и наших привычках. Но здесь постоянно присутствует взаимосвязь между тем, что происходит там, в царстве тех, кто прошёл врата смерти, и нашими собственными душами.

Если Вы теперь на всё это обратите внимание, то можете сказать себе: «В том, что мы несём в нас в качестве души, происходит сложная деятельность, и многое требуется, чтобы увидеть, что в человеческой душе всё на самом деле пульсирует таинственным образом, что всё пульсирует таким образом, что сама эта человеческая

душа не несёт в своём сознании многое из того, что там пульсирует». Но общий настрой души, то, что она может или не может, зависит от этого. Потому что, в свою очередь, всё это в значительной мере определяется нашей кармой; что нас объединяют здесь именно с теми или иными людьми, которые потом действуют на нас таким образом, как я описывал, естественно, в более широком смысле связано с нашей кармой.

Когда мы представляем это перед нашей душой, нам только необходимо ясно понимать, что наше время действительно реально стремится к тому, что должна дать людям духовная наука, но что сегодня эти реальные устремления ещё во многом утоляются неверными путями. Сегодня существует множество людей, далеко выходящих за рамки предрассудков, которые были у людей середины, а также последней трети XIX века, что всё душевное можно объяснить только физическими, физиологическими влияниями. Но часто половина или четверть истины действует намного хуже, чем безраздельное заблуждение. И такая половина или четверть истины лежит в основе того, что сегодня часто называют аналитической психологией или психоанализом.

Люди ищут, но ищут наощупь. Они догадываются, что многое сокрыто на дне души, но они не могут решиться на самом деле сделать шаг в духовный мир, чтобы найти то, что сокрыто на дне души. Что сегодня говорят психоаналитики? Они говорят: «Когда человек в жизни выступает нам навстречу таким образом, тогда его общее самочувствие во многом зависит не только от того, что находится в его сознании, но и от целого ряда факторов, лежащих в бессознательном, ниже порога сознания. Здесь человек приходит к тому, что переживает подавленное настроение. Во всём его нервном аппарате происходит неправильность». В таком случае психоаналитик считает, что следует отыскать то, что человек, возможно, пережил много лет назад, что он не переработал целиком как переживание, а вытеснил в подсознание. Но поскольку это забыли, поэтому этого здесь нет. Психоаналитик хорошо понимает, что вытесненное из сознания, всё же не вытесняется из реальности; оно находится именно там внизу в подсознании. Собственно говоря, он исходит из следующего: когда человек поднимет это в сознание посредством некоего рода катехизации*, тогда придёт к тому, что там внизу мучает и гложет его. Теперь исходя из этого — я, конечно, не могу здесь разобрать психоанализ со всеми его ответвлениями, но я хочу показать только некоторые вещи — психоаналитик многое ищет в подосновах души. В предыдущие годы у человека были те или иные жизненные идеалы, те или иные надежды, те или иные планы. Он их не осуществил, не смог их выполнить. Естественно, они находятся за пределами его сознания, потому, что он живёт в сегодняшней жизни; но они не находятся за пределами

---

* Катехизация — искусство обучать посредством наводящих вопросов, имеющих между собою тесную связь и расположенных в строго логической последовательности. — прим. пер.

действительности его души. Потому что это мучает его, потому что это гложет его, и его общее самочувствие зависит от того, что находится там под его сознанием. У него была некая несчастная любовь, и это то, что психоаналитики находят в большинстве случаев, потому что целенаправленно ищут её. Это — некая изолированная область его душевного сознания; хотя он поборол её, и она больше не находится в его сознании, но она продолжает действовать дальше. В частности, как считают психоаналитики, она продолжает действовать тогда, когда здесь остаётся только чувство любви, а не любимое существо, когда это чувство остаётся неудовлетворенным. Затем, помимо иссушающе разрушающих жизнь надежд, помимо того, что я описывал, психоаналитик в глубине душевной жизни ищет «глубинный слой инстинктов» жизни, то, что постоянно посылает влияния вверх в качестве «глубинного слоя инстинктов» жизни, и связь между всем, что человек несёт в себе в качестве инстинктивного, животного существа и тем, что происходит в его душевной жизни. И такие аналитические психологи, которые идут далее, говорят: «Собственно говоря, если проникать всё ниже и ниже, то, наконец, обнаружат то, что поднимается в душе от расовых связей, от национальных связей и так далее, что происходит в душе более или менее бессознательным образом, но, в конце концов, в самом низу находится демоническое, самое неизвестное, то, что лежит под «глубинным слоем инстинктов»». Затем такие люди, являющиеся особыми приверженцами психоанализа, часто едва слышно указывают, что внизу в этих демонических глубинах находятся те импульсы, которые ведут к гнозису, теософии, Антропософии и тому подобному. Даже если не очень часто, я хотел бы сказать, в определённой мере замаскированно указывают, но на это указывают. Если Вы прочтёте один из последних выпусков «Wissen und Leben» («Знания и жизнь»), то сможете местами уже найти такие указания, хотя и скрытые между строк.

Я уже говорил: «Половина или четверть истины часто действуют хуже, чем полное заблуждение». В аналитической психологии заложена половина или четверть истины, а именно поиски в подсознательной глубине души. Но если мы сравним её с тем, на что мы сегодня уже указывали, что на всё, что здесь в глубине души живёт в реальности, действуют из царства умерших, тогда нас направляют к совершенно иному виду и способу, тогда мы не будем искать «глубинный слой инстинктов» души или затемняющую эротику для объяснения какого-либо душевного настроения, а чаще нам нужно будет искать причину душевного настроения в том или ином ушедшем человеке, которому мы своим собственным отношением причиняем трудности, и эти трудности выражаются в том, что в сознание пробивается та или иная неудовлетворённость. Вкратце говоря, мы поступим правильно, если благоговейным, священным образом донесём до сознания взаимосвязь, существующую не просто

между нашим миром и абстрактным, пантеистически* расплывчатым духовным миром, а реальным духовным миром, в котором прошедшие через врата смерти являются реальными существами, пребывающими с нами, так же как пребывали в жизни, только то, как они взаимодействуют с нами, подступает к нашей душе намного ближе, чем то, как они действовали в жизни, в которой мы всегда разделены нашими и их телами, находившимися как преграда между нами.

Затем наступает дальнейшее время, когда человек полностью освобождается от астрального тела, слагая это астральное тело, и через некоторое время может воздействовать ещё более интенсивно из духовного мира в физический, потому что это происходит внутренним образом. Ранее внешняя жизнь во многом регулировалась согласно таким инстинктивно узнаваемым истинам, даже если то, что происходило во внешней жизни, часто вытекало из обыденных внешних причин. Но в основе этого внешнего — часто об этом узнавали только через инстинкты — лежало внутреннее. Я уже говорил, что прошедшие через врата смерти умершие находятся в непосредственной взаимосвязи с теми людьми, которых они здесь оставили и с которыми были связаны, в особенности любовью, таким образом, что они воздействуют на привычки. Поэтому в те времена, когда такие вещи ещё ощущали совершенно инстинктивно, обращали внимание на то, чтобы сын как можно меньше выходил из круга взаимосвязи со своими родителями. Тогда доступ был намного легче. Изучение того же самого дела, принадлежность к одной профессии, в целом полностью реально-консервативная приверженность тому же направлению было инстинктивным выражением для облегчения воздействия людей, прошедших врата смерти, на тех, кого они здесь оставили. Если они находились в той же ситуации, что и сами умершие, тогда этим умершим также было легче найти путь к ним. И когда-нибудь проследят такие тонкие импульсы и причины в историческом становлении человека.

Собственно говоря, если человек умер уже давно, то он полностью сложил своё астральное тело. Это происходит только спустя десятилетия, потому что движения, совершаемые в духовном мире, намного медленнее движений в физическом; тридцать лет духовного мира соответствуют примерно одному году физического мира. Человек спешит здесь, в физическом мире; в духовном мире он всегда должен совершить оборот в некотором роде в гораздо большем круге, чем здесь, в физическом мире. Вкратце говоря, один год физического мира соответствует тридцати годам духовного мира, в течение тридцати лет в духовном мире человек переживает примерно ту же самую часть мира, что и за год физического мира; благодаря этому человек испытывает переживания более внутренне, более интенсивно. В целом то, что человек здесь проживает, во многих отношениях взаимосвязано с большим миром, с

---

* Пантеизм — религиозно-философское учение, отождествляющее Бога с природой, со всем мирозданием. - прим. пер.

макрокосмосом, так что то, что переживают здесь в микрокосмосе, в человеке также всегда можно выразить как относительную величину к макрокосмосу. Например, я хочу обратить внимание на следующее: если мы посчитаем число дней человеческой жизни, то получим такое же число, но уже в годах, которое требуется Солнцу, чтобы пройти весь платонический год, мировой год. То есть во время жизни человек проживает примерно столько же дней, сколько лет необходимо Солнцу, чтобы пройти весь мировой круг от одного знака зодиака к другому. То есть ему требуется примерно 25 900 и ещё несколько лет, чтобы пройти все знаки зодиака. Примерно столько дней человек — естественно, не для всех это одинаково — проживает в своей отдельной жизни между рождением и смертью.

И существует ещё одна интересная взаимосвязь: также, в свою очередь, за день человек делает столько вдохов, что их количество соответствует количеству проживаемых дней и количеству лет, за которое Солнце обходит весь зодиак. Вы видите, что мир действительно в самом глубоком смысле устроен согласно мере и числу. И человеку следует подумать, что именно это прекрасное внесение человека в мир, это соответствие гармоний должно было бы вывести грубых материалистов наших дней за пределы их мировоззрения, которое не желает видеть во Вселенной ничего кроме механизма. Однако, это — удивительный механизм, распределяющий своих отдельных существ в себе самом таким образом, что они находятся в чудесных, численно гармонично упорядоченных отношениях ко всему в целом.

И таким образом также весьма удивительно, когда мы рассматриваем мир духовно, то мы на самом деле можем сказать: «Когда человек развивается между смертью и новым рождением, он продвигается вперёд намного медленнее, чтобы выполнить всё более основательно». А именно в духовном мире он продвигается вперёд во много раз медленнее, как Сатурн медленнее, чем Земля обращается вокруг Солнца. Сатурн во много раз медленнее, чем Земля обращается вокруг Солнца, как человек гораздо медленнее движется в духовном мире, чем здесь на физической Земле. По этой причине — а не потому что они знали меньше, чем сегодняшние астрономы — древние люди считали Сатурн самой внешней планетой, ещё относящейся к солнечной системе. Также это верно астрономически; потому что другие планеты, добавленные сейчас, Уран и Нептун, подлетели и присоединились позже, а также вращаются в совершенном другом положении, даже в другом вращательном движении, чем те планеты, которые действительно относятся к солнечной системе.

Собственно говоря, должен пройти, по крайней мере, *один* такой духовный год, означающий тридцать земных лет, пока душа, если она достигла нормального возраста жизни от семидесяти до восьмидесяти лет, сможет войти не просто в привычки, а полностью в образ восприятий, во всю духовную жизнь оставшихся здесь или связавшихся с ней по своей воле людей. Но в этом случае умершие также весьма

обширным способом влияют на нашу жизнь. Происходит именно так, что мы несём в себе в отношении всего духовного характера, в котором мы находимся, импульсы давно умерших людей, действующих в нём. В целом взаимосвязь будущего с прошлым порождается потому, что имеет место такое созвучие умерших с живыми. Подобно тому, как опосредованное откровение умерших через сложенное ими эфирное тело, действует на имагинативное познание, так и то, что входит в привычки описанным образом, действует на инспиративное познание, и то, что я описал последним, может действовать только после того, как человек пережил духовный год, действует, если оно должно стать осознанным, в интуитивном познании. Но оно действует непрерывно. Человек сможет, я хотел бы сказать, наиболее правильно постичь смысл эволюции только, когда сознательно обратит внимание на такие вещи.

Простите, если я в данном месте — Вы знаете, что я не люблю так поступать и делаю очень редко — вставлю нечто очень личное. Сейчас человек, попытающийся посмотреть на то, что я начал писать ещё несколько десятилетий назад, увидит, что в то время я полностью воздерживался от того, что мог высказать как своё собственное мнение. Я не писал своё мнение о Гёте, а пытался выразить мысли, которые могли исходить от Гёте; я написал «Теорию познания гётевского мировоззрения», а не свою теорию познания. - Таким образом, человек может полностью сознательно соединиться с давно умершими и суметь действовать исходя из их духа. В определённой мере также это даёт разрешение для воздействия на живых. Потому что когда любой человек, едва успевший сформулировать своё мнение, тотчас желает со своей стороны поделиться им с многочисленными последователями, это является неподходящим разрешением, на котором особенно настаивают современные люди. Люди, знающие требования бытия от духовного мира, основополагающие законы бытия, осознают, что на самом деле человек настолько удивителен, настолько парадоксален, что ему разрешено действовать в глубинах душ своих ближних только тогда, когда он умирает и только после того, как он проживёт там один духовный год, что означает тридцать лет здесь. Было бы замечательно, если бы в мире ещё дальше распространялась эта самоотверженность, чтобы живущие в позднейшее время присоединялись бы к умершим и пытались на самом деле сознательно поддерживать неразрывную связь в эволюции. Является ли это исключительно избранным родством или другим, порождённым кармой родством: опираться на тех, кто стремится посылать лучи своего воздействия из духовного мира, если мы живём ими сознательно, в определённой мере невероятно важно.

Я попытался вызвать в Вас ощущение такого характера взаимодействия между так называемыми умершими и так называемыми живыми. Нам только следует понимать, что условия в духовном мире совершенно иные, чем здесь. Значительную часть этих условий и условий переживаний в духовном мире Вы можете найти в цикле лекций под названием «О жизни между смертью и новым рождением», прочитанном

мною в Вене несколько лет назад. Однако можно остановиться только на некоторых из этих вещей, которые важны с одной или другой стороны. Потому что следует сказать, что в духовном мире существует нечто похожее и опять же очень непохожее на нашу физическую жизнь. Прежде чем мы в полном смысле входим в физический мир, естественно, мы переживаем эмбриональный период, в котором условия жизни совершенно иные, чем начиная с того момента, когда мы полностью вступили в физический мир в качестве существа, дышащего внешним воздухом. В определённом смысле и стиле то время, которое мы переживаем в первый духовный год — которое часто называют периодом Камалоки — очень похоже на эмбриональный период. Потому что как человеку нужна помощь другого человеческого существа, которому он позволяет внести себя в физический мир через десять лунных месяцев, так же он позволяет внести себя в духовный мир посредством всего того, что удерживает его вместе с физическим миром в желаниях и вожделениях, которые он постепенно отбрасывает. И в этот первый духовный год — тридцать лет после смерти — сознание ещё в определённой мере похоже на сознание здесь в физическом мире, даже если навыки и тому подобное, которые можно приобрести только в физическом мире, можно передавать только опосредованно через эфирное тело. Но затем наступают другие состояния сознания; тогда выступает намного более высокое сознание чем то, которым мы можем обладать здесь в физическом теле. Если Вы вспомните многие вещи, изложенные в недавно упомянутом цикле лекций, то сможете увидеть, насколько это сознание в духовном мире носит совершенно иной характер. Вам необходимо только обратить внимание, насколько сильно это сознание зависит от того, что может войти в это сознание. И когда мы здесь, в физическом мире, ходим как обычные люди, то в нас входят явления минерального, растительного, животного царств и физического человеческого царства вместе с другими душевными и культурными переживаниями и так далее. После смерти мы больше вообще не воспринимаем минеральный мир как таковой, из растительного мира воспринимаем только всеобщую жизнь. Прочтите в моей «Теософии», какими являются эти вещи при восхождении в так называемый мир духа.

Также всё это связано с совершенно другого рода переживанием в духовном мире. Собственно говоря, для всего этого на самом деле не существует слов, которые Вы сможете постичь. По сути, наш язык создан для физического мира; следовательно, очень трудно правильно описать эти отличающиеся отношения. Поэтому человека с лёгкостью могут понять неправильно. Также, прежде всего, человек может говорить с помощью сравнений. Здесь в физическом мире Вы стоите, я хотел бы сказать, в некой точке всего мироздания; Вы смотрите своими глазами наружу во всех направлениях в окружающий мир. В духовном мире это происходит не так. Там Вы находитесь на окружности и в определённой мере смотрите с окружности внутрь на внутреннее пространство полого шара, но это описывается только с помощью сравнения, так как

это не полый шар, потому что время имеет более важное значение, чем пространство. То есть Вы обзрываете всё со стороны окружности; там присутствуют совершенно другие условия представления, совершенно другие условия созерцания! И внутри самих представлений опять же совершенно иные условия. Предположим, что человек прошёл через врата смерти в возрасте шестидесяти, семидесяти, восьмидесяти лет или даже раньше: теперь он ясно чувствует внутреннее переживание. Если здесь в физической жизни Вы чувствуете голод или боль здесь или там в некоем месте тела, Вы не говорите: голод находится здесь или там, - а говорите: голод находится в нас. Таким образом, когда Вы смотрите со стороны окружности на некоторое место, в определённой мере Вы чувствуете, Вы знаете, что здесь присутствует нечто, что хочет до некоторой степени иметь с Вами дело. Теперь Вы должны приложить усилия, чтобы устранить то, что здесь заявляет о себе, что раскрыло себя! И только когда Вы это устранили, выступает истина, которая хочет здесь заявить о себе. То есть мы можем сказать: «Как духовное существо мы несём в себе некое представление; но это представление ни о чём не говорит нам, а сначала его нужно удалить, и только когда мы его удалили, мы обнаруживаем в нас — да, сколь бы парадоксально это ни звучало, так и происходит — Ангела или Архангела, открывающего нам себя!» Сначала мы должны достичь этого присутствия, когда, прежде всего, это присутствие возвещает нам себя в представлении. Таким образом, понимание духовного мира связано с определённым мощным усилием, с определённой работой. Только тогда оставшиеся здесь в физических телах души в большей или меньшей степени, не прилагая этих мощных усилий, смогут возвестить о себе умершим, когда они на самом деле здесь направят мысли к умершему, читая ему нечто или делая нечто подобное.

При помощи того, о чём я говорил, я только хочу, чтобы Вы поняли, насколько сильно отличаются условия восприятий, жизни, получения опыта в духовном мире. И когда это произойдет, тогда Вам также не покажется удивительным то, что в определённой степени тридцать лет духовного времени являются одним годом физического времени; потому что в духовном мы стоим на окружности и смотрим внутрь на центральную точку. И очень важно придерживаться этого. Насколько трудно говорить об определённых духовных вещах Вы можете увидеть благодаря тому, что многие вещи, когда их необходимо облачить в физические представления, выглядят прямо-таки противоположным образом, и поэтому очень легко возникает неправильное понимание. Изначально, глядя на вещи со стороны физического мира, люди по праву говорят: «Человек проходит через повторяющиеся земные жизни». - Это правильно. Но почему он проходит через повторяющиеся земные жизни? Когда он живёт здесь между рождением и смертью, то он проживает определённый отрезок времени. Затем он входит через врата смерти в духовный мир, проходит через некоторую окружность, но опять же возвращается на окружности в тот же отрезок

времени. И снова и снова, когда мы проживаем жизнь, мы на самом деле находимся на одном и том же месте мира. Это весьма интересно! В царстве духа господствует на самом деле не время, а длительность. Мы снова возвращаемся на одно и то же место. Фактически мы повторяем жизнь с теми же отношениями с тем, что мы прожили за прошедшее время, на том же месте мира. Мы снова и снова возвращаемся к исходной точке. Мы действительно делаем круг. Вы можете сказать: «Это сложно представить». Даже если это сложно представить, среди множества более лёгких представлений я хочу, чтобы такая вещь, высказанная мной сегодня, однажды в Вашей душевной жизни стала предметом Вашей медитации. Порой следует долго-долго медитировать над такими вещами, если хотят понять их во всём их значении.

Сегодня главной задачей я наметил себе описание вида и способа, которым прошедшие через врата смерти души воздействуют вниз на мир, на оставшихся людей, с которыми они были связаны, находясь в своих физических телах. И таким образом, с другой стороны, Вы снова увидели, что мир на самом деле является сплочённым единством, что умершие в действительности мертвы только для внешнего физического наблюдения. Потому что в тот момент, когда они проходят через врата смерти, они получают другой доступ к нашей душе, и это огромное отличие. Теперь они воздействуют на нас изнутри, в то время как будучи живыми они воздействовали на нас снаружи. Такие вещи должны всё больше и больше становиться не только внешними теориями, а вживаться в сознание людей, должны стать не просто представлениями о мире, а воззрениями о мире, да, я хотел бы сказать ощущениями мира. Тогда духовная наука принесёт те плоды, которые она должна принести, но также которые она сможет принести.

Напоследок хочу высказать ещё одно замечание. Вдумайтесь однажды, что значит, что человек должен нести в себе чувство, а именно что в определённое время между смертью и новым рождением он несёт в себе иерархии как свой внутренний опыт! Это так! Это могло бы привести человека к самому ужасному высокомерию, которое могло бы жить в его душе как некое тёмное чувство, когда он рождается. В древние времена против этого высокомерия создавалась преграда благодаря тому, что, когда люди проходили через врата смерти и входили в духовный мир, они в определённой мере знали: они смотрят не сами, но в них живут высшие существа высших иерархий, содействующие им при созерцании. Но человек потерял эту связь в духовном мире, так же как здесь в физическом мире он потерял древнее атактистическое ясновидение. Но поэтому должно наступить то, что Павел выразил в словах: «Не я, но Христос во мне», и чего достигает настоящее духовное ощущение благодаря словам: «Из Бога мы рождаемся; во Христе умираем». Когда мы усвоим это во всей глубине благодаря ощущению, которое может прийти к нам из духовной науки, чем является Христос для Земли, тогда мы правильно поставим себя в отношении этого взирания со стороны окружности. И когда мы согласно правильному

чувству «во Христе умираем» переживём врата смерти, то, глядя со стороны окружности, мы обнаружим среди тех существ, которых мы видим, тех, кто принадлежит к более высоким иерархиям, тех, которые также являются элементарными существами, но также тех существ, которые являются ещё воплощёнными здесь человеческими душами или уже развоплощёнными человеческими душами, мы также среди всех них обнаружим наше собственное «Я»-существо. Мы смотрим извне на отношения нашего «Я»-существа с другими существами, о которых я только что говорил. Возможность испытывать эти ощущения после прохождения через врата смерти имеет в определённой мере невероятное значение. Потому что мы можем правильным образом снова свыкнуться с воплощением в теле только тогда, когда мы можем испытать эти ощущения к нашему собственному «Я». Но мы можем испытать их только тогда, когда мы сможем благодаря им правильно пройти через врата смерти вместе с чувством: «Во Христе мы умираем». Это соединение с Христом даёт нам возможность также в определённой степени увидеть душевным оком Христа наши отношения в духовном мире, увидеть нас самих как «Я»-существо среди других духовных существ.

Я хотел бы достичь того, чтобы мы из таких, представленных сегодня рассматриваний в определённой степени брали с собой не только знания, а чтобы эти знания преобразовывались в ощущение, в чувство. И если все, высказанные сегодня представления не прошли мимо нас как сон, если нам останется только основное чувство, которое я попытался резюмировать в этих заключительных словах: «во Христе умираем», чтобы мы смогли правильным образом разместить себя в духовном мире так, чтобы мы смогли пронести его через физический мир в следующее земное воплощение, если это чувство останется в нас, тогда мы распространим правильные вещи из такого рассмотрения в дальнейшую жизнь. Потому что мы хотим также пребывать совместно в таких чувствах, когда мы рассматриваем их как самые интенсивно связывающие чувства, и это по-настоящему незримое сообщество, занимающееся Антропософией, постепенно даст миру: эту сплочённость в таких ощущениях и чувствах, рождённых из представлений духовной науки. Миру требуется, я хотел бы сказать, это незримое сообщество душ, способных нести в мир силы такой сплочённости, которую я охарактеризовал. В этом смысле мы также желаем совместного духовного бытия позднее в будущем, даже если физически в какое-то время не будем находиться вместе. И так должно быть с нами всегда, чтобы духовная сплочённость вечно несла физическую.